

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

2

МАРТ-АПРЕЛЬ

"НАУКА"

МОСКВА - 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Т.И. Вендина (Москва). Лексический атлас русских народных говоров (пробный выпуск): предварительные итоги.....	3
Анна А. Зализняк (Москва). Феномен многозначности и способы его описания.	20
М.А. Таривердиева (Москва). Условные периоды в латинском языке (семантико-синтаксический очерк).....	46
В.А. Гуреев (Москва). Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания.	57
О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина (Москва). Смыслы 'причина' и 'цель' в естественном языке.....	68
В.В. Казаковская (Санкт-Петербург). Вопросо-ответные единства в диалоге "взрослый - ребенок".....	89

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Л.Э. Калнынь, Г.П. Клепикова (Москва). Вопросы диалектологии на XIII Международном съезде славистов.....	111
--	-----

Рецензии

И.А. Грунтов (Москва). Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции.....	123
О.Н. Ляшевская (Москва). <i>G.G. Corbett. Number</i>	125
Т.И. Резникова (Москва). <i>Reported discourse</i>	129
Л.Д. Шагдаров, У.-Ж.Ш. Дондуков (Улан-Удэ). Большой академический монгольско-русский словарь.....	134
П.М. Аркадьев (Москва). <i>G.T. Stump. Inflectional morphology. A theory of paradigm structure</i>	141

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки.....	148
---------------------------	-----

РЕДКОЛЛЕГИЯ :

Ю.Д. Апресян, ИМ. Богуславский, АЗ. Бондарко, В.А. Виноградов (зам. главного редактора),
ВТ. Гак, Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков, В.А. Дыбо, ВМ. Живое, А.Ф. Журавлев,
Е.А. Земская, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский, Ю.Н. Караулов,
А.Е. Кибрик (зам. главного редактора), *М.М. Маковский* (отв. секретарь), *А.М. Молдован,*
Т.М. Николаева (главный редактор), *В.А. Плунгян, ЕВ. Рахилина*

Зав. отделами: *М.М. Маковский, Г.В. Строчкова, М.М. Коробова*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Редакция журнала "Вопросы языкознания"
Тел.201-25-16

© 2004 г. Т.И. ВЕНДИНА

**ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ
(ПРОБНЫЙ ВЫПУСК): ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ**

XX век в истории русской диалектологии ознаменовался двумя крупномасштабными научными проектами - Словарем русских народных говоров (СРНГ) и Диалектологическим атласом русского языка (ДАРЯ). Реализация этих проектов дала толчок рождению еще одной идеи - создания Лексического атласа русских народных говоров, работа над которым завершится уже в XXI веке.

Словарь русских народных говоров сыграл чрезвычайно важную роль в развитии отечественной диалектной лексикологии. Обобщив разбросанные по многочисленным источникам сведения по диалектной лексике, собранной русскими диалектологами более чем за 170-летний период (с начала XIX в. до наших дней), Словарь стал одним из крупнейших компендиумов диалектной лексики русского языка. Несмотря на то, что СРНГ является словарем дифференциального типа и по замыслу его авторов "системные связи и противопоставления не будут в нем представлены в полном объеме" [Сороколетов 1978: 13], он хотя и не полностью, но все-таки выявил границы распространения диалектных слов, наглядно показав существование диалектных различий русских говоров на уровне лексики и словообразования. Кроме того, материалы Словаря реально доказали, что так называемая "общенародная лексика" по сути своей не является общенародной, так как часто используется лишь в некоторых областях России.

Чрезвычайно важной для развития отечественной диалектологии явилась и публикация Диалектологического атласа русского языка, работа над созданием которого планомерно началась с 1945 г. "Существенной особенностью Атласа, - писали его составители, — является то, что в нем равное внимание уделяется всем сторонам языка: словарному составу, грамматическому строю, фонетической системе" [Атлас... 1957: 14]. Раздел "Лексика" в "Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка" занимает довольно скромное место (он содержит 154 вопроса, из которых 52 относятся к семантике ряда слов, большей частью архаизмов), что было связано с общим уровнем развития диалектологии, и прежде всего с недостаточной изученностью диалектной лексики к моменту составления этой Программы, отсутствием соответствующих монографий, а главное - необходимого количества диалектных словарей, равномерно представляющих основные группы говоров. Именно поэтому "круг вопросов, включенных в раздел лексики, оказался довольно случайным и не связанным с изучением лексики как системы", - писал один из основателей этого Атласа Р.И. Аванесов. Лексических карт в Атласе "могло бы быть значительно больше, если бы лексика русских диалектов была в большей степени изучена ко времени составления программы". Завершая свои размышления по этому поводу, он, однако, замечает, что "в дальнейшем, по мере развития монографического изучения лексики русских диалектов и выявления словарных и семантических диалектных различий, возможно создание новой серии атласов русских говоров, посвященных лексике и семантике" [Атлас... 1957: 8].

В опубликованной сегодня первой части III тома ДАРЯ, посвященного лексическому уровню языка, представлено всего 75 карт, большую часть которых составля-

ют собственно лексические карты, подготовленные по материалам ономаσιологического раздела "Программы" ДАРЯ, и значительно меньшую часть - семантические. Карты, представленные в этом выпуске ДАРЯ, охватывают фрагменты следующих тематических групп лексики, относящейся к традиционной материальной культуре: 1) постройки и их части (например, названия крестьянского жилища, хода в подполье, построек и помещений для скота при доме, построек для зерна, хозинвентаря и кормов и др.); 2) домашняя утварь (например, названия колыбели, посуды, в которой замешивают тесто, ковша, глиняной посуды для молока, орудия для выколачивания белья при стирке, названия ухвата, сковородника и др.); 3) одежда (например, названия верхней мужской одежды, заплат, вязаных, кожаных или матерчатых рукавиц и др.); 4) пища (названия каши из муки); 5) сельскохозяйственные орудия (например, названия цепа, косы и их частей); 6) полеводство и огородничество (например, названия малых и больших укладок снопов в поле, построек и сооружений для сушки снопов, жердей, скрепляющих укладку снопов, всходов зерновых культур, глаголы со значением 'пахать' и 'бороновать', общее название сжатого поля, а также сжатого поля после различных зерновых культур, значение слова *жито*, названия коллективной помощи в сельской работе, слова, обозначающие период работы без перерыва и др.); 7) животноводство и птицеводство (например, способы наименования лошади в начальные периоды ее жизни, названия петуха, цыплят, прилагательные *жерёбая*, *суягная* и их соответствия, глаголы *ржать*, *мычать*, *блеять*, *лаять* и их соответствия, подзывные слова для лошадей и коров т.д.). Общее количество карт ДАРЯ определялось, естественно, не столько возможностями материала, сколько условиями публикации. Понятно, что это лишь малая часть того лексического богатства, которое предстоит еще выяснить.

Оба проекта оказали несомненное влияние на развитие всей русской диалектологии, более того, они явились базой для рождения нового крупномасштабного проекта общенационального масштаба - Лексического атласа русских народных говоров.

Возникновение этого замысла во многом определялось и общим направлением развития славянской лингвистической географии, появлением во многих странах не только общелингвистических атласов, но и атласов, посвященных изучению отдельных языковых уровней, и в частности лексики и словообразования, ср., например, "Атлас словацкого языка" (3 и 4 тома которого посвящены лексике и словообразованию), Закарпатский лексический атлас И.А. Дзендзелевского, "Лексический атлас Правобережного Полесья" Н.В. Никончука или "Лексический атлас гуцульских диалектов украинского языка" Я. Ригера, наконец, пятитомный "Лексический атлас белорусских народных говоров". Таким образом, рождение идеи создания Лексического атласа русских народных говоров было подготовлено всем ходом развития как отечественной, так и зарубежной диалектологии.

Лексикографическое и монографическое изучение диалектной лексики, особенно интенсивно проходившее во второй половине XX в., существенно расширило представления о составе и характере диалектных различий на уровне лексики и словообразования. Оно позволило выявить не только структуру многих семантических групп, но и уяснить, в каких семантических сферах языка эти диалектные различия возникают чаще всего и с чем они оказываются связаны - с разным обозначением тех или иных понятий, с разной морфемной структурой однокоренных слов, с разной семантикой одних и тех же слов или наличием ~ отсутствием тех или иных слов при обозначении реалий внешнего мира.

Лингвогеографическое же изучение диалектной лексики (см., например, "Лексический атлас Московской области" А.Ф. Войтенко (Ивановой) или "Лексический атлас Архангельской области" Л.П. Комягиной) показало, что "отражение на карте лишь ареалов отдельных слов, диалектных по звуковой форме или по значению, не отвечает современному состоянию диалектологии и диалектной лексикологии как сугубо атомарный по подходу" [Мораховская 1994: 18].

Благодаря этим исследованиям в отечественной диалектологии укреплялась идея перспективности изучения лексики методами лингвогеографии, необходимости со-

здания лексического атласа общенационального масштаба, и вместе с тем росла убежденность, что этот атлас должен быть построен на принципиально новых методологических началах.

Идея создания Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ) родилась еще в 70-е годы, когда на совещании по Общеславянскому лингвистическому атласу, проходившему в Ленинграде, И.А. Попов выступил с докладом, в котором, обосновывая необходимость изучения диалектной лексики в лингвогеографическом аспекте, предложил развернуть работу по созданию Лексического атласа русских народных говоров. Уже тогда было очевидно, что отечественная диалектология не располагает сведениями о диалектных различиях на уровне лексики, данные о которых в большинстве своем носили обрывочный характер. Однако более важными оказались тогда экстралингвистические факторы, чем собственно научные, и реализация этой идеи отодвинулась на двадцать с лишним лет. За это время в силу естественных языковых процессов многое в диалектах было утрачено, а из науки и из жизни ушло много по-настоящему талантливых диалектологов, любивших и умевших по достоинству оценить диалектное слово. И в этом смысле судьба диалектной лексикологии и лингвогеографии оказалась сегодня безысходной, если не сказать трагической, учитывая стремительное разрушение диалектов под натиском волн литературного языка.

Работа над ЛАРНГ развернулась лишь в 90-е годы, когда тема была включена в Комплексную программу исследований Академии наук "Русский язык" (хотя еще в 1974 г. был опубликован Проспект Лексического атласа русских народных говоров). В 1994 г. были изданы Проект и Программа ЛАРНГ (Лексический атлас русских народных говоров. Проект / Отв. редактор И.А. Попов. СПб., 1994. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Часть 1-2 / Отв. редактор И.А. Попов. СПб., 1994).

За эти десять лет было немало сделано для реализации этой идеи, а главное - была создана концепция и программа ЛАРНГ, подготовлен пробный выпуск. Значение этого атласа для отечественной диалектологии определяется, с одной стороны, спецификой объекта исследования, с другой - самого жанра исследования, с третьей - спецификой методики исследования, а с четвертой - спецификой способа исследования, а точнее способа репрезентации материала на карте.

С п е ц и ф и к а о б ъ е к т а исследования - картографирование основных звеньев словарного состава русских народных говоров - определяет значение ЛАРНГ не только для русистики, но и в целом для славистики, поскольку впервые русский диалектный материал может быть рассмотрен в восточнославянском и шире - в общеславянском контексте, чему способствует сама Программа ЛАРНГ, при составлении которой учитывались Программы белорусского и украинского лексических атласов, а также Общеславянского лингвистического атласа.

С п е ц и ф и к а ж а н р а исследования - лексический атлас - связана с особым отношением к фактической базе ЛАРНГ, поскольку обычно в лингвистических атласах предметом картографирования являются диалектные различия, предвзительно уже установленные в ходе изучения соответствующих диалектов (ср. в связи с этим слова Л.Л. Касаткина, который, определяя специфику диалектологического атласа, пишет, что "атлас диалектологический дает сведения о территориальном распределении заранее известных явлений" [ЛЭС: 51]). Что касается лексического атласа, то здесь такого ограничения нет, поскольку на сегодняшний день мы не располагаем информацией не только об ареалах многих диалектных слов (особенно об их семантической структуре), но и самом их инвентаре: "из общего количества известных по областным картотекам и словарям диалектных слов (около 250 тыс.) изоглоссы определены едва ли для 1% (карты ДАРЯ и некоторые другие источники)" [ЛАРНГ. Проект 1994: 5]. Таким образом, создание Лексического атласа русских народных говоров является одной из актуальных задач русской диалектологии. И не только потому, что нам неизвестны границы распространения многих

диалектных слов, но и потому, что на современном этапе развития социальной жизни процессы изменения говоров, утраты в них специфически диалектного протекают особенно интенсивно (в связи с чем собирание материала должно проводиться по максимально полной программе).

Специфика способа исследования — компьютерное картографирование — дает возможность оперативно вести обработку материала по любому из задаваемых параметров, обеспечивая надежность и проверяемость картографируемых фактов, а главное — автоматическое создание карты. При этом компьютерная программа ЛАРНГ позволяет не только автоматически картографировать материал, но и проводить с ним всевозможные ареалогические манипуляции: разгружать и упрощать карту, представляя на ней лишь одно диалектное различие, определять ареал того или иного картографируемого слова, выделять этот ареал с помощью иного картографического средства — заливки или штриховки и т.д. Поэтому к каждой карте может быть легко создана карта-дубль (в Пробном выпуске ЛАРНГ содержится несколько таких карт), представляющая самые важные, с точки зрения автора, диалектные различия, которые впоследствии получат отражение на сводной карте изоглосс.

Компьютерная форма хранения и обработки материала помогает не только осуществлять автоматическое создание любой карты (что даст, несомненно, мощный толчок развитию лингвогеографических исследований, и в частности созданию региональных атласов с помощью компьютерной технологии), но и дает возможность шире использовать статистические и автоматические методы исследования для решения проблем лингвогеографии.

Специфика методики исследования — системный подход к отбору, интерпретации и картографической репрезентации материала, который неоднократно был опробован и прекрасно себя зарекомендовал во многих монографических, лексикографических исследованиях диалектной лексики¹, а также в Программах Лексических атласов белорусского и украинского языков. Использование этого подхода диктовалось, с одной стороны, современной методикой изучения словарного состава территориальных диалектов, а с другой — требованиями лингвистической географии, объектом картографирования которой являются не разрозненные, а системные факты.

По замыслу создателей ЛАРНГ, он должен "показать в пространственной проекции основные звенья словарного состава русских народных говоров — лексические и семантические различия в организации тематических и лексико-семантических групп, семантическую структуру слова, особенности диалектного словообразования" [ЛАРНГ. Проект 1994: 5]. При этом в отличие от широко распространенной традиции в славянской лингвогеографии (в том числе и в русской) в Атласе должно уделяться "равное внимание любому члену диалектного различия, независимо от того, представляет ли он собственно диалектную лексическую единицу или же слово, входящее одновременно в состав литературного языка и общерусского просторечия" [Попов, Азарх, Вендина, Герд, Мораховская, Петрова 1993: 329]. Именно с этих позиций и создавалась Программа и концепция ЛАРНГ. Впервые она была доложена широкой научной общественности на XI Международном съезде славистов в Братиславе в 1993 г., где был представлен совместный доклад инициативной группы атласа, входящей в его Оргбюро, в составе Попова И.А., Азарх Ю.С., Вендиной Т.И., Герда А.С., Мораховской О.Н., Петровой З.М. Концепция атласа получила одобрение научной общественности. Позднее (в 1994 г.) она была изложена в Проекте ЛАРНГ, в написании которого участвовал тот же коллектив авторов.

Программа ЛАРНГ была подготовлена на основе обширных материалов СРНГ и его картотеки, других областных словарей, а также монографических и диссертаци-

¹ См., например, работы [Вопросы теории... 1962; Толстой 1969; Клепикова 1968; 1974; Гриценко 1984; Мораховская 1985; 1988] и др.

онных исследований по диалектной лексике, кроме того, она учитывала и опыт предшествующих диалектологических программ и прежде всего "Программы собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка", "Пособия-инструкции для подготовки и составления региональных словарей русского языка", "Программы собирания сведений для региональных словарей и атласов" и др. Все эти исследования создали ту базу, без которой невозможно было начать работу над этим проектом ранее.

Говоря о новациях ЛАРНГ, следует прежде всего сказать о принципе системности, который был положен в основу концепции атласа и который последовательно представлен как в самом отборе материала, так и его картографической репрезентации.

Несмотря на то что идея системного подхода к лингвогеографическому изучению диалектной лексики является уже далеко не новой (ср. в связи с этим замечания Р.И. Аванесова, высказанные им в предисловии к [Атлас... 1957: 8]: "В настоящем атласе делается попытка картографировать не произвольно оказавшиеся в поле зрения составителей факты языка, а языковые явления как элементы системы языка или, во всяком случае, в связи с системой языка"), системный подход к отбору и интерпретации материала не мог быть реализован ранее вследствие недостаточной изученности диалектной лексики, отсутствия необходимого количества диалектных словарей, равномерно представляющих основные группы говоров, и как результат этого - неизученности словарного состава диалектного языка как системы. Даже в 60-е годы, когда наблюдается оживление идеи исследования диалектного слова методами лингвогеографии, ситуация в принципе не меняется, о чем пишут и авторы коллективной монографии "Вопросы теории лингвистической географии", ср. в связи с этим следующее высказывание Р.И. Аванесова: "Словарный состав языка, как и все другие его стороны, образует систему. Слова одной системы (например, диалекта) по своим значениям и структуре связаны друг с другом. Они могут образовывать определенные семантические группы. Одни слова данной частной языковой системы могут быть связаны с другими словами той же системы по признаку тождественности, близости или противоположности значения, по признаку разграничения слов в разных сферах языковой деятельности. Появление в данной частной языковой системе нового слова может вызвать утрату имевшегося ранее в этой системе своего слова с тем же значением или семантическую дифференциацию в употреблении своего и заимствованного слова и т.д. Однако проблема изучения словарного состава как системы даже в пределах одной частной разновидности языка (например, в пределах одного диалекта) изучена еще очень слабо. Тем более не изучена она в более широких границах языка как целого, как системы частных языковых систем, где предметом изучения должно быть не только функционирование слова в каждой из частных языковых систем, но также и соотношение соответственных лексических элементов разных частных систем. Поэтому до настоящего времени практически в диалектологии вообще и в лингвистической географии в частности приходится изучать отдельные частные лексические диалектные различия, нередко малосвязанные или вовсе не связанные друг с другом" [Вопросы теории... 1962: 150].

Вот почему в ДАРЯ на первоначальном этапе работы над атласом системный подход к отбору материала не предусматривался, о чем пишет О.Н. Мораховская во введении к лексическому тому атласа: "Хотя лингвогеографическое изучение лексики диалектов требует системного подхода не в меньшей степени, чем материал фонетики и грамматики, сама возможность такого подхода не предусматривалась в начале работы над атласами (на этапе подготовки программы собирания материалов). Она выявилась уже в процессе работы с материалом в осмыслении той сложности, которую представляет сам объект - его вариативности, динамизма лексических номинаций, высокой степени проницаемости в результате взаимовлияния разных коммуникативных систем" [ДАРЯ 1996: 31].

Однако общий уровень развития сегодня лексикологии и лингвогеографии, утверждение идеи системности в организации словарного состава языка как в отечест-

венной, так и зарубежной лингвистике (осмысление словарного состава языка как лексико-семантической системы, разработка теории лексико-семантических групп, тематических групп, семантических полей, выявление типологии диалектных различий лексико-семантического уровня) вызвали и в диалектологии подъем лексикологических исследований, ориентированных на выявление системных отношений, что позволило постепенно преодолеть научный скепсис в правомерности применения понятий "системы" и "системности" к диалектной лексике и семантике и вновь обратиться к идее реализации системного подхода в отборе и картографической репрезентации материала в лексическом атласе. В этой связи следует указать на работы Н.И. Толстого (и прежде всего на две его статьи, появившиеся в 60-х годах в "Вопросах языкознания", посвященные типологическому исследованию славянского словарного состава), сыгравшие важную роль в разработке концепции Атласа².

В этих работах Н.И. Толстой предложил новый подход к изучению системных отношений в лексике и показал, как, используя системный принцип исследования диалектной лексики, можно глубже понять структуру и типологию диалектных различий. Введя в научный обиход понятие семантического микрополя как амплитуды колебаний значения одной лексемы в пределах исследуемого диалектного континуума, он на конкретных примерах продемонстрировал методологию построения сетки-модели семантического микрополя и достоинство системного подхода при изучении принципов организации диалектного словаря и выявлении структурно-семантических различий. На фоне этих исследований еще ярче обнаружилось несовершенство атомарного принципа отбора диалектного материала, когда в центре внимания исследователя были одиночные, нередко случайно выбранные лексемы, что нередко приводило к непреодолимым затруднениям при лингвогеографическом изучении лексики (ср. в связи с этим детальный разбор Н.И. Толстым Программ трех диалектологических атласов - русского (ДАРЯ), украинского (АУМ) и белорусского (ДАБМ) -, содержащийся в его статье "Из опытов типологического изучения славянского словарного состава (I)", где он доказывает несовершенство этого атомарного подхода, когда во внимание принимались лишь дифференциальные признаки и игнорировались интегральные). Системный подход к отбору материала при разработке лексического раздела этих программ, как уже отмечалось, не мог быть в то время успешно реализован вследствие недостаточной изученности диалектной лексики и отсутствия большинства диалектных словарей, репрезентирующих основные группы говоров, поэтому и круг вопросов, включенных в программы, оказался неполным и не связанным с изучением лексики как системы³.

² О том, что эти работы не утратили своего теоретического и практического значения для современной диалектологии свидетельствует статья Г.П. Клепиковой [Клепикова 1999: 64], в которой дается оценка этих работ, а также самого метода построения "семантического поля" в свете новых исследований по лингвогеографии.

³ Не могу в связи с этим не привести слова В.Г. Орловой, которая в главе "Подготовка и построение диалектологического атласа" в монографии [Вопросы теории... 1962: 180-181] пишет: "Однако тому, чтобы раздел лексики также основывался на подходе к изучению языка как системы, мешало отсутствие соответствующих монографий лексического характера и достаточно числа диалектных словарей, равномерно представляющих основные группы говоров. Лишь разработанные на должной научной основе диалектные словари могли бы дать представление о составе семантических групп словаря различных говоров. Монографическое изучение лексики должно было бы, в свою очередь, дать основу для выявления структуры этих семантических групп, показать удельный вес диалектных различий разного типа и то, с какими разделами словаря эти различия связаны... В связи с отсутствием монографических исследований, посвященных лексике говоров, круг вопросов, включенных в раздел лексики, оказался довольно случайным, неполным и не связанным с изучением лексики как системы... И эта неполнота и случайность материала по отношению к основным семантическим группам словаря русских народных говоров остаются недостатком программы и составляемых на ее основе атласов".

Вместе с тем следует отметить, что общий подъем лексикологических исследований в области диалектологии, успехи, достигнутые русской и славянской лингвистической географией в картографировании диалектных различий на уровне лексики и словообразования (см., например, работы О.Н. Мораховской, Г.П. Клепиковой, В.Е. Гольдина, П.Е. Гриценко и др., в которых разрабатывалась методика использования идеи семантического микрополя при изучении лексико-семантических явлений в диалектном языке) убедительно доказали, что широкий круг проблем, связанных с пространственным изучением лексико-семантического уровня языка, может быть решен только при условии всестороннего охвата диалектного материала и более углубленного подхода к его собиранию и описанию.

Со всей очевидностью стало ясно, что должен быть преодолен существовавший долгое время в диалектной лексикографии и лингвогеографии дифференциальный подход к лексикографическому и картографическому освоению диалектной лексики, поскольку он "не дает возможности рассматривать диалектную лексику в системном плане и затрудняет, а иногда и делает невозможным ее исследование в сравнительно-типологическом" [Толстой 1997: 245]: при таком подходе предметом внимания диалектологов являются лишь регионализмы, слова же, имеющие общерусское распространение в исследовании не учитываются, потому что априори принимается презумпция повсеместного распространения литературной лексики. Это отсутствие в большинстве диалектных словарей и атласов литературной лексики не позволяет выявить ареалы литературных слов и тем самым определить направление диалектных потоков в истории литературного словаря. Между тем публикация "Лексического атласа белорусских народных говоров" показала, что "презумпция повсеместного распространения литературной лексики оказывается справедливой далеко не для всех слов литературного языка, достаточно широкий круг слов литературного языка оказывается связанным с определенными диалектными ареалами" [Толстая 1995: 263]. Проведенный СМ. Толстой анализ карт "Лексического атласа белорусских народных говоров" в плане ареального соотношения литературной и диалектной лексики показал, что на картах отчетливо обнаруживаются две крайних ситуации, а именно: "полное отсутствие или спорадичность литературного слова на диалектной карте и повсеместное, практически не ограниченное распространение слова, при котором другие диалектные лексемы оказываются лишь вкраплениями" [Толстая 1995: 264]. В связи с этим при обсуждении Программы ЛАРНГ решено было отказаться от дифференциального подхода и положить в ее основание системный подход к отбору, интерпретации и картографической репрезентации материала.

Системный подход предполагает прежде всего одинаковое внимание к любому члену диалектного различия, будь то собственно диалектная лексическая единица или же слово, входящее одновременно в состав литературного языка и общерусского просторечия. Включение в Программу лексики литературного языка мотивировалось не только требованием системности, но и самой языковой логикой, так как эта лексика образует основной костяк народного словарного запаса, игнорировать который было просто нерационально. Кроме того, снятие этих ограничений давало возможность исключить искусственные лакуны в составе Программы, которые неизбежно возникают при дифференциальном подходе.

Поскольку основными понятиями общей теории систем являются "целостность", "элемент", "структура", "связи", системный подход при лингвогеографическом изучении диалектной лексики, в отличие от дифференциального подхода, предполагает не только равное внимание к любому члену диалектного различия, но и внимание к тем отношениям и связям элементов системы, которые пронизывают всю лексику языка, ибо в самом характере отношений этих элементов отражается своеобразие восприятия мира, процесса установления связей его объектами.

Поэтому реализация системного принципа в отборе картографируемого материала потребовала, с одной стороны, существенного увеличения объема вопросника, а с другой - учета системообразующих связей лексических единиц, поскольку любая си-

стема являет собой внутренне организованную совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Внимание к системообразующим связям лексических единиц предполагает выявление семантической структуры как отдельного слова, так и лексико-семантических групп, выделения тематических групп, семантических микрополей, словообразовательных гнезд и т.д. При этом следует особо отметить, что учет этих системных отношений в лексике реализовывался уже на самом начальном этапе работы над ЛАРНГ, при разработке его Программы, так как "отсутствие заранее запрограммированной семантической сетки с максимальным набором дифференциальных признаков может привести к опущению важного материала" [Толстой 1963: 29].

Подход к языку как к системе при разработке Программы выразился и в том, что в ней последовательно проводилось разграничение собственно лексических фактов и фактов, относящихся к другим сторонам языка.

По замыслу создателей этого атласа, он должен показать пространственную стратификацию основных звеньев лексической системы русских народных говоров (лексические и семантические различия в организации тематических и лексико-семантических групп, различия в семантической структуре слова, в диалектном словообразовании, в мотивационных признаках, способах номинации и т.д.).

Понятно, что ввиду обширности лексической системы ни один атлас не может во всей полноте отразить системный характер лексики диалектов того или иного национального языка. Реально возможным для него является изучение определенного (но все-таки довольно широкого) круга тематических, лексико-семантических, словообразовательных групп и семантической структуры отдельного слова. Именно по этому пути и пошли создатели Программы ЛАРНГ, и в этом смысле они учли опыт ДАРЯ, который показал, что "программа для собирания лексических данных должна была бы по возможности равномерно... отразить основные семантические стороны словаря" [Вопросы теории... 1962: 180].

Программа ЛАРНГ включает более 5 000 вопросов, касающихся лексики, типичной для социального уклада, среды обитания и быта сельских жителей и отражающей специфику русской языковой картины мира. Такое значительное количество вопросов должно существенно увеличить возможность выявления системообразующих связей в лексике говоров.

В основу составления вопросника был положен критерий значимости реалии в традиционной материальной и духовной культуре. Ввиду обширности макросистемы диалектного языка (территориальные границы атласа, насчитывающего 1064 пункта, простираются от Белого до Черного моря, а на востоке - до Урала, т. е. они значительно шире, чем в ДАРЯ и русской части О Л А) Программа строится по тематическому принципу, что само по себе способствует восприятию материала в этнокультурном контексте, поскольку подспудно выявляет материальные и духовные ценности русской традиционной культуры. Она состоит из следующих крупных разделов - **природа, человек, трудовая деятельность, материальная и духовная культура, питание, пути сообщения и средства передвижения**. Внутри этих разделов выделяются более узкие тематические группы, большая часть которых будет представлена отдельными томами ЛАРНГ. Вопросы формулируются от значения к слову и от слова к значению, что дает возможность выявить структурно-семантические и деривационные различия диалектного слова.

Особо следует выделить раздел традиционная **духовная культура** (верования, обряды, праздники и развлечения, игры), который, как правило, отсутствует в программах многих атласов. Между тем включение этого раздела в Программу ЛАРНГ определялось не только его значимостью для языкового сознания русского народа, но и все тем же принципом системности, так как, давая представление о материальной культуре русского народа, мы должны были отразить в атласе и элементы его духовной культуры.

Ориентация ЛАРНГ на традиционную лексику крестьянского быта и культуры, по замыслу его создателей, должна способствовать более глубокому постижению связей языка с конкретными формами быта, хозяйства и духовной культуры русского народа.

Стремясь преодолеть традиционный недостаток многих лингвогеографических программ, связанный "с частой семантической несоотнесенностью атомарно взятых лексем, с различной широтой семантического спектра или объема одной и той же лексемы в разных диалектах" [Толстой 1963: 39^40], составители Программы использовали методику системного анализа и при формулировке вопросов учитывали не только дифференциальные, но и интегральные семантические признаки, лежащие в основе формирования лексико-семантических микрогрупп: например, в лексико-семантической группе 'лес' принимались во внимание такие семантические признаки, как *возраст леса (молодой или старый)', 'густота (густой или редкий лес)', 'качество произрастающих в нем деревьев' (например, большой или здоровый лес, прямой строевой или кривой нестроевой и т.д.), 'преобладающая в нем порода деревьев', 'высота произрастающих в нем деревьев', 'размер леса', 'место произрастания' и др.), поэтому, кроме **общего названия леса**, в Программу были включены следующие вопросы: '**лиственный лес**' (*гай, дубровник, мигловник, помора...*), '**хвойный лес**' (*борон, игольник, ревка, чернолесье...*), '**смешанный лес**' (*бель, разнолесье, рамень*), '**лес, роща с преобладанием деревьев одной породы**' (*березы, дуба, ели, ивы, кедра, осины, сосны*); '**молодой лес из деревьев разных пород**' (*дубна, мелкая, мелятник, росляк, молочник...*); '**молодая поросль деревьев преимущественно одной породы**', '**старый лес из деревьев преимущественно одной породы**', '**старый лес из деревьев разных пород**', '**редкий лес**' (*жидняк, поред, поредье, редашка...*), '**густой лес**' (*густарник, займище, ромень, трущоба...*), '**чаща, дремучий лес**' (*арема, глушиник, дрем, дурман, дедья...*), '**здоровый, высокий, прямой строевой лес**' (*болонки, бревенник, избняк...*), '**больной, низкий, кривой нестроевой лес**' (*вакорник, вилажник, дровняк, кренюжник...*), '**мертвый лес с засохшими на корню деревьями**' (*мертвяк, сухара, сушник...*), '**мелкий лес, мелколесье**' (*ерник, малега, малоросник, мелкач, пасек...*), '**высокий лес с большими деревьями**' (*взводистый лес, жаровой лес, кондовый лес...*), '**горелый, выгоревший лес**' (*гарник, паль...*), '**лес, выросший на пожарище**' (*гарь*), '**большой, обширный лесной массив**' (*бор, ройник, урман...*), '**небольшой лесок, роща**' (*боровинка, гаек, малолесье, околок...*), '**лес, растущий на болоте**' (*болотняк, лядо, парма, рям...*), '**лес, растущий по берегам рек**' (*бережина, паберега, прибрежник, урема...*), '**лес, растущий на возвышенности**' (*грива, урема...*), '**поваленный бурей лес**' (*бурелом, валеж, ветробой, ветровал, залом, повалесье...*), '**сломанное бурей дерево**' (*буреломник, ветроломина, вихроломина*), '**сухое дерево**' (*жарина, засушина, сушина, сухара...*), '**сухая вершина дерева**' (*голубняк, жарник...*) и т.д.

Из приведенного отрывка Программы видно, что системный принцип отбора материала проявился и в том, что при формулировке вопросов учитывалась специфика регулярных парадигматических и синтагматических связей в лексике, которые строятся на принципах подчинения и соподчинения (родо-видовые и совидовые отношения), равнозначности (или синонимии), противоположности (или антонимии), целого и его части (или партономии). Поэтому вопросник Программы включает родовые и видовые наименования, совидовые наименования с противоположными значениями, названия целого и его частей, т.е. все то, что входит в понятие системных отношений.

Таким образом, в Программе нашли отражение, с одной стороны, внелингвистические признаки (взаимосвязанные природные или социальные явления), а с другой - собственно лингвистические (разнообразные дифференциальные и интегральные признаки слов, входящих в одну лексико-семантическую группу или семантическое поле), что позволило последовательно провести принцип системности в отборе картографируемого материала.

Еще раз подчеркну, что такая Программа могла быть создана только лишь на современном этапе развития отечественной диалектологии, когда благодаря много-

численным диссертационным и монографическим исследованиям диалектной лексики сложились определенные представления о типах лексико-словообразовательных и семантических различий (не случайно многие разделы Программы были написаны авторами, имеющими монографии или диссертации по соответствующей тематике), поэтому создание Программы явилось своеобразным итогом предварительного изучения диалектной лексики.

По замыслу создателей атласа, ЛАРНГ будет отличаться от существующих на сегодняшний день атласов (как собственно лексических, так и региональных) и типами предусматривающихся в его составе карт.

Кроме традиционных **лексических** и **лексико-словообразовательных карт**, построенных по ономазиологическому принципу (т.е. от значения к слову) и репрезентирующих территориальное распределение названий одного и того же объекта номинации (будь то предмет в широком смысле этого слова, явление, действие или признак), типичный для него состав корневых морфем, формантов и способ деривации, он будет включать **лексико-этнографические карты**, построенные также по ономазиологическому принципу, но осложненные этнографическими данными. Коллектив ЛАРНГ, создавая его вопросник, старался придерживаться принципа, провозглашенного в свое время Р. Мерингером, "не отрывать слова от вещи", поэтому на картах этого типа будет использован предложенный Н.И. Толстым метод параллельного представления изоглосс и изопрагм: фоном на этих картах будут переданы этнографические различия картографируемой реалии, а знаками - различия языковые [в Пробном выпуске ЛАРНГ представлена такая карта, посвященная названиям разных типов гумен: открытое гумно (*ладонь, долонь, под, токовище, токовня, гувенник...*), закрытое гумно (*гумно, клуна, токовня...*)].

Другой отличительной особенностью ЛАРНГ является его этнолингвистическая ориентированность, т. е. в нем найдет картографическое выражение материал по духовной культуре русского народа, поскольку терминология духовной культуры, существующая в разнообразных "диалектных формах" (а это и обрядовая календарная, семейная, собственно мифологическая лексика, еще сохраняющаяся как в виде отдельных лексем, так и в составе фразеологических оборотов) включена в понятийно-языковой тезаурус атласа на равных основаниях с другими лексическими группами. Этот этнолингвистический подход в лингвогеографии должен проложить новые пути в картографической репрезентации диалектного слова, а создание **этнолингвистических карт** откроет новые перспективы в пространственной интерпретации "языка культуры".

Кроме того, в нем предусматривается большое количество **семантических** и **лексико-семантических карт**, построенных по семасиологическому принципу (т.е. от слова к значению) и призванных представить структурно-семантические и лексико-семантические различия: на семантических картах ЛАРНГ найдут отражение диалектные различия в значениях одного и того же слова (в случае полисемии) или же слов, имеющих одну и ту же звуковую форму (в случае омонимии), ср., например, разные значения слова *бирюк*, среди которых 'волк', 'медведь', 'барсук', 'угрюмый человек', 'злой человек', 'ленивый человек' и др., а также 'страшилище, которым пугают детей'; на лексико-семантических картах будут представлены структурные и пространственные отношения между разными словами, относящимися к таким объектам номинации, наименования которых находятся в парадигматических отношениях между собой и составляют ЛСГ или их фрагменты, ср., например, вопрос 'крестьянская жилая постройка', на который предполагается получить такие ответы, как *изба, хата, хоромы, курень, дом, жило* и др., при этом отношения между данными словами при их сосуществовании в одной и той же частной диалектной системе могут быть разными (например, *дом* 'хорошая постройка', а *изба* 'плохая или обычная постройка' или *дом* 'двухэтажная постройка', а *изба* 'одноэтажная постройка', *дом* 'усложненная постройка', а *изба* 'простая постройка' и т.д.), в связи с чем на карте получают отражение не только эти слова, но и разные отношения между ними.

Новацией ЛАРНГ является и большое количество предусматривающихся его Программой собственно **словообразовательных карт**. В отличие от ДАРЯ, в программе которого вопросам словообразования отводится довольно скромное место ("обычно в пределах лексической части вопросника предлагается выявить отдельные лексемы, которые могут иметь различные аффиксы, при этом словообразовательная дифференциация рассматривается в одном ряду с лексемной, а иногда и с фонетической дифференциацией" [Толстой 1997: 91]), в ЛАРНГ будут представлены синтетические словообразовательные карты, эксплицирующие различные словообразовательные типы, объединенные общностью словообразовательного значения (например, сингулятивного, пейоративного, мелиоративного и др. значений), или наоборот - типы словообразовательного значения дериватов с одним и тем же формантом (например, с суффиксом *-их-*), сводные карты словообразовательных моделей отдельных ЛСГ (например, группы названий, относящихся к молодой поросли деревьев одной породы или к одному отдельно растущему дереву определенной породы), карты, посвященные различиям в частеречной принадлежности производящих основ однокоренных дублетов (например, субстантивных и адъективных основ к производных *овсище* и *овсянице* или *ржище* и *ржанице*) и др.; **мотивационные карты**, задачей которых будет выявление различий в мотивировочных признаках как отдельных лексических дублетов (см., например, в Пробном выпуске ЛАРНГ мотивационные карты "Больной, низкий, кривой нестройной лес" и "Здоровый, высокий, прямой строевой лес"), так и ряда членов одной ЛСГ (например, подзывных слов домашних животных); **номинативные карты**, выявляющие различия в способах номинации реалий внешнего мира (см., например, в Пробном выпуске номинативную карту "Мертвый лес с засохшими на корню деревьями"); **историко-лингвистические карты** (лексические, семантические и словообразовательные карты), которые должны будут эксплицировать пространственно-временную динамику в лексике русских говоров (составление подобных карт возможно на основе сопоставления архивных опубликованных материалов, например, собранных для "Опыта диалектологической карты русского языка в Европе" (1915 г.), и современных); и, конечно, сводные, обобщающие **карты изоглосс**, выявляющие диалектное членение говоров русского языка по данным лексики и словообразования (подробнее см. [ЛАРНГ. Проект 1994: 56-65]).

Системный подход к диалектному материалу отразился не только в его отборе, но и в картографической репрезентации. Поскольку объектом картографирования является лексика, не имевшая ранее в большинстве своем точных территориальных координат, то при обработке материала и составлении карты автор учитывает весь материал карты (за исключением единичных или не соответствующих теме карты ответов), а не только тот, который логично укладывается в его концепцию, позволяя выделить четкие ареалы (и в этом также проявляется новация ЛАРНГ, для которого "любой тип лингвистического ландшафта представляет интерес, давая материал для интерпретации" [ЛАРНГ. Проект 1994: 57]).

Вместе с тем следует отметить, что весь этот материал автором определенным образом препарируется с целью выявления разного плана диалектных различий, что специально оговаривается в комментарии. Поэтому карты ЛАРНГ дают в руки читателя не "сырой" материал, который еще предстоит осмыслить и определенным образом классифицировать, а материал, подвергшийся дифференциации и авторской интерпретации. При этом к каждой карте прилагается сводный индекс материалов, который позволяет читателю не только проверить авторскую версию карты и оценить правомерность его решений, но и самому составить представление о характере диалектных различий.

Если же материал оказывается "пестрым" и не "ложится" на карту (поскольку, как заметили уже составители ДАРЯ, "группировка знаков на карте не во всех случаях дает основания провести изоглоссу, так как из числа отраженных на карте противопоставлений не все обладают достаточной определенностью территориального распространения, более того, может оказаться также, что на карте вообще не могут

быть выявлены достаточно определенные границы между разновидностями соответственного явления" [Бромлей, Булатова 1962: 210], автор может принять решение отвести его от картографирования (мотивируя, естественно, свое решение в комментарии) и представить лишь в виде сводного индекса.

При разработке картографической концепции ЛАРНГ создатели исходили из того, чтобы "план выражения (способы картографирования) с наибольшей рельефностью отражал план содержания (разные аспекты картографируемого явления в его структурных иерархических связях)" [Аванесов 1978: 20]. В основу этой концепции был также положен принцип системности, базирующийся на иерархии диалектных различий и позволяющий элиминировать все то, что не существенно для картографируемого вопроса (например, отражение на карте с помощью специальных графических средств элементов регулярной диалектной фонетики). С этой целью в ЛАРНГ была разработана такая система картографической репрезентации материала, которая учитывала бы взаимозависимость и типологическую соотношенность графических средств, когда выбор обозначения для первого члена ареальной оппозиции в инвариантном ряду предопределяет всю последующую композицию карты. Таким образом выдерживался принцип последовательной графической иерархии и соотносительности картографических средств.

Продумывая картографическую концепцию ЛАРНГ, составители опирались прежде всего на опыт славянской лингвогеографической школы, а также на опыт таких изданий, как Европейский и Общеславянский лингвистический атласы, в которых используется знаковая система картографических средств. Достоинство этой системы по сравнению с техникой изоглосс или фона, также используемой во многих атласах, прежде всего в ее наглядности, в способности не только четко отразить на карте многоплановые диалектные противопоставления в пределах картографируемого слова, но и, что очень важно, привязать их к определенному населенному пункту, давая читателю возможность провести "паспортизацию" того или иного картографируемого слова. Именно поэтому было принято решение использовать в ЛАРНГ знаковую систему картографических средств, что, однако, не исключает применение различных видов штриховок, заливок или изоглосс с целью усиления наглядности карты в передаче многоплановых диалектных различий.

Система знаковой дифференциации каждой карты строится на противопоставлении геометрических фигур (круга, квадрата, треугольника, ромба, прямоугольника, трапеции, эллипса и др.), а также их внутренних и внешних модификаций (т.н. внутренних и внешних диакритик). Различия в конфигурации геометрических знаков сигнализируют об оппозиции первого уровня противопоставления (ср., например, различия в корневых морфемах, в значениях слова, в мотивационных признаках и т.д.), являющегося, как правило, основным для темы карты. Различия же во внутренних и внешних диакритиках одного и того же знака призваны передать противопоставления второго и последующего планов (различия в аффиксальных морфемах, лексико-семантических вариантах одного слова, в вариантных признаках и т.д.). Знаки могут употребляться как самостоятельно, так и вписываться в другую геометрическую фигуру (например, при передаче сложного слова). При картографировании описательных конструкций используются внешние либо внутренние диакритики, но, чтобы не перегружать карту, могут применяться и различные виды штриховок. Таким образом, картографический план подчинен раскрытию лингвистического содержания карт.

Картографическая концепция, лежащая в основе легенды каждой карты ЛАРНГ, дает возможность отразить разноплановые диалектные различия в картографируемых словах. Системный принцип картографирования позволил авторам представить на карте многоступенную противопоставленность различных сторон картографируемых лексем с учетом иерархии разнокачественных явлений. Иерархия и соотносительность систематизированных, графически однотипных знаков, используемых на карте, позволяет передать информацию самого разного уровня абстракции в зависимости от типа карты - мотивационного, семантического, лексического, словообра-

зовательного, морфологического, синтаксического - и тем самым повысить информативную нагрузку карты.

Системный принцип репрезентации материала в ЛАРНГ отразился и в разработке методики комментирования его материала. Каждую карту сопровождает комментарий, выполненный в соответствии с алгоритмом, единым для всех карт атласа. Он включает такие необходимые элементы, как объяснение проблематики карты, характеристику картографируемого материала и тех диалектных различий, которые получают отражение на карте, принятую систему картографических средств, указания на сомнительные названия, дисквалифицированные автором по разным причинам, замечания эксплораторов о тех или иных формах и другую информацию. Несмотря на известную унифицированность информации, требующей отражения в комментарии, следует отметить, что каждый комментарий является в сущности маленькой статьей, в которой излагаются вопросы, связанные с интерпретацией картографируемого слова (причем в ходе дальнейшей работы над ЛАРНГ и привлечение нового материала объем комментария будет, естественно, увеличиваться).

К комментарию прилагается иллюстративный материал, который имеет особую ценность, поскольку он позволяет читателю соприкоснуться "с жизнью слова" в диалекте и увидеть его в реальном контексте. И завершает комментарий алфавитный список картографируемых слов, который не только существенно облегчает пользование материалом атласа и прочтение карты, но и в сжатом виде предоставляет читателю информацию об ареалах картографируемых слов.

Новацией ЛАРНГ является и общий индекс всех материалов (в том числе и тех, которые не получили отражение на карте). Этот индекс материалов имеет самостоятельную ценность, так как он "паспортизирует" диалектный материал, позволяя читателю составить представление о локализации того или иного слова. А в том случае, когда автор по тем или иным научным соображениям отказывается от составления карты, он явится уникальным источником материала, который будет храниться в ЛАРНГ, "как цветы в гербарии", а впоследствии может стать основой для новых исследований.

Работа над ЛАРНГ - это коллективный труд сотрудников Академии наук России (Института лингвистических исследований и Института славяноведения), а также многочисленных вузов России (более 60 вузов, на базе которых созданы региональные диалектологические центры, в которых силами энтузиастов ведется большая диалектологическая работа по сбору и обработке материала). Несмотря на известные финансовые трудности, которые испытывает сегодня вся российская наука, работа над ЛАРНГ продвигается. Ежегодно, кроме общероссийского совещания диалектологов, участников атласа, устраиваются школы-семинары, на которых обсуждаются проблемы, связанные с картографической репрезентацией собранного материала, подготовкой к печати первого тома⁴.

В настоящее время подготовлен к печати Пробный выпуск ЛАРНГ. Основная цель этого выпуска - проверить и уточнить теоретические принципы, положенные в основу атласа, его картографическую концепцию, а также саму методику составления карт в компьютерном варианте. Компьютерная версия ЛАРНГ была разработана сотрудниками Университета геодезии и картографии на основе программы MAP-INFO, алгоритм картографической программы и система знаков - Т.И. Вендиной.

⁴ К настоящему времени опубликованы следующие исследования по Атласу: Лексический атлас русских народных говоров. Проект. СПб., 1994; Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Часть 1-2. СПб., 1994; Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 1992 (СПб., 1994); 1993 (СПб., 1994); 1994 (СПб., 1996); 1995 (СПб., 1998); 1996 (СПб., 1998); 1997 (СПб., 2000); 1998 (СПб., 2001); X Всероссийское совещание по Лексическому атласу русских народных говоров. СПб., 1994.

В Пробном выпуске представлены лишь некоторые типы карт, а именно:

лексические: Л 218 Белка (автор Проценко Б.Н.), Л 217 Берлога (автор Проценко Б.Н.), Л 178 Дикое животное (автор Жмурко О.И.), Л 210 Издавать громкие, характерные для дикого кабана звуки (автор Вендина Т.И.), Л 211 Издавать громкие, характерные для лисы звуки (автор Вендина Т.И.), Л 188 Медведь (авторы Колокольцева Т.Н., Кудряшова Р.И.), Л 379 Мелкая рыба (автор Мызников С.А.), Л 216 Нора небольшого зверя (авторы Ганцовская Н.С., Лебедева И.В., Никулина Т.Е.), Л 212 Хорь (автор Жмурко О.И.), Л 173 Шампиньон (авторы Махрачева Т.В., Пискунова С.В.); **лексико-словообразовательные:** ЛСЛ 191 Большой медведь (автор Костючук Л.Я.), ЛСЛ 186 Волчий (хвост, след, мех) (автор Ховрина Т.К.), ЛСЛ 11 Густой лес (автор Лекарева Л.А.), ЛСЛ 12 Густые заросли кустарника (автор Костючук Л.Я.), СЛ 608 Иней (автор Попов И.А.), ЛСЛ 91 Кора березы (автор Осипова Е.П.), ЛСЛ 215 Кучка земли, нарытая кротом или другим роющим норы животным (автор Жуковская З.В.), ЛСЛ 28 Лес, растущий по берегам рек, озер (автор Ховрина Т.К.), ЛСЛ 189 Медведица (авторы Колокольцева Т.Н., Кудряшова Р.И.), ЛСЛ 190 Медвежонок (автор Казанцева Н.В.), ЛСЛ 16 Мелкий лес (автор Попов И.А.), ЛСЛ 34 Мертвый лес с засохшими на корню деревьями (автор Гришанова В.Н.), ЛСЛ 213 Мех, шкура хоря (автор Жмурко О.И.), ЛСЛ 20 Молодой лес из деревьев разных пород (автор Вендина Т.И.), ЛСЛ 183 Небольшой волк (уменьш.-ласк.) (автор Ховрина Т.К.), ЛСЛ 192 Небольшой медведь (уменьш.-ласк.) (автор Пецкая Т.А.), ЛСЛ 102, 103 Поляна, открытое место в лесу (автор Попов И.А.), ЛСЛ 10 Редкий лес (автор Пецкая Т.А.); **семантические:** СМ 187 Бирюк (зверь) (автор Вендина Т.И.), СМ 187 Бирюк (человек) (автор Вендина Т.И.); **словообразовательные:** СЛ 6 Лес, роща с преобладанием деревьев одной породы (автор Вендина Т.И.); **лексико-этнографические:** ЛСЛ 16333, 16334 Типы гумен (автор Попов И.А.); **мотивационные:** ЛСЛ 14 Здоровый, высокий, прямой строевой лес (автор Меркулова Л.И.), Л 15 Большой, низкий, кривой нестроевой лес (автор Гришанова В.Н.); **номинативные:** ЛСЛ 14 Здоровый, высокий, прямой строевой лес (автор Меркулова Л.И.), Л 34 Мертвый лес с засохшими на корню деревьями (автор Гришанова В.Н.).

Несмотря на то, что материал, представленный на картах, еще далеко не полный (и покрывает приблизительно 50% картографируемой территории), однако и в этом виде он позволяет проиллюстрировать разные подходы к его картографической репрезентации.

Пробный выпуск уже сегодня дает возможность оценить используемую в ЛАРНГ методику отбора, интерпретации и картографирования материала, который позволил реально представить всю лексико-семантическую глубину русского диалектного лексикона и сложность лингвистического ландшафта (и здесь следует прежде всего отметить его сильную расчлененность, подчас мозаичность и пестроту, наличие многочисленных островных ареалов - все это требует своего осмысления не только в социологическом, но и глоттогенетическом аспекте). Пробный выпуск свидетельствуют о том, что системный подход к отбору и картографической репрезентации материала полностью оправдал себя, открыв перед исследователями большие возможности в объективном решении целого ряда проблем современной диалектологии и в целом русистики:

1. Прежде всего следует отметить обилие нового материала, обогащающего наши представления о русском лексическом диалектном фонде: практически каждая карта ЛАРНГ выявляет новые диалектизмы, которых нет даже в таком солидном издании, как СРНГ: ср., например, в частности, такие лексемы, как *лешак*, *лесовик* - карта "**Медведь**"; *голощека*, *прогал*, *прогалина* - карта "**Поляна**"; *берла*, *верлог*, *залезжина*, *лежа* - карта "**Берлога**"; *берества*, *берество*, широко представленные на карте "**Кора березы**"; *вит*, *инега*, *оморозь* - карта "**Иней**" и т.д. Несмотря на интенсивный процесс влияния литературного языка, следствием которого является нивелирование диалектных различий, русские диалекты не утратили своего лексического своеобразия, что особенно ярко проявляется в наличии в них слов, которым в литератур-

ном языке нет однословного эквивалента, а имеются лишь описательные конструкции (см., например, карту **"Густые заросли кустарника"**: *бачажник, густарник, зарастель, кустарщина, палежник, чапарыжник, настельник* и др.).

2. Материалы ЛАРНГ позволяют уточнить ареалы многих диалектных слов, зафиксированных ранее в СРНГ: так, например, на карте **"Белка"** представлена лексема *мысь*, которая фиксируется СРНГ как псковская, между тем как сегодня она сохраняется еще и на Урале. И в этом смысле материал атласа является серьезным дополнением к многочисленным диалектным словарям, иллюстрацией пространственной стратификации огромного пласта диалектной лексики.

3. Любая карта ЛАРНГ, в отличие от диалектного словаря, являет собой лингвогеографическую проекцию целой лексико-семантической группы, которая обычно представлена в разрозненном и далеко не полном виде в отдельных диалектных словарях, а наличие разных мотивационных признаков, четко выявляемых в легенде к каждой карте, дает возможность реально увидеть своеобразие русского языкового сознания в сложном процессе познавательной и классифицирующей деятельности человека (см., например, карты **"Густой лес"** или **"Мертвый лес с засохшими на корню деревьями"**, которые отличает обилие лексем и мотивационных признаков).

4. На лексико-словообразовательных и семантических картах ЛАРНГ у ряда картографируемых слов выявились и новые значения, которые в СРНГ не фиксируются: так, например, на карте **"Молодой лес"** представлены лексемы *дубрава* и *молочник*, которые в этом значении СРНГ не фиксируются; на карте **"Лес, растущий по берегам реки"** представлены лексемы *прибрежник, наберега, бережняк, бережник, береговина*, которые в этом значении в СРНГ отсутствуют; ср. также материалы семантической карты **"Бирюк"**, выявившие целый спектр значений, относящихся к человеку, которых нет в СРНГ (по данным этого словаря слово *бирюк* обозначает 'толстого, крупного человека' (Курск.), а также 'грубого или неповоротливого человека' (Твер.) [СРНГ, 2: 294], в ЛАРНГ же это прозвище и *злого человека, и ленивого и нелюдимого человека, и неразговорчивого, и одинокого, и угрюмого человека* и даже прозвище *богатого человека, живущего без семьи* и т.д. Это множество значений слова *бирюк* в русских диалектах дает возможность проследить развитие его семантики.

5. Материалы карт позволяют уточнить и некоторые этимологии: так, например, на карте **"Мелкая рыба"** встречается лексема *аргаш*, которую М. Фасмер квалифицирует как тюркизм [Фасмер, I: 84], по мнению автора карты С.А. Мызникова, эту лексему, зафиксированную в Базезинском р-не Удмуртии, можно отнести в разряд финно-угорских заимствований (ср. коми *арга* собир. 'мальки').

6. Материалы карт позволяют изучать и диалектную словообразовательную производность: практически каждая карта ЛАРНГ свидетельствует о том, что диалектный язык в этом плане значительно богаче литературного; на картах атласа можно обнаружить такие диалектные словообразовательные модели, которые не отмечены в СРНГ: см., например, карту **"Большой медведь"**, на которой представлено обилие аугментативных словообразовательных моделей (а именно, *ведмедина, ведмедице, ведмедяга, ведмедяра, ведмедятина, ведмежара, ведмежище, ведмедяк, ведмяк* и др.), отсутствующих в СРНГ; или карту **"Волчий"**, на которой зафиксированы посесивы *бирючачий* и *волчевий*, отсутствующие в СРНГ. Кроме того, уже сейчас материалы ЛАРНГ позволяют внести коррективы в представления о территориальном распределении тех или иных словообразовательных моделей (так, например, материалы карты **"Медведица"** свидетельствуют о том, что суф. *-их-а* не составляет исключительной принадлежности севернорусских говоров, как традиционно считается, но широко распространен и в южнорусских).

7. В Пробном выпуске ЛАРНГ представлены новые типы карт - мотивационные - **"Больной, низкий, кривой нестройной лес"** и **"Здоровый, высокий, прямой строевой лес"**. Их присутствие является чрезвычайно важным, так как материал обеих карт (при всей его неполноте, вызванной объективными обстоятельствами) дает представление о системности в организации такой семантической сферы русского мак-

рокосма, как лес. Соотношение мотивационных признаков на обеих картах позволило выявить интересную картину их семантической корреляции, а именно: на обеих картах **ведущим** среди **мотивационных признаков** является **функциональный** (ср. в связи с этим замечание автора карты "Большой, низкий, кривой нестройной лес" В.Н. Гришановой: "Самую большую группу этих названий составляют суффиксальные образования с корнем *дров'/древ-* (ср. *древ'ник, древ'няк, 'дровеник, дрове'ник, дро'венник, 'дровник, дров'ник, дров'няк, дро'вяник, дровя'ник, дро'вянник, дровян'ник, дровя'ной лес, дро'вяный лес*), они называют лес, в котором растут деревья, пригодные лишь для использования в качестве топлива, т.е. годные на дрова"; а также автора карты "Здоровый, высокий, прямой строевой лес" Меркуловой В.И., по наблюдениям которой ведущим мотивационным признаком является также функциональный, актуализируемый либо в общих (родовых) названиях строевого леса (ср. *строе'вик, стро'ёнка, строительный лес*), либо в частных (видовых), ср. *бре'венник, бре'вешник, бре'вяник, бре'венный лес* — производные от корня *брев-* с общим значением 'растущий лес, годный на бревна' (Даль II: 126); *изб'няк, изб'яник, изб'янник, изб'ной лес, изб'я'ной лес* — с корнем *изб-* и общим значением 'строевой, хоромный лес, годный на жилое строение' (Даль II: 10) или 'строевой лес, годный для постройки изб' (СРНГ 12: 99); *'мачтовик, манто'вина, ман'товник, 'мачтовый лес* - с корнем *мачт-*, ср. *мач'товник* 'лес на корню, годный на мачты' (СРНГ 18: 56); *судо'лес, судо'вой лес, 'палубник; кора'бельный лес, кора'бельная 'роща* с общим значением 'строевой лес, идущий на строительство судов'), что косвенным образом подтверждает функционально-прагматический характер русского словообразования: словообразовательно маркируется то, что оказывается важным, прагматически значимым для человека.

8. Несмотря на то, что картографируемый материал Пробного выпуска ЛАРНГ покрывает приблизительно 50% всей его территории, предварительный лингвогеографический анализ материалов карт позволил уже на этом этапе выявить некоторые ареалы лексических диалектизмов, образующих противопоставленные лексические различия: так, в частности, материал карты "**Густой лес**" говорит о том, что лексема *займище* характерна в основном для юж.-русс. говоров, тогда как лексема *сузём* - для сев.-русс.; или на карте "**Иней**": лексемы *виш, вишарь* распространены в основном в юж.-русс. говорах, а лексемы с корнем *курж-* (*куржак, куржавень, куржева, куржавина* и др.) - в сев.-русс. и частично ср.-русс. говорах.

Несомненно, что в дальнейшем атлас позволит установить лексический корпус диалектных различий, подобно тому, которым располагает фонетика и морфология.

Системный подход к картографическому освоению диалектной лексики даст возможность для решения еще одной принципиально важной для отечественной диалектологии задачи - составления полного реестра лексических диалектизмов, что позволит заложить фундамент для последующей обобщающей работы по систематизации диалектных различий на уровне лексики и словообразования и создать лексикологию русских народных говоров.

Работа над ЛАРНГ даст, несомненно, толчок рождению новых идей и подходов как в интерпретации картографируемого материала, так и в его графической репрезентации, однако уже сейчас совершенно очевидно, что его материалы будут иметь непреходящее значение для развития русской лингвистической географии.

Хочется надеяться, что эта работа, начатая в XX веке, получит достойное завершение в XXI.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов 1978 - Р.И. Аванесов. Общеславянский лингвистический атлас (1958-1978). Итоги и перспективы // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Загреб-Люблина, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. М., 1978.
- Атлас... 1957 - Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957.

- Бромлей, Булатова 1962 - *СВ. Бромлей, Л.Н. Булатова*. Карты отдельных языковых явлений // Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962.
- Вопросы теории... 1962 - Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. Р.И. Аванесова, ВТ. Орловой. М., 1962.
- Гриценко 1984 - *П.Ю. Гриценко*. Моделирование системы дидально* лексики. Київ, 1984.
- Даль - *В.И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1862. Т. I-IV.
- ДАРЯ 1996 - Диалектологический атлас русского языка. Вып. III. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. Справочный аппарат. М., 1996.
- Клепикова 1968 - *Г.П. Клепикова*. Из опыта картографирования славянской лексики (в связи с проблемой семантического микрополя) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1968.
- Клепикова 1974 - *Г.П. Клепикова*. Славянская пастушеская терминология. Ее генезис и распространение в языках карпатского ареала. М., 1974.
- Клепикова 1999 - *Г.П. Клепикова*. К истории изучения славянской диалектной семантики (метод "семантического поля" Н.И. Толстого) // ВЯ. 1999. № 5.
- ЛАРНГ. Проект 1994 - Лексический атлас русских народных говоров. Проект. СПб., 1994.
- ЛЭС - Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Мораховская 1985 - *О.Н. Мораховская*. К вопросу о семантических диалектных различиях // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1985.
- Мораховская 1988 - *О.Н. Мораховская*. Типология диалектных различий лексико-семантического уровня // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1988.
- Мораховская 1994 - *О.Н. Мораховская*. Лексика в атласах русского языка // Лексический атлас русских народных говоров. Проект. СПб., 1994.
- Попов, Азарх, Вендина, Герд, Мораховская, Петрова 1993 - *И.А. Попов, Ю.С. Азарх, Т.Н. Вендина, А.С. Герд, О.Н. Мораховская, З.М. Петрова*. Лексический атлас русских народных говоров в кругу славянских атласов // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, 1993 г. Доклады российской делегации. М., 1993.
- Сороколетов 1978 - *Ф.П. Сороколетов*. Из истории диалектной и исторической лексикологии русского языка // Диалектная лексика. 1975. Л., 1978.
- СРНГ - Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб., 1965-2001. Вып. 1-37.
- Толстая 1995 - *СМ. Толстая*. Диалектные ареалы литературных слов // *Dialectologia slavica*. М., 1995.
- Толстой 1963 - *Н.И. Толстой*. Из опытов типологического изучения славянского словарного состава // ВЯ. 1963. № 1.
- Толстой 1969 - *Н.И. Толстой*. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969.
- Толстой 1997 - *Н.И. Толстой*. Об изучении полесской лексики // Н.И. Толстой. Избранные труды. Т. I. М., 1997.
- Фасмер - *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка: В 4 тт. М., 1964-1973.

© 2004 г. Анна А. ЗАЛИЗНЯК

ФЕНОМЕН МНОГОЗНАЧНОСТИ И СПОСОБЫ ЕГО ОПИСАНИЯ*

Вводные замечания

Одной из составляющих произошедшей в лингвистике за последние 20 лет смены парадигмы является перенос центра тяжести семантической теории с синонимии, бывшей в 60-е~70-е гг. базовой категорией семантики, на полисемию. Заметим, что здесь важно изменение именно методологической установки, общего взгляда на феномен языкового значения - вспомним популярное в свое время понимание смысла как инварианта синонимических преобразований, опирающееся, в частности, на идеи Jakobson¹. Дело в том, что граница между синонимией и полисемией - это, в значительной степени, вопрос концептуализации; так, к числу "синонимических средств языка" (ср. подзаголовков книги [Апресян 1974]) относятся, например, различные преобразования, связанные с меной диатезы, - а именно такого рода преобразования как варианты реализации потенциалов одного слова являются важнейшим полем разработки современной теории полисемии. Да и сама "Лексическая семантика" до сих пор является одним из основополагающих исследований в области многозначности, в том числе, регулярной многозначности, которая, очевидно, находится в центре интересов сегодняшней семантики.

В лингвистике имеется несколько базовых оппозиций, касающихся принципиального устройства языка в целом, на фоне которых формируется отношение к многозначности. Это, прежде всего:

1. Дискретность vs. градуальность. Это противопоставление является наиболее глобальным; оно существенно для всех уровней и аспектов функционирования языка. В рбласти структуры многозначности это касается статуса отдельного значения слова: образуют ли разные значения слова множество дискретных единиц или непрерывный континуум, в котором одно значение "плавно переходит" в другое?

2. Гумбольдтовское противопоставление "ergon" vs. "energeia": в частности, строит ли человек в процессе говорения грамматические формы, словосочетания и предложения по неким формулам или образцам - или заломинует их в готовом виде? До относительно недавних пор сторона "energeia" была общепринятой, однако в последнее время теории в духе Б. М. Гаспарова [Гаспаров 1996] пошатнули этот постулат, причем как среди сторонников, так и среди противников этих теорий.

3. Является ли язык системой "чистых значимостей", где значение каждого знака определяется его местом в системе оппозиций, или любое слово в каждом своем употреблении выражает тот единственный смысл, который вкладывает в него говорящий и который составляет результирующую бесконечного числа факторов (в частности, опирается на неповторимый индивидуальный опыт говорящего). В связи с этим: способен ли слушающий воспринять тот смысл, который хочет ему передать говорящий? Возможна ли вообще идентификация смыслов?²

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 03-06-08133а.

¹ См. [Jakobson 1955; Падучева 1974: 10-33; Мельчук 1999: 10] и др.

² Идея принципиальной нетождественности смысла самому себе является аксиомой для определенного направления семиотической мысли, ср., например [Курицын 2001: 82].

Однако, как кажется, для каждого из этих вопросов единого ответа, общего для всех языковых единиц во всей полноте их функций, искать не следует. В языке, очевидно, есть дискретное и градуальное, воспроизводимое и порожаемое, объективно-системное и субъективно-уникальное. Нельзя забывать также и о различиях в способе усвоения и пользования языком различными говорящими в зависимости от их ментального склада (в частности, тех, которые в лингвистике принято связывать, в свете работ Вяч.Вс. Иванова об асимметрии полушарий мозга [Иванов 1995], с относительной доминантностью того или другого полушария; ср. также более широкое понятие *когнитивного стиля обучения* в исследованиях по детской речи и овладению языком). Действительно, наряду с подсознательным отождествлением структуры родного языка со структурой языка вообще (о чем много писали), весьма распространенной методологической аберрацией среди лингвистов является отождествление своего способа владения языком с единственно возможным. В частности, спор о том, усваивает ли человек в процессе овладения языком правила или готовые блоки, равно как и оппозиция выросших из того и другого постулата теорий, покоящаяся, как кажется, на неверной предпосылке о единственности способа усвоения и пользования языком для всех говорящих.

В работах [Плунгян, Рахилина 1996; 2000; Плунгян 2001] развивается подход к описанию сильномнозначных единиц (предлогов и приставок), объединяющий преимущества атомистического словарного и холистического когнитивного подходов. Авторы исходят из того, что центральной проблемой при описании полисемии является нахождение границы, отделяющей область воспроизводимого от области порождаемого, - того, что "запоминается" и того, что "конструируется" [Плунгян, Рахилина 1996: 5-6]. Если следовать мысли авторов, то описание полисемии должно включать две части: тому, что находится по одну сторону указанной границы, будет соответствовать нечто вроде перечня готовых толкований (которые, по предположению, говорящий "помнит", если он владеет значением данного полисемичного слова - или должен запомнить, если он хочет им овладеть); тому же, что находится по другую сторону - нечто вроде перечня "инструкций", т.е. операций по преобразованию смыслов, которыми, по предположению, говорящий на данном языке умеет - или, соответственно, хочет научиться - пользоваться. Такая постановка вопроса представляется совершенно правильной. Следует, однако, иметь в виду, что среди прочих трудностей, стоящих на пути разграничения "воспроизводимого" и "порождаемого", имеется еще и та, что обсуждаемая граница, по-видимому, будет проходить по-разному не только для слов разных семантических и грамматических классов, но, скорее всего, и для разных говорящих.

В целом сегодня, по-видимому, не вызывает сомнения, что многозначность является сущностным свойством языка, обеспечивающим выполнение его основных функций - когнитивной, коммуникативной и поэтической.

Многозначность, полисемия и виды неоднозначности

В русской традиции существует три близких термина - *многозначность*, *неоднозначность*, *полисемия*. Термин *многозначность* - самый широкий: он указывает просто на существование у некоторой единицы более одного значения. Термин *полисемия* иногда рассматривается как синоним термина *многозначность* - ср. систему отсылок в [ЛЭС 1990], а также словоупотребление в [Апресян 1974; 1995а, б]. В предметном указателе С.А. Крылова ко 2-му изданию "Лексической семантики" Ю.Д. Апресяна термин *полисемия* указан как маргинальный член синонимического ряда, ядерным членом которого является *многозначность* (ср. противоположное направление отсылки в словаре [Баранов, Добровольский 1993]). Однако здесь необходимо сделать следующие уточнения. Во-первых, под *полисемией* обычно понимают лишь лексическую многозначность, в то время как термин *многозначность* не содержит этого ограничения. Во-вторых, под *полисемией* понимается чисто пара-

дигматическое отношение: факт наличия у слова более одного значения; между тем, *многозначность* может быть также и синтагматической: многозначностью может быть названа, в том числе, возможность одновременной реализации, у той или иной языковой единицы, двух (или более) значений. Названные различия проявляются также в функционировании соответствующих прилагательных: *полисемичным* может быть только слово как единица словаря, а *многозначным* может быть выражение и целое высказывание; многозначность, таким образом, сближается с *неоднозначностью* (тем самым, термин *многозначность* охватывает как сферу полисемии, так и сферу неоднозначности)³.

Под *неоднозначностью* языкового выражения или речевого произведения (текста) понимают наличие у него одновременно нескольких различных смыслов. В зависимости от того, какого рода эти смыслы, различают лексическую неоднозначность (ср. *проехать остановку*: 'преодолеть расстояние' и 'миновать точку'; *перезабрать Петрова*: 'избрать Петрова на другой срок' и 'избрать другого человека на пост Петрова') и синтаксическую неоднозначность, ср. известные примеры *amor patris, ee portret, мать любит дочь; flying planes can be dangerous* ('летающие самолеты могут быть опасны' и 'летать на самолетах может быть опасно'); *мужу изменять нельзя* и т.п. Ю.Д. Апресян различает языковую неоднозначность (лексическую и синтаксическую) и речевую, возникающую в высказывании из-за неопределенности тех или иных параметров ситуации [Апресян 1974: 176-178]. Последний тип неоднозначности иллюстрируется такими примерами, как *Джон прострелил себе руку* или *Гусар зазвенел шпорами* (которые могут обозначать как намеренное, так и ненамеренное действие), а также возможностью осмысления вопросительного предложения как "экзаменационного вопроса". Как кажется, однако, разграничение здесь должно быть проведено несколько иначе. С точки зрения характера неоднозначности возможность непрямого использования вопросов типа *В каком году родился Пушкин?* находится в том же ряду, что и другие сдвиги иллюкутивной функции вопроса (*Не могли бы вы передать мне соль?*, *Не знаете ли вы, который час?*, *Сколько мне еще ждать?*, *Куда же ты уходишь?* и т.п.). Во всех этих случаях одно и то же предложение может использоваться в разной иллюкутивной функции - и, соответственно, иметь разный смысл. Возможность выражать два разных смысла обеспечивается здесь, как при синтаксической или лексической неоднозначности, устройством языка; два различных смысла не могут "иметься в виду" одновременно, и нормально слушающий способен произвести выбор нужного понимания (в работе [Перцова 1988] такая неоднозначность названа *дизъюнктивной*). Если же все-таки он ошибается, т.е. неправильно разрешает неоднозначность (например, на вопрос *Не знаете ли вы, который час?* отвечает *Знаю*), имеет место коммуникативная неудача - так же, как и в том случае, когда человек принимает экзаменационный вопрос за обычный (ср. анекдот, в котором на вопрос учителя *В каком году родился Пушкин?* ученик отвечает *Мне бы ваши заботы, господин учитель!*).

Что же касается фраз типа *Гусар зазвенел шпорами*, то здесь, по-видимому, представлен иной тип неоднозначности. В отличие от всех предыдущих примеров, где варианты прочтения взаимно исключают друг друга, в данном случае оба обсуждаемых понимания - намеренное и ненамеренное - вполне совместимы: в том смысле, что для понимания таких фраз слушающий, вообще говоря, не обязан производить выбор. Просто некоторые аспекты ситуации могут остаться нам неизвестны (а именно, совершил человек данное действие намеренно или нет - так же как по ка-

³ Интересно, что в немецком языке имеется лишь два слова *Mehrdeutigkeit* и *Polysemie*, при этом первое соответствует как русскому *многозначность*, так и *неоднозначность*, в английском языке значение трех русских терминов иначе распределяется между двумя словами *ambiguity* и *polysemy*: слово *ambiguity* соответствует русскому *неоднозначность*, а *polysemy* - русским *полисемия* и *многозначность*.

кой причине, с какой целью, каким способом и т.д. он его совершил). Иными словами, здесь имеет место не собственно неоднозначность, а скорее неопределенность некоторого параметра и, вследствие этого, неполнота представления о ситуации (ср. противопоставление понятий *ambiguity* и *vagueness* в англоязычной традиции). Аналогичным образом неполнота информации (недостаточность контекста) может не позволить сделать выбор между результативным и нерезультативным общезначимым значением несов. вида во фразах типа *Кто строил этот дом?* (строительство может быть доведено или не доведено до конца), ср. [Падучева 1996: 33]; между перфектным (т.е. с сохранением результата до момента речи) и аористическим пониманием формы прош. времени сов. вида (ср. *Я потерял паспорт: возможно, впоследствии нашел*).

Тем самым, если языковая неоднозначность - это способность слова, выражения или конструкции иметь различные смыслы, т.е. это свойство языковых единиц, то речевая неоднозначность - это реализация данного свойства в конкретном высказывании. Речевая неоднозначность может быть ненамеренной (и тогда она либо будет разрешена в ходе дальнейшей коммуникации, либо произойдет коммуникативная неудача), но она может быть и намеренной, т.е. использоваться как прием (см. ниже).

Неоднозначность как сосуществование множества различных осмыслений художественного текста признается некоторыми исследователями его ингерентным свойством: именно одновременное присутствие двух различных пониманий (слова, выражения или текста в целом) и создает новый смысл, см. [Есо 1962; Empson 1963; Якобсон 1975]. Тем самым смысл поэтического текста не равен не только буквальному, но и *передаваемому* (по Грайсу) смыслу: то, что "хотел сказать" автор поэтического текста, - если такую постановку вопроса вообще считать правомерной - это именно результирующая взаимодействия всех смыслов, явных и неявных. Из множества примеров, которые здесь могут быть процитированы, приведем лишь один: *Париж? - И я с тобой парю* (обращение к даме, находящейся в Париже; из устной речи). Соединение идей *Парижа* и *парения*, которые сливаются фонетически в форме 2-го лица от глагола *парить*, на семантическом уровне дает новое воплощение русского парижского мифа; все три идеи являются составляющими смысла данного текста. Ср. также, например, анализ семантики ненормативных словосочетаний в языке А. Платонова в работах [Левин 1998а; Бобрик 1995; Михеев 1998], анализ метафорических выражений у О. Мандельштама в [Успенский 1994].

Неоднозначность поэтического текста может иметь различную природу - она может порождаться как неоднозначностью отдельных слов и форм, так и многозначностью текста в целом: это иносказания, аллюзии, разного рода интертекстуальные элементы, наличие одновременно двух разных планов описания (двух разных сюжетов или ситуаций, с которыми соотносится один и тот же текст)⁴ и др. Неоднозначность последнего типа является, в частности, конституирующим свойством текстов таких жанров, как пословица, поговорка и загадка, ср. *Тише едешь - дальше будешь; На воре шапка горит; Кто ходит утром на четырех ногах, днем - на двух, а вечером - на трех?* (загадка Сфинкса) и т.д. Одним из важнейших источников поэтической неоднозначности является метафора, основанная на одновременном присутствии

⁴ Не имея возможности останавливаться на этом подробнее, приведем лишь следующие примеры. Иносказание: "Ныне Узкое поглощено Москвой. Но по-прежнему в окрестностях его самый лучший воздух, поскольку *господствующие ветры здесь веют с запада в сторону столицы, а не из нее*" (Г. Аксенов. Вернадский. М., 2001: 390). Речь здесь идет, очевидно, не только об экологии. Примером параллелизма планов повествования может служить стихотворение О. Мандельштама "Я вернулся в мой город, знакомый до слез", где описывается одновременно возвращение в город и возвращение в детство, см. [Успенский 1994: 248].

двух денотативно различных, но концептуально тождественных планов изображения. Неоднозначность поэтического текста может порождаться также неочевидностью буквального смысла - как в случае с первой строфой "Евгения Онегина", см. [Михайлова 2000; Перцов 2000а].

Важным источником поэтической неоднозначности является оживление внутренней формы (в результате чего слово приобретает дополнительный смысл, в той или иной степени отличный от его буквального смысла, что создает своеобразный стереоскопический эффект). При этом происходит восстановление исходного, обычно пространственного, образа или физического явления, послужившего основой для построения абстрактного концепта, например⁵:

- (1) И вот еще почему всякая большая любовь с точки зрения устроенного быта *пре-ступна* (Пришвин. Дневники).

Возможна и более сложная игра, ср.:

- (2) ...а пониже сквозил, как в глубокой воде, расплывчато-темный приелон стула, ставимого так ввиду *поползновения* дверей медленно, с *содроганиями*, разъезжаться (В. Набоков. Тяжелый дым).

Оба выделенных выражения по своей внутренней форме восходят к физическим явлениям, но в стандартном русском языке имеют лишь переносное значение, относящееся к сфере внутренних состояний человека. Здесь же эти выражения использованы в окказиональном переносном значении, возвращающем их в сферу физических объектов; при этом стандартное значение, относящееся к миру внутренних состояний человека, здесь также присутствует.

"Поэтическая" неоднозначность может порождаться неочевидностью оценки или авторской позиции; наличием разных "уровней осмысления" художественного произведения - бытового, социально-исторического, индивидуально-психологического, философского и т.д. (ср., например, разбор рассказа Бунина "Легкое дыхание" в [Выготский 1968]), а также жанровой неопределенности (ср. [Gugel 1967] о жанре LI стихотворения Катюлла), неопределенностью референции личных местоимений (в частности, в лирической поэзии) и многими другими факторами. Однако даже краткий обзор этой интереснейшей темы, к сожалению, выходит за рамки данной работы. К компетенции лингвистики поэтическая неоднозначность относится лишь в той мере, в какой она основана на языковой неоднозначности - см., в частности, работы [Якобсон 1975; Лотман 1970; Падучева 1982; 1996: П; Николаева 1997а, б; Успенский 1994; Левин 1998а,б; Зализняк 1998, Перцов 2000б].

Главное отличие "бытовой" неоднозначности от поэтической состоит в том, что при практической речевой коммуникации из двух возможных пониманий некоторого выражения одно является правильным, а другое — неправильным относительно намерений говорящего, и более широкий контекст (речевой или ситуативный) должен позволить слушающему выбрать правильное понимание - в противном случае происходит провал коммуникации. "Избегай неоднозначности" - один из коммуникативных постулатов Г.П. Грайса [Грайс 1985: 223]. Таким образом, с точки зрения коммуникативной функции языка актуальная неоднозначность высказывания является "браком" в речепроизводстве, помехой, которая ведет к неудаче речевого акта и должна быть по возможности устранена. Неоднозначность такого рода может возникать за счет неправильного установления слушающим референтов употребленных говорящим именных групп, отсутствия у слушающего необходимых презумпций, знаний о мире, при несоответствии *инференций* слушающего (того, что он "извлекает", *infers*) - *импликациям* говорящего (т.е. той информации, которую говорящий "закладывает", *implies*), ср. [Vybee et al. 1994: 285; Падучева 2003 (в печати)]. Однако в этом смысле нельзя разделить высказывания на однозначные и неоднозначные: у некооперативного (не-

⁵ В примерах здесь и далее курсив мой. - А.З.

внимательного, не включенного в происходящее) слушателя любое высказывание может приобрести "паразитическое" понимание. Действительно, количество логически мыслимых (но в контексте реального речевого акта по тем или иным причинам неуместных, и тем самым нормально сразу отвергаемых) пониманий у практически любого высказывания просто поражает воображение. Причем часто именно буквальный смысл оказывается наиболее абсурдным (и "нормальными" говорящими автоматически отвергается). Это свойство языковой коммуникации обыгрывается в текстах Л. Кэрролла (ср. [Падучева 1982]), а также в легенде о пражском големе - человеке, который был создан пражским раввином из глины; говорить он вообще не умел, а его способность понимать ограничивалась буквальным смыслом. Поэтому, когда жена раввина велела ему *натаскать в дом воды*, он стал носить из колодца воду и выливать ее на пол, а с торговкой яблоками вышел следующий эпизод:

(3) - Ишь чего выдумал! - возмутилась торговка. - *Хочет, чтобы за его гроши я ему отдалась ларек* \

Немного поразмыслив, Голем решил, что женщина права. *Это именно то, чего он хочет*. Он поднял ларек вместе со всеми яблоками и торговкой в придачу на плечо и двинулся домой⁶.

Разрешение потенциальной неоднозначности на всех уровнях (прежде всего, морфологическом и синтаксическом) является одной из главных проблем автоматического анализа текста, которая до сих пор сохраняет свою актуальность (см. например [Иорданская 1967; Демьянков 1985; Секерина 1996; и в особенности Богуславский и др. 2003]). Как оказывается, "то, что с легкостью делает человек в процессе понимания текста, опираясь при выборе интерпретации неоднозначных элементов на здравый смысл, знания о мире и широкий контекст коммуникации, пока недоступно никаким компьютерным системам" [Богуславский и др. 2003: 40]. На уровне лексического значения термин *неоднозначность* в этой области иногда используется как синоним термина *омонимия*: когда неоднозначность предстает как помеха при решении задач анализа, различие между полисемией и омонимией оказывается несущественно.

Неоднозначность и языковая игра

Эксплуатация языковой неоднозначности - излюбленный прием рекламы. Этот прием представляет собой языковую игру, а достигаемый с ее помощью эффект основан на удовольствии, получаемом от успешной игры (ср. [Пирогова 2000]): "успехом" адресата рекламы как партнера в этой игре является обнаружение им обоих смыслов, одновременно присутствующих в том или ином рекламном тексте. Обратим внимание на то, что удовольствие это - чисто семиотической природы. Действительно, "второй смысл" часто бывает в той или иной степени "неприличным"⁷, но в общем случае это совершенно необязательно, ср.:

- (4) а. Какая связь между Москвой и Подмосковьем? - Московская сотовая;
- б. С нашей обувью вы не расстанетесь никогда [надпись под изображением мужчины и женщины, связанных друг с другом шнурками их ботинок];
- в. Где возникает атмосфера близости и душевного тепла? Конечно, на диване [изображен небольшой диван, на котором два человека сидят близко друг к другу];
- г. Не оставляйте вещи без внимания. Новый большой каталог IKEA и т.п.

Тем самым функционально реклама ближе к поэтическому тексту, чем к текстам практической коммуникации, где неоднозначность оценивается однозначно отрица-

⁶ Кувшин с медом. Еврейские легенды и сказки. М., 1991.

⁷ Это обстоятельство отражено в значении слова *двусмысленный*, ср. *двусмысленная шутка*, т.е. 'имеющая неприличный смысл'; *говорить двусмысленности* и т.п.

тельно и по возможности избегается. На языковой неоднозначности построен также эффект определенного класса анекдотов, ср.:

- (5) а. Письмо из Центра *не дошло* до Штирлица. Он прочитал еще раз: опять *не дошло*;
б. Встречаются Брежнев и Андропов на том свете, Брежнев спрашивает: "Ну и кто же там в Кремле сейчас главный?" - "А Миша Горбачев". - "Ну и кто его *поддерживает!*" - "А никто *не поддерживает*, он сам ходит".

Эффект анекдота может быть также построен на употреблении одних и тех же слов попеременно то в прямом, то в переносном значении, ср.:

- (6) Ну что это за *цирк!* Это *бордель* какой-то, а не *цирк*. Вот у моего дяди в Жмеринке был *бордель*, так это был *цирк*), и т.д.

Возможность возникновения неоднозначности (прежде всего, каламбура) является наиболее очевидным свидетельством многозначности данной языковой единицы (ср. [Апресян 1974: 180-187]). Другими словами, если употребление некоторого слова в некотором контексте создает эффект каламбура, сталкивающий два различных понимания, это означает, что эти два понимания соответствуют двум разным значениям интересующего нас слова. Так, из содержащей каламбур фразы *Шел дождь и два студента, один был в шляпе, другой - в хорошем настроении* следует существование в русском языке по крайней мере двух значений у глагола *идти* и у конструкции *быть в*. Возможность столкновения некоторых двух значений в некотором контексте не означает, однако, невозможности нейтрализации этого противопоставления в другом контексте (см. об этом ниже).

Каламбур, конечно, не является ни необходимым, ни достаточным условием многозначности: достаточным - потому что каламбур не различает полисемии и омонимии (ср. *Хорошую вещь браком не назовут*), необходимым - просто потому, что далеко не всегда значения многозначного слова могут быть соединены в каламбуре. Однако с точки зрения задачи различения близких смыслов каламбур безусловно может рассматриваться как доказательство наличия оппозиции, и тем самым двух разных значений.

Помимо каламбура, имеется еще несколько типов некаламбурного совмещения значений, которые необходимо различать.

Типы некаламбурного совмещения значений

Остановимся сначала на самом понятии совмещения значений⁸. К сожалению, этот термин не имеет единого общепринятого понимания, и это порождает досадные недоразумения - ср., например, полемику в [Санников 1999: 181-183] в отношении работы [Перцов 1996]. Действительно, нельзя не согласиться с мнением В.З. Санникова, что "каламбурное обыгрывание слов (в том числе и обыгрывание многозначности слов) не имеет отношения к вопросу о единстве слова, наличии инварианта и т.д." [Санников 1999: 183]. Но это совершенно справедливое утверждение несколько не опровергает мнения Н.В. Перцова о том, что возможность совмещения значений является доказательством проницаемости границ между отдельными значениями слова, аргументом в пользу существования инварианта [Перцов 1996: 27-30]. И дело здесь не только в том, что помимо многозначности, каламбур может быть построен на омонимии или паронимии (аргумент В.З. Санникова), а еще и в том, что каламбурное и некаламбурное совмещение значений - это два разных явления. Если каламбур сталкивает и противопоставляет - безразлично, значения одного слова, омонимы или любые другие внешне сходные вещи (омофоны, омогра-

⁸ Наиболее подробно разные типы совмещения значений проанализированы в работе [Перцова 1988]. См. также [Перцов 2006; 2001: 31-32].

фы, случайно совпавшие формы, само слово и словосочетание, возникшее в результате его паразитического переразложения, ср. шутки типа "Когда цветочник бывает предателем? - Когда он продает нас Турции", и игру "Почему не говорят...?" т.п.), - то некаламбурное совмещение значений (возможное, заметим, только для разных значений многозначного слова, но не для омонимов), наоборот, их объединяет.

Нас будет интересовать далее лишь некаламбурное совмещение значений. Здесь возможны, как минимум, следующие типы.

1. "Склеивание". Объединение в одном слове (в пределах одного высказывания) двух отчетливо различных, но при этом не взаимоисключающих его пониманий, не создающее никакого специального эффекта: "неоднозначность" в таких случаях обнаруживает лишь лингвист, поставивший перед собой задачу идентификации словарного значения. Случаи "склеивания" одинаковых означающих, имеющих различные означаемые, обычно не замечаются ни говорящим, ни слушающим, но при их обнаружении "расклеивание" не представляет ни малейшего труда и проходит совершенно безболезненно для смысла предложения в целом. Этот случай может быть проиллюстрирован уже обсуждавшимися в лингвистической литературе примерами:

(7) Пустое *сердце* бьется ровно, / В руке не дрогнул пистолет (Лермонтов)⁹;

(8) Через край полная *аудитория* была беспокойна и издавала глухой, сдавленный гул (А. Герцен).

В слове *сердце* "склеиваются" значения 'центральный орган кровообращения' (*сердце бьется*) и 'этот орган как символ средоточия чувств' (*пустое сердце*); в (8) слово *аудитория* употреблено одновременно как обозначение помещения и множества находящихся в ней людей. В работе [Перцова 1988: 65] пример (7) справедливо охарактеризован как случай конъюнктивной неоднозначности (т.е. предполагающей одновременное наличие двух прочтений), при этом ненамеренной со стороны говорящего.

В этой связи интересен следующий пример, разбираемый в работах [Перцов 2006; 2001]:

(9) Фигурно иль буквально: всей семьей,

От ямщика до первого поэта,

Мы все *поем* уныло [...] (Пушкин. Домик в Коломне).

Н.В. Перцов усматривает здесь некаламбурное объединение значений на основе семантического инварианта, включающего смыслы 'эстетическое', 'приятное', 'ритмичность' и 'человеческий голос' [Перцов 2001: 36].

Анализ Н.В. Перцова вызывает некоторые возражения. Прежде всего, структура многозначности глагола *петь* претерпела со времени Пушкина существенные изменения, а именно, для нас значение 'исполнять голосом музыкальное произведение' является основным и практически единственным для этого глагола, значение 'читать / сочинять стихи' (*Там пел Мицкевич вдохновенный*) - абсолютно устаревшим, а значение 'воспевать, восхвалять (в стихах)' (*Он пел поблекший жизни цвет / Без малого в осьмнадцать лет*) - книжно-архаичным¹⁰. Соответственно, сегодня характер совме-

⁹ В [Урысон 1997: 113] данный пример иллюстрирует утверждение, что слово может выступать "в некоем промежуточном значении, которое объединяет в себе компоненты разных (словарных) толкований". Представляется, однако, что здесь имеет место совмещение (одновременное выражение) двух разных значений на уровне данного высказывания; никакого "промежуточного значения" у слова *сердце* при этом не возникает. Вообще термин "промежуточное значение", представляется не совсем удачным: для характеристики употреблений, обладающих одновременно признаками двух различных значений (что особенно характерно для семантики приставок, см. [Зализняк 1995]), более уместна была бы метафора объемлющего пространства.

¹⁰ Последнее значение является наиболее древним. Согласно О.Н. Трубачеву, семантическая деривация *поить' > 'петь, воспевать' восходит к языческому обряду жертвенного возлияния (см. [Фасмер 1996, III: 350]).

шения значений этого глагола оказывается иным, чем он был в языке Пушкина, что существенно затрудняет анализ. В Словаре языка Пушкина все три перечисленных выше значения - без различия между ними - помещены внутри первого (основного) значения этого глагола, которое дается без толкования [СЯП, III: 333]. В качестве отдельного значения предлагается 'творить, слагать стихи (о поэте)', но, судя по примерам, последовательного различия (по сравнению с первым значением) здесь не проводится.

Далее, хотя в данном примере эффекта каламбура, действительно, не возникает, нельзя согласиться с тем, что совмещение значений здесь "несмотря на предупредение в первой строке, большинством читателей не замечается" [Перцов 2000б: 58]. В этих строках Пушкин безусловно обыгрывает возможность соединения очевидно различных смыслов, и не заметить этого может лишь очень невнимательный читатель. Совмещение значений здесь - это прием, целью которого (возможно, не единственной и даже не истинной) является создание иллюзии единства. Что же касается инварианта, то одно из двух совмещаемых здесь значений глагола *петь* - это 'сочинять стихи' или 'читать / сочинять стихи', т.е. смысловой компонент 'человеческий голос' здесь либо отсутствует, либо является факультативным, и тем самым он не может входить в инвариант (между тем исключение данного компонента из предполагаемого инварианта уж слишком явно противоречило бы основному значению глагола *петь*). Возможность некаламбурного совмещения значений, как кажется, опирается в данном случае скорее не на инвариант, а на устойчивое европейское культурное клише "поэт - певец", восходящее к реальному совмещению этих функций (в античности и в другие древние эпохи, ср. Баян). Это клише в "развернутой" форме присутствует, например, в известных пушкинских строчках

- (10) Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он *пел* - а хладный и надменный
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.

Эта эксплицитная двойственность навязывает прочтение глагола *петь* как содержащего совмещение значений ('исполнять голосом музыкальное произведение' и 'читать стихи').

2. "Сплав". Этот тип совмещения значений особенно характерен для поэзии. Речь идет о том, что два, вообще говоря, отчетливо различных значения как бы соединяются в одно; при этом ощущение их разности тоже сохраняется, и именно на этом основан эффект: разные вещи предстают как одна (в частности - при совмещении прямого и переносного значения одного слова, как в примере (12)), и из этого соединения возникает новый, третий смысл. Приведем два таких примера:

- (11) Еще Мандельштам пытался мне объяснить, что такое узнавание. [...] Он думал не только о процессе, т.е. о том, как протекает узнавание того, что мы уже видели и знали, но о вспышке, которая сопровождает узнавание до сих пор скрытого от нас, еще неизвестного, но возникающего в единственно нужную минуту, как судьба. Так узнается слово, необходимое в стихах, как бы предназначенное для них, так входит в жизнь человек, которого раньше не видел, но словно почувствовал, что с ним переплетется судьба (Н. Мандельштам. Вторая книга).

Согласно словарям (например МАС), слово *узнавание* может означать интеллектуальное обретение либо *нового*, либо *старого* (отождествление с образом, имеющимся в памяти). Данное употребление, очевидно, не относится ни к одному из них: речь идет (приблизительно) об узнавании нового, которое субъективно ощущается как обретение уже имевшегося ранее¹¹. Ясно, однако, что никакой проблемы с пониманием то-

¹¹ Ср. также: *Все было встарь, все повторится снова, / И дорог нам лишь узнаванья миг* (О. Мандельштам. Я изучил науку расставанья) [*узнавание* того, что было (т.е. старого) - но не с нами (тем самым, нового)].

го, что имеется в виду, не возникает; с другой стороны, очевидно, что никакой необходимости в пересмотре словарного толкования слова *узнавание* также нет. Другой пример:

- (12) Все стало тяжелее и громднее, потому и человек должен быть *тверже* всего на земле и *относиться* к ней, как алмаз к стеклу (О. Мандельштам. О природе слова).

В (12) для обоих выделенных слов значение, которое они выражают в данном тексте, является результатом некоего синтеза разных словарных значений этих слов. Здесь имеет место именно синтез - а не "мерцание" (ср. ниже): свойство *твердости* человека, о котором идет речь, - предстает как "сплав" прямого и переносного значения данного слова. То же верно для употребленного в этом примере глагола *относиться*. Для сравнения приведем другой пример употребления этого глагола в аналогичной конструкции, где "сплава", однако, не происходит:

- (13) После испытаний графита, привезенного с завода, Игорь Семенович Панасюк сказал Курчатову: "Эти образцы *относятся* к нейтронам, как голодные волки к ягнтям"¹².

3. "**Мерцание**" ("осцилляция"). Другой вариант "поэтического" совмещения значений - то, что в лингвистике принято называть "осциллирующими" значениями (см., в частности, [Апресян 1974: 179] со ссылкой на известную книгу Г. Стерна): имеются в виду употребления, когда два или более различных значения присутствуют в слове одновременно, что создает эффект "мерцания" (т.е. как бы попеременно обнаруживает себя то одно, то другое значение). Ср. пример такого употребления глагола *видеть*, разбираемый в [Апресян 1995в]:

- (14) Вот мы и встали в крестах да в нашивках, / В снежном дыму./ Смотрим и *видим*, что вышла ошибка, - / И мы - ни к чему! (А. Галич. Ошибка).

Здесь глагол *видеть* имеет одновременно два разных значения (на что указывают разные элементы контекста) - зрительного восприятия и знания-понимания (видения "мысленным взором").

4. Особым случаем поэтического некаламбурного совмещения значений можно считать явление, которое Т.М. Николаева называет "**принципом тернарной семантики**". Оно состоит в том, что «одна и та же лексическая единица (иногда - просто слово) в случае 1-м имеет значение X, в случае 2-м имеет значение Y, а в 3-м случае - как бы и X и Y одновременно. То есть в одном случае [речь идет о тексте "Слова о полку Игореве". - Л.З.] *галки* - это просто птицы галки, в другом - это обозначение половцев, в третьем - остается неясным, то ли это галки, то ли половцы» [Николаева 1997а: 41].

Разнообразие типов поэтического совмещения значений, вероятно, может быть увеличено (см., в частности, примеры в [Перцова 1988]). Это, однако, выходит за пределы настоящего обсуждения; здесь мы ограничимся лишь тем соображением, что поэтическое совмещение значений (по крайней мере, наши типы 2 и 3), будучи вполне очевидным аргументом в пользу "единства слова", не является ни в коей мере аргументом против принципа дискретности представления многозначности в словаре (то, какие словарные значения совмещаются, обычно нетрудно установить - труднее бывает описать эффект их совмещения, но это, по-видимому, выходит за рамки задач лексикографии). Тем более поэтическое совмещение значений не служит аргументом против принципа, что "в норме" в каждом конкретном употреблении реализуется какое-то одно значение слова (см. ниже): поэтический язык именно нарушает эту "норму", чем и достигается эффект.

¹² Т.е. их *пожирают*. Пример из газетной статьи о создании в СССР атомного реактора (речь идет о поиске графита с минимальным сечением *захвата* нейтронов); цит. по [Вайль, Генис2001: 107].

Если поставить задачу перечислить все типы случаев, когда под одной "оболочкой" в высказывании скрывается несколько разных смыслов, то к этому списку следует добавить, с одной стороны, каламбур, т.е. создающее комический эффект соединение (обычно намеренное) двух очевидно различных смыслов, ни один из которых не "имеется в виду" (так как в намеренном каламбуре имеется в виду - рассмешить, и только) ¹³. С другой стороны (т.е. с содержательно противоположного полюса), к этому списку примыкает соединение двух смыслов, расчленение которых в пределах данного высказывания невозможно (т.е. может быть произведено лишь на основании каких-то других контекстов - то, что по-английски называется *vagueness*). Примером здесь может служить выражение *бороться с еретиками* [Апресян 1974: 181], в котором реализованы одновременно два разных значения (*бороться с кем-то за что-то* и *бороться с чем-то*). Такие случаи неточно было бы называть *совмещением* значений; более принято их обозначать словом *синкретизм* или *неразличение* (впрочем, последовательности в употреблении этих терминов нет). Однако еще точнее было бы говорить, что в таких случаях слово имеет одно значение, но просто это значение - более высокого уровня, на котором признак, различающий значения более низкого уровня, не релевантен ¹⁴.

Так, например, у глагола *бояться* отчетливо противопоставлены два значения: "эмоциональное", где на первом плане находится чувство страха, основанное на представлении о негативном характере некоторого события, и "ментальное" значение вероятностной оценки, см. [Зализняк 1983]. Эти два значения по-разному взаимодействуют с отрицанием. Так, во фразе

(15) Я не *боюсь* съезжать с этой горы

реализовано первое, "эмоциональное" значение (= 'не испытываю страха'), а во фразе

(16) Верой в будущее не *боюсь* / Показать тебе краснобаем (Б. Пастернак)

представлено "ментальное" значение: *не боюсь показаться* значит 'не считаю вероятным, что это произойдет'.

Противопоставленность этих двух значений глагола *бояться* подтверждается возможностью языковой игры, примером которой может служить следующий эпизод, рассказанный В.Б. Шкловским ¹⁵:

(17) Маяковскому передали, что Брюсов якобы сказал о нем "*Боюсь*, что из Маяковского ничего не выйдет".

Владимир Владимирович очень забавно показывал, как Брюсов спит и просыпается ночью с воплем:

- *Боюсь, боюсь* \

- Ты чего боишься?

- *Боюсь*, что из Маяковского ничего не выйдет.

Между тем в других случаях, в том числе под отрицанием, выбор между этими двумя значениями оказывается невозможен - и при этом не в силу недостаточности

¹³ Ср. о каламбуре в [Падучева 1982: 85]: «Высказывание, допускающее два или несколько осмыслений, которые все "имеются в виду" [...], следует признать семантически аномальным: назначение такого высказывания состоит не в том, чтобы выразить какой-либо из его смыслов, а в том, чтобы обратить внимание слушающих на игру смыслов друг с другом».

¹⁴ По существу та же самая проблема рассматривается в работах [Урысон 1997; 1998], где обсуждается явление "несостоявшейся полисемии": речь идет о лексикографической трактовке "лексем" с дизъюнкцией в толковании - при том что в значительной части употреблений выбор не детерминирован (ср. дизъюнкцию 'пространство или поверхность' в толковании слова *небо*).

¹⁵ В. Шкловский. О Маяковском. М., 1940 (цит. по [Сарнов 2002: 11]). Этим примером я обязана С.А. Крылову.

контекста, а потому что данная оппозиция отсутствует в смысловом задании. Например, произнося фразу

(18) Я не боюсь остаться одна,

говорящий может иметь в виду, что либо этого не произойдет, либо это не будет плохо - причем такая эксплицитная дизъюнктивность присутствует лишь в нашем толковании; самим говорящим она скорее всего не осознается.

Иными словами, в некотором контексте может оказаться несуществен признак, который различает два значения в других контекстах (и дает основание лексикографу различать их в словарном описании). Ср. в этой связи следующие высказывания Д.Н. Шмелева: "Семантическая структура целого ряда слов характеризуется тем, что отдельные значения, отчетливо отграничиваемые друг от друга в определенных позициях, в других позициях оказываются совместимыми, выступающими нераздельно" [Шмелев 1973: 77]. И далее: «Речь идет не о специальном приеме поэтического (часто просто каламбурного) использования слов в контексте, обнажающем их многозначность, а о том, что в обычных условиях речевого общения выделяемые значения не полностью и безусловно отграничены друг от друга [...] Подобная "диффузноесть" отдельных значений не создает затруднений для речевого общения, не делает высказывание двусмысленным, так как позиционная обусловленность различных значений многозначного слова сочетается с (также позиционно обусловленной) возможностью "совмещения" некоторых из них в определенных контекстах» [Там же: 80]. Обратим внимание на употребление кавычек при слове *совмещение*.

Что "совмещение значений" - явление не просто не периферийное, а в некотором смысле конституирующее для семантической системы языка, следует из того, что именно так происходит семантическая эволюция: в течение какого-то времени два значения совмещаются, не различаясь, а потом расходятся, инкорпорируя в свою семантическую структуру элемент значения контекста, в результате чего различие становится уже не позиционным, а ингерентным - ср. известный пример Бенвениста *le faucon vole la perdrix* "сокол преследует и хватает на лету куропатку" [Бенвенист 1974: 333]. Нам сейчас очевидно, что 'лететь' и 'воровать' - это два разных смысла (соответствующих двум омонимам, на которые распадается современный франц. глагол *voler*), но ведь когда-то они выражались одновременно и нерасчлененно.

С указанной оговоркой (т.е. если случаи синкретизма считать одним значением) можно согласиться с утверждением, что "в норме каждое многозначное слово используется в высказывании в каком-то одном из своих значений" [Апресян 2000: XXVII-XXVIII].

Способы представления многозначности

Среди существующих на сегодняшний день способов представления многозначности, применяемых разными авторами, назовем следующие:

1. Иерархически упорядоченный (= многоуровневый) набор частных значений (традиционные толковые словари, Толково-комбинаторный словарь А.К. Жолковского и И.А. Мельчука; Ю.Д. Апресян).

2. Множество частных значений с заданным отношением производности (= семантической деривации), связывающих их исходным значением, т.е. схема Курриловича (Е. В. Падучева - "семантические мосты" И. А. Мельчука, В. Туровский - операции над толкованием).

3. Инвариант (^ общее значение) и в той или иной степени выводимые из него варианты (= частные значения), реализующиеся в разных контекстных условиях, т.е. схема Якобсона (Н.В. Перцов).

4. Значение слова как набор семантических компонентов, или компонентов толкования, имеющих вид утверждений на семантическом метаязыке (А. Вежибицкая). Сравнение этих наборов выявляет общее и различное в значении синони-

мов в пределах одного языка, переводных эквивалентов в разных языках, а также разных значений одного слова (каждому из которых сопоставляется свой набор)¹⁶.

5. Образ-схема, или схематический образ (*image schema*): картинка, позволяющая, по предположению, когнитивно адекватным образом представить как значение слова, так и структуру его многозначности: разные значения "выбирают" (профилируют, выдвигают на первый план) разные части схемы в качестве центральных, оставляя прочие за пределами поля зрения или на его периферии, что отражает устройство нашего зрительного восприятия и других когнитивных процессов (М. Джонсон, Дж. Лакофф, Л. Талми, Р. Лангакер, Л. Янда, и др.)

6. Абстрактная схема и набор формальных операций ее логического преобразования, в результате применения которой получают частные значения (Д. Пайар).

Не ставя перед собой задачу сделать обзор перечисленных концепций, остановимся лишь на некоторых существенных моментах.

Среди принципов когнитивного подхода к многозначности могут быть названы следующие (см. [Lakoff 1987; Smith 1999] и др.).

1. Все языковые единицы многозначны.

2. Для многозначной языковой единицы не существует единого ядерного (инвариантного) значения, такого, что все остальные являются его вариантами.

3. Значение языкового выражения может быть представлено в форме его схематического образа (образ-схемы).

4. Значения языкового выражения образуют категорию, имеющую радиальную структуру, в которой центральный элемент связан со всеми остальными посредством трансформаций образ-схемы (т.е. ментальных операций, позволяющих говорящему связать концептуально близкие конфигурации как варианты одной базовой образ-схемы), а также метафоры.

5. Нецентральные (производные) значения не могут быть предсказаны на основании центрального, но они мотивированы центральным значением, трансформациями образ-схемы и метафорическими переносами.

6. Между описанием однозначных слов и служебных слов и морфем нет принципиальной разницы.

Среди этих принципов особенно важным представляется противопоставление выводимость vs. мотивированность. Действительно, производное значение называется выводимым, если для него существует правило вывода (вида "всякий раз, когда имеется совокупность условий А, происходит процесс, приводящий к результату В"). Такие правила в семантике есть, но их очень мало. Мотивированностью производного значения называется наличие некоторой прозрачной содержательной связи между состояниями А и В. По-видимому, следует согласиться с тем, что семантическая производность в общем случае обладает свойством мотивированности, но не обладает свойством выводимости. Действие механизмов семантической деривации определяется взаимодействием столь большого количества факторов, что предсказать его в общем случае не представляется возможным. Другое дело, что когда известно, что тот или иной семантический переход уже произошел в некотором слове, то знание механизмов мотивации (семантической деривации) позволяет нам объяснить, почему этот переход имел место в данном слове, но не, например, в другом, близком по смыслу (ср. [Dirven 1985: 27]). Так, например, в [Розина 2002] приводится весьма убедительное объяснение того факта, что у глагола *подогреть* появляется жаргонное значение, переносящее его в область межлич-

¹⁶ Полисемии А. Вежбицкая придает меньшее значение; ср. однако ее описание разных значений англ. слова *soul* в [Wierzbicka 1992: 36-38], глаголов *to ask, to tell* и др. в [Wierzbicka 1987], слов *правда* и *неправда* в [Вежбицкая 2002].

ностных отношений (= 'дать взятку'), а у глагола согреть никакого подобного значения нет. Другими словами, знание механизмов семантической деривации позволяет нам выявить возможные, допустимые с точки зрения внутренней логики языка пути семантического развития; использует ли реально язык данную возможность, предсказать нельзя.

В целом нельзя не признать значительные достижения когнитивной лингвистики в исследовании феномена языковой многозначности. Идея взаимодействия фигуры и фона, профиля и базы - как порождающего принципа для многозначности безусловно продвигают нас в познании этого языкового феномена. Особенно успешно данный концептуальный аппарат может быть применен к анализу сильномногозначных служебных слов и морфем - прежде всего, предлогов и приставок (см., например, обзор [Филипенко 2000] о предлогах, книгу [Janda 1986] о приставках и др.). Имеются, однако, некоторые сомнения относительно эффективности распространения когнитивного концептуального аппарата на исследование таких слов абстрактной семантики, абстрактное значение которых является исходным (а не производным) - например, слов типа *знать* или *ждать*, *жалко* или *напрасно*. Да и относительно таких слов как *необходимый* или *неизбежный* нет уверенности в том, что описание их значения должно апеллировать к словам *обойти* и *избежать* в их исходном, пространственном значении (ср. ниже о различной компетенции разных носителей языка, в том числе и в отношении внутренней формы). Конечно, когнитивный подход может быть расширен и на такие случаи, однако, как представляется, за пределами пространственной метафоры (т.е. описания значения приставок, предлогов, глаголов физического действия, предметных имен и некоторых других классов слов) он оказывается не то чтобы не эффективен, но эффективен лишь в той мере, в какой он теряет свою специфику, отличающую его от более традиционных методов семантического анализа.

Другое сомнение в правомерности когнитивного подхода связано с тем, что апелляция к устройству сознания (cognition) требует умения с ним обращаться, которое в общем случае выходит за рамки компетенции лингвиста. При этом, хотя языковая способность безусловно является частью когнитивной деятельности человека, ниоткуда не следует, что разные виды когнитивной деятельности устроены одинаково (и тем самым сведения о протекании других когнитивных процессов, даже если бы мы ими располагали, все равно не могут быть непосредственно применены к языку). Поэтому, как кажется, наоборот, чем глубже наше понимание семантической структуры языка, механизмов овладения и пользования языком, тем больший вклад вносит лингвистика в когнитивную науку.

Данное соображение тем более существенно, что помимо обращения непосредственно к устройству сознания, все остальные принципы когнитивной лингвистики в действительности широко применяются в разных направлениях отечественной семантики¹⁷. Имеются в виду такие постулаты как: влияние на язык социального, психологического, культурного и прочих "внешних" факторов, зависимость языковой структуры от концептуализации мира и наоборот, лингвоспецифичность концептуальных структур, отраженных в значении слов каждого языка, отсутствие границы между языковым и энциклопедическим знанием, взаимопроникновение разных уровней языка - синтаксиса, морфологии и лексики (ср. перечень принципов когнитивной лингвистики, приводимый в [Rudzka-Ostyn 1993: 1-2]). Эти принципы реализуются, в частности, в работах в области языковой концептуализации и семантики лингвоспецифичных слов (ср. [Шмелев 2002] и др.). Исследования в области метафорической сочетаемости, или "вещных коннотаций", слов абстрактной семантики (принципы которого были изложены в работах [Арутюнова 1976; Успенский 1979]), концептуального анализа - в том числе, моделирование значения таких слов путем нахождения их аналога в мире

¹⁷ Ср. [Паршин 1996: 31] о том, что когнитивную лингвистику характеризует "смена познавательных установок" в большей степени, чем новые методы исследования.

физических явлений фактически реализуют центральный принцип когнитивной лингвистики (ср. [Туровский 1991] и многие другие позднейшие публикации серии "Логический анализ языка"). Близка когнитивной лингвистике и идея построения концептуальной схемы (см. ниже), объединяющей не только разные значения многозначного слова, но также и разные слова - ср. такие ряды, как *сожалеть, жалеть, жаль, жалко; обидеть, обидно, обида*, описанные в работах [Зализняк 1988; 2000a] и анализ в англ. слов *go, gone, away* [Langacker 2002: 6]. Здесь уместно также упомянуть рассмотрение конверсивов в одном ряду с другими типами диатетических сдвигов, происходящих внутри одного слова, в работах Е.В. Падучевой, которое восходит к имеющей давнюю традицию проблематике прототипической ситуации и различных способов ее лексикализации (ср. [Fillmore 1968; 1977; Апресян 1974; Кибрик 1980] и др.). Общей с когнитивной лингвистикой является идея различной "фокусировки внимания", "выдвижения" на первый план того или другого участника ситуации и/или семантического компонента как порождающего принципа полисемии - ср. термин "профилирование" в когнитивной лингвистике, например [Langacker 2002: 5], термин *windowing of attention* [Ungerer, Schmid 1996: 218; Talmy 2000: 76-77] и др.

Идея, что многозначность порождается актуализацией, в различных условиях, различных аспектов (семантических компонентов) значения слова, развивается в работах Е.В. Падучевой (см. [Падучева 1998; 1999a,б; 2000; 2003]). Сходные идеи высказывались и другими учеными - ср., например, работы [Гуревич 1988: 27; Гак 1998: 30, 238]. Одна из первых попыток описания средствами формального метаязыка типовых отношений семантической деривации, связывающих одно значение многозначного слова, принимаемое за исходное, с остальными его значениями, содержится в статье [Туровский 1985]. Модели семантической деривации для широкого круга русской базовой лексики описаны в работах [Кустова 2001; 2002; Розина 1999; 2002]. О близости ПОНЯТИИ *регулярной многозначности (семантической деривации)* и понятия *трансформации образ-схемы (image-schema transformation)* см. [Филипенко 2000: 33]; ср. также [Рахилина 2000a: 5]. Наконец, сама идея неких схематизированных образов как "кирпичиков", из которых строятся языковые значения по существу весьма близка к идее семантических примитивов (ср. [Goddard 1998: 79-80]).

Действительно, представляется весьма правдоподобной гипотеза, что базовые элементы опыта, из которых строятся языковые концепты, существуют на невербальном уровне, и поэтому любая попытка перевести эту информацию в вербальную форму обречена на неудачу. Однако перевод в визуальную форму точно так же не может быть произведен без потерь. Особенно сомнительно это в случае "кинестетических" (т.е. непосредственно отражающих наш сенсомоторный опыт) схем¹⁸ - ср. анализ английских предлогов *in* и *out* на основании опыта восприятия тела как "контейнера" в [Lindner 1983] (цит. по [Goddard 1998]). "Картинки", таким образом, обнаруживают явное преимущество лишь в тех случаях, когда кодируемый фрагмент опыта - изначально визуальной природы; возможно, это верно для пространственных наречий и предлогов (ср. весьма убедительный анализ англ. предлога *over* в [Dewell 1994]). С другой стороны, "когнитивная адекватность" любой такой модели практически неверифицируема. Аргументом против разного рода "картинок" служит также тот общеизвестный факт, что в лингвистике графические репрезентанты идей автора за редкими исключениями бывают понятны лишь самому автору - во всяком случае, они ничего не проясняют по сравнению со своей вербальной версией. Например, в работе [Рахилина 2000б], где обсуждается вопрос о преимуществах графического способа представления пространственной информации, в частности, при необходимости выяснения локализации того или иного объекта (с чем нельзя не согласиться), никакой "картинки" читателю не предлагается. В статье [Плунгян, Рахилина

¹⁸ См. [Johnson 1987; Lakoff 1987; Deane 1988].

2000: 118-119] предлагаемый весьма условный графический образ лишь сопровождает его вербальный аналог (с каковым реально и работают в дальнейшем авторы).

Значение языковой единицы как реализация ее "концептуальной схемы"

Существует, как известно, два способа представления многозначности, ориентированных на сохранение "единства слова" - общее значение по Якобсону [Якобсон 1985а], ср. близкое понятие инварианта в [Якобсон 1985б], с одной стороны, и главное значение по Куриловичу [Курилович 1962: 264] - с другой. В обоих случаях единство слова обеспечивается деривационными связями, соединяющими все частные значения; принципиальное различие между ними состоит в том, что схема Куриловича предполагает манипулирование с "реальными" значениями, обнаруживающими себя в конкретных употреблениях, в то время как принятие схемы Якобсона означает обращение к ненаблюдаемой семантической сущности, находящейся на ином уровне абстракции и требующей иного метаязыка, чем тот, который используется при лексикографическом описании. И тот и другой способ представления обладает рядом преимуществ и недостатков, которые много обсуждались в литературе (см., например [Wierzbicka 1980; Вежицкая 1996; Перцов 2001; Падучева 2000]), здесь нет нужды эти аргументы воспроизводить.

Наш тезис состоит в том, что в языке сосуществуют разные механизмы, обеспечивающие единство значения языковой единицы; соответственно, множественным должен быть и способ их представления. Другими словами, в каких-то случаях предпочтительным (т.е. более адекватным объекту) является описание, при котором различаются исходное и производные значения, рассматриваемые как сущности одного и того же порядка (схема Куриловича), в других - очевидны преимущества способа описания, различающего два уровня - скрытый и явный (схема Якобсона). То же верно и в отношении имеющего уже достаточно длительную традицию противопоставления "классического" и "прототипического" подхода к категоризации (ср. [Вежицкая 1996: 201])¹⁹. Иногда одно и то же слово нуждается как в прототипическом, так и в признаковом анализе - ср. [Вежицкая 1996: 210] о словах *мебель* и *птица*.

Предлагаемый в данной работе способ представления той сущности, которая обеспечивает семантическое единство слова, назван *концептуальной схемой*. Этот термин объединяет несколько разных конкретных метаязыковых техник - как уже давно и широко применяемых в лингвистике, так и новых - на функциональной основе: все эти техники имеют целью представить все значения многозначного слова как единое целое. В качестве концептуальной схемы могут выступать, в том числе: инвариант, общее значение, прототипический сценарий (*scenario*, см. [Wierzbicka 1999]) - в тех случаях, когда удастся найти формулу, которая была бы одновременно в достаточной мере содержательна и операциональна, и при этом не содержала бы фиксированного значения тех параметров, которые должны на этом уровне оставаться неопределенными.

Так, у наречия *напрасно* различаются три частных значения: неэффективности действия (*напрасно съездил* = 'безрезультатно'), ошибочности мнения (*напрасно так думаешь* = 'ошибаешься') и оценочное (*напрасно отказался* = 'лучше было согласиться'). Для всех значений слова *напрасно* может быть сформулирован следующий семантический инвариант, который является одновременно его концептуальной схемой:

¹⁹ Ср. также доклад М. Монелья на конференции "Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы" (МГУ, 1995), где вводится противопоставление прототипических и непрототипических глагольных предикатов: предикаты первого типа идентифицируются с опорой на прототип, второго - путем верификации условий, предъявляемых толкованием.

Употребляя выражение *напрасно* P, говорящий утверждает, что то Q, которое составляет *raison d'être* этого P, не существует²⁰.

Каждое из перечисленных частных значений слова *напрасно* является реализацией этой схемы: для первого значения Q представляет собой цель, которую хочет достичь агент действия P путем совершения P (и не достигает); для второго Q - это действительное (с точки зрения говорящего) положение вещей: именно оно является основанием, оправданием для существования соответствующего мнения (P); для третьего значения Q - это некоторое положительное последствие P, которое является основанием для положительной оценки самого P.

Способ представления многозначности при помощи концептуальной схемы является в некотором смысле дополнительным к способу, при котором отношения семантической деривации связывают одно из реальных значений слова, принимаемое за исходное, с остальными, производными. Модель порождения производных значений из исходного более эффективна в случаях относительно регулярной многозначности (некоторые типы метафорического переноса, сдвиги, связанные со сменой диатезы, изменением категориальной принадлежности актанта и некоторых других - ср. работы Е.В. Падучевой). Понятие концептуальной схемы оказывается более эффективным для тех слов, чья многозначность, по той или иной причине, не может быть описана в рамках модели порождения производных значений из исходного, но при этом семантическое единство слова достаточно велико, чтобы задача его экспликации была осмысленна. Для выявления этого единства бывает необходимо использовать метаязык, отличающийся от естественного тем, что в нем остаются не выраженными какие-то противопоставления, встроенные в значение слов естественного языка (используемых также в метаязыке толкований), и используются коммуникативно не расчлененные утверждения. Еще одно существенное свойство концептуальной схемы, отличающее ее, например, от общего значения, состоит в том, что концептуальная схема может быть единой для нескольких разных слов.

Таким образом, одна модель позволяет более точно проработать детали, другая - более ясно увидеть целое. По этой причине обращение к концептуальной схеме может оказаться уместным даже и в тех случаях, которые вполне адекватно описываются в рамках модели порождения производных значений из исходного; более того, при описании той или иной реализации концептуальной схемы в конкретном значении иногда оказывается удобнее выводить одно значение из другого, принимаемого за исходное - имея в виду при этом общую концептуальную схему, которая стоит за всеми значениями (ср. ниже о словах *мимо*, *собираться*).

Рассмотрим семантику *сожаления*. Обращение к концептуальной схеме вызвано здесь необходимостью объяснить возможность объединения в одном слове употреблений, в которых пропозитивный объект имеет противоположный оценочный знак. Так, можно, с одной стороны, *сожалеть о совершенной ошибке* (т.е. о чем-то плохом - 'сожалеть 1'), с другой - *о счастливой молодости* (т.е. о чем-то хорошем - 'сожалеть 2'). Соответственно, фраза типа *Он сожалел о годах, проведенных во Франции*, неоднозначна: то ли он считал, что это зря потраченное время, то ли, наоборот, прекрасное.

Семантическое единство слова *сожалеть* может быть восстановлено, если мы обратим внимание на особое устройство оценочного компонента в этом глаголе. Дело в том, что здесь константой является ценностное соотношение "то, чего нет (в действительном мире) лучше чем то, что есть". Отмеченная выше противоположность оценки пропозитивного объекта обусловлена тем, что в первом случае в качестве актанта глагола *сожалеть* выбирается один термин сравнения (совершенная ошиб-

²⁰ Обратим внимание на то, что эта формулировка весьма близка к диахронически исходному, но в современном языке утраченному значению этого слова ('не имеющий видимой причины, основания', ср. *напрасная смерть*).

ка - это "то, что есть"), а во втором - другой: (счастливая молодость - это "то, чего нет"). Итак:

Некоторое положение дел, не существующее в действительном мире, но которое могло бы в нем существовать, представляется человеку как ЛУЧШЕЕ по сравнению с тем, которое существует.

Эта формула обладает, однако, тем недостатком, что в ней использован языковой оператор предпочтения *лучше*, который не содержит некоторых "нужных" и, наоборот, содержит некоторые "ненужные" для концептуальной схемы компоненты; еще менее подходят слова *хорошо* или *плохо*: ни одно из них не позволяет объединить абсолютную и компаративную оценку и при этом не фиксировать перспективу (т.е. объединить смыслы 'Р плохо', 'не-Р хорошо' и 'не-Р лучше, чем Р\ Т хуже, чем не-Р'). Поэтому более адекватным способом представления оценочного компонента является шкала, которая составляет компонент (с) концептуальной схемы сожаления:

(а) Нечто не имеет места в актуальном мире

(б) Это могло бы иметь место

(с) плохо

хорошо



Составляющая (а) вводит в рассмотрение ситуацию, отсутствующую в актуальном мире: она может относиться либо к прошлому, либо к возможному миру, отличному от действительного. Составляющая (б) отражает представление об альтернативе, которое является конституирующей для сожаления - в отличие от других внутренних состояний, связанных с отрицательной оценкой существующего положения вещей.

Эти три идеи, формирующие концептуальную схему, могут соединяться в ту или иную концептуальную конфигурацию (реализацию схемы), закрепленную в определенном значении того или иного слова (*сожалеть, сожаление, жалеть*, франц. *regretter* и т.д.) - за счет того, что каждая из них приобретает субстанциональную определенность, а также фиксированный коммуникативный статус. При реализации этой схемы, соответствующей значению 'сожалеть Г (*сожалеет о совершенной ошибке; о том, что отказался от поездки и т.п.*), актантную позицию занимает имя ситуации, которая имеет место - и которая *плоха* или *хуже* некоторой альтернативной ситуации, которая могла бы осуществиться, но не осуществилась. Так, например, в употреблении типа

(19) Я *сожалею*, что сюда пришел

идея (а) реализуется в форме утверждения, что имеет место альтернативная ситуация (по отношению к той, которая упомянута в компонентах (а) и (б)); это семантический компонент, соответствующий фактивной презумпции; идея (б) соответствует условию уместности данного высказывания; идея (с) реализуется в форме 'не-Р лучше, чем Р' ('не пришел' лучше, чем 'пришел') и составляет ассерцию. При реализации той же схемы в значении 'сожалеть 2' (*сожалеет о счастливой молодости*) актантную позицию занимает имя ситуации, которой нет и которая хороша (возможно, лучше, чем та, которая есть, хотя это прямо и не утверждается). Идея (а) становится условием уместности, (б) уходит в тень; оценочный компонент (с) реализуется в форме абсолютной оценки 'Р хорошо'²¹.

Преимущество концептуальной схемы над другими способами представления многозначности состоит, в частности, в том, что оно позволяет описать в том числе

²¹ Подробнее о семантике сожаления см. [Зализняк 1988; 1992; 2003].

и те случаи употребления слова, которые однозначно не могут быть отнесены ни к одному из его частных значений.

В целом можно сказать, что чем меньше разброс значений языковой единицы, тем меньше концептуальная схема отличается по своей форме от реального толкования. Поэтому, например, концептуальная схема *раскаяния* фактически совпадает с толкованием.

Концептуальную схему для сильномногозначных слов абстрактной семантики составляет неформальное описание прототипической ситуации, включающей несколько элементов, каждый из которых может становиться главным, отодвигая остальные на задний план. Элементы прототипической ситуации соответствуют компонентам семантической структуры, которые в разных значениях имеют разный коммуникативный статус. Так устроена многозначность, например, глаголов *бояться*, *говорить*, *сочувствовать*, *ждать*, *подозревать* и др. - см. [Зализняк 1983; 1992; 1999; 2000б].

Рассмотрим еще один пример. Глаголам *собираться* и *намереваться* <нечто сделать> может быть сопоставлена следующая концептуальная схема:

Человек находится в промежутке времени между принятием решения и его осуществлением.

Простое значение намерения, иллюстрируемое примерами типа

(20) Он *собирается* *намеревается* жениться, покупать дачу, уезжать в Америку,

возникает в том случае, когда первый компонент, соответствующий прохождению первой точки (принятия решения), является ассертивным, а второй компонент (соответствующий тому факту, что вторая точка еще не пройдена, т.е. действие еще не осуществлено) - условием уместности. В таких случаях речь идет именно о намерении субъекта и больше ни о чем, и здесь глагол *собираться* практически синонимичен глаголу *намереваться* и переводным эквивалентам в европейских языках, а также, что не менее существенно, глаголу сов. вида *собраться*: про всякого человека, который *собирается* жениться, покупать дачу, уезжать в Америку и т.д. верно также, что он *собрался* это сделать и наоборот (различие здесь чисто аспектуальное - в одном случае в фокусе внимания находится само состояние, в другом - переход в это состояние, т.е. это различие, общее для всех перфектных видовых пар).

Лингвоспецифичное процессное значение, присущее глаголу *собираться* (но не *намереваться*) и представленное в употреблении типа (21), возникает из той же концептуальной схемы, но здесь происходит два семантических сдвига (по сравнению со значением намерения).

(21) Уже час лежу и *собираюсь* встать; *собираюсь*, да все никак не *соберусь* <ответить на письмо, кому-то позвонить>; все утро *собирался* сесть работать, да так и не *собрался*²¹.

Первый сдвиг состоит в том, что смысловой компонент 'X еще не совершил P' повышает свой статус: из условия осмысленности он превращается в полноценный (ассертивный) семантический компонент, который может становиться главным ассертивным²³. Одновременно происходит другой, чисто смысловой сдвиг: размывается сама идея принятия решения; оно как бы расслаивается на два этапа: что-то вроде (i) 'это надо сделать; я когда-нибудь это сделаю' и (ii) '*я это сейчас сделаю'. И *собираться* в этом производном значении описывает состояние не между принятием решения и его осуществлением (как в исходном значении намерения), а между этим первым и этим вторым этапом принятия решения. И тогда *собираться* превращает-

²² Об этом значении глагола *собираться* см. подробнее [Зализняк, Левонтина 1996].

²³ Подобное повышение статуса происходит с компонентом 'не вступая в контакт' в значении слова мимо (см. ниже).

ся в квазипроцесс мобилизации сил, "собрания" их в одном месте (аналогично тому, как человек собирает и складывает вместе вещи, необходимые ему в путешествии). Этот процесс является предельным, и пределом его оказывается событие *собраться* (т.е. собрать достаточно внутренних ресурсов, чтобы перейти к этапу 'я это сделаю'). И здесь уже *собираться* и *собраться* оказываются не просто не взаимозаменяемыми, а вступают в отношение "процесс - результат этого процесса", причем результат не автоматический: пара *собираться - собраться* уподобляется предельным парам типа *решать - решить* (т.е. типа "попытка - успех", см. [Маслов 1984]). Поэтому оказывается возможной эта на первый взгляд парадоксальная формула: *собирался, но не собрался* - по аналогии с *решал, но не решил*²⁴.

Для сильноомнозначных слов пространственного значения (пространственных предлогов и наречий, глаголов движения, а также глагольных приставок) концептуальная схема включает некоторый пространственный образ, на который накладывается определенная концептуальная структура, задающая возможности "выдвижения" тех или иных ее фрагментов, на основе чего возникают реальные частные значения. Так, фраза

(22) Мы проедем *мимо* Гамбурга,

в зависимости от интонации, может выражать как надежду на встречу с человеком, находящимся в Гамбурге (слово *мимо* произносится без ударения: значение 'мимо Г), так и сожаление о том, что она не состоится (*мимо* несет на себе фразовое ударение: 'мимо 2'). Слову *мимо* может быть сопоставлена следующая концептуальная схема, допускающая разные реализации (что объясняет возможность указанного смыслового расхождения в пределах одного слова):

Имеется три сущности: движущийся объект (X), неподвижный объект (Y) и окрестность объекта Y. Объект X движется таким образом, что в какой-то момент он проходит через окрестность Y-а.

'Мимо Г и 'мимо Т различаются тем, как членится эта картина. В 'мимо Г различие между Y и его окрестностью является несущественным: ситуация концептуализуется как прохождение X-а через окрестность Y-а или, возможно, через сам Y. В 'мимо 2\ наоборот, принципиальное значение имеет противопоставление Y-а и его окрестности: здесь важно то, что траектория X-а не проходит через сам Y.

Каждому из элементов концептуальной схемы 'мимо' может быть сопоставлен семантический компонент толкования. Приняв одно из значений за исходное (а именно то, которое реализуется при нейтральном фразовом ударении), мы можем описать то же соотношение следующим образом: значение 'мимо 2' возникает из значения 'мимо Г за счет реорганизации его семантической структуры, а именно, за счет того, что неустойчивый и второстепенный по своей значимости компонент ('X не вступает в контакт с Y') выходит на первый план, становясь главным ассертивным, см. подробнее [Зализняк 1994]. Описанный тип сдвига является одним из важнейших механизмов семантической деривации.

Обратим внимание на то, что концептуальная схема отличается от исходного значения, прежде всего, отсутствием в ней информации об относительной коммуникативной значимости компонентов. Соответственно, в тех случаях, когда компонентов немного или их коммуникативная иерархия несущественна (в частности, если компонент всего один), то концептуальная схема просто совпадает с исходным значением.

Заключительные замечания

Как представляется, решение задачи описания многозначности надо искать на пути, который предполагает разведение вопросов о том, как реально устроена

²⁴ Это уподобление, как кажется, все же остается неполным: здесь сохраняется элемент языковой игры.

многозначность (т.е. как ею пользуются говорящие при синтезе и анализе речи, в том числе - какие частные значения "запоминаются", какие порождаются по тем или иным схемам или образцам, а какие и вовсе не осознаются как различные) и о том, как следует ее описывать в словаре (имеется в виду словарь-справочник, адресатом которого не является лингвист - в отличие от словаря как популярного в последнее время жанра лингвистического исследования). Наш тезис состоит в том, что словарное представление значения многозначного слова не должно стремиться отразить то, в каком виде информация о многозначности хранится у говорящего в сознании и то, как он им пользуется.

Причин тому несколько.

Во-первых, мы не знаем, в каком виде информация о многозначности хранится в сознании говорящего.

Есть основания полагать, что онтологически развитие многозначности проходит путь не от "конкретного" к "абстрактному", а скорее от самого общего представления, в котором метафорически или метонимически мотивированные переносы вообще не осознаются как порождающие отдельные сущности, - к постепенному расчленению и оппозиции частных значений. Об этом свидетельствуют данные как онтогенетического, так и филогенетического свойства - ср., с одной стороны, исследования в области семантики древних языков (в частности [Иванов 1999: 550] о синкретизме др.-греч. (ppeveq, [Swadesh 1972: 183-185])²⁵ - и, с другой стороны, исследования в области овладения языком (см. [Barrett 1995] с дальнейш. библиогр.)²⁶. Так, известно, что, с одной стороны, 3-4-х летний ребенок отвергает употребление взрослыми слов в переносном значении (ср. *Молоко не может убежать, у него же нету ног* [Цейтлин 2000: 199]); с другой стороны, в детской речи, например, желудь и предмет, внешне напоминающий желудь - это одно и то же (ср., впрочем, одно из значений таких слов как *шар* или *круг* в обычном "взрослом" языке). Называя капли смолы на елке *слезами, которыми елка плачет*²⁷, ребенок не делает ничего принципиально иного, чем когда он собачьи уши называет тем же словом, что и свои; словом *бабах* двухлетний ребенок может обозначать 'удар', 'больно', 'звук удара', а также 'мяч' и вообще любой 'шарообразный предмет'. Во всех этих случаях нет метафоры и метонимии, потому что нет как такового переноса. Другими словами, ребенок отвергает метафору постольку, поскольку он способен ее обнаружить; ему нужно не подобие, а тождество (капля смолы в форме слезы - это и есть слеза).

Во-вторых, как уже упоминалось выше, есть серьезные основания полагать, что способ хранения этой информации и манипулирования несколько различается - в зависимости как от ментального склада говорящего, так и от других факторов - социального, возрастного, профессионального²⁸.

В-третьих, как показывает практика обращения с разного рода словарями (как двуязычными, так и толковыми), любое сколь угодно совершенное толкование дает менее ясное представление о значении слова, чем ряд примеров употребления дан-

²⁵ По-видимому, первыми осознали существование переносного значения древние греки, давшие ему название ("метафора") - см. Аристотель. Поэтика, 21.

²⁶ Я благодарна Е.Ю. Протасовой за консультации по вопросам, связанным с детской речью и овладением языком.

²⁷ Ср.: *Прозрачной слезой на стенах проступила смола* (О. Мандельштам. За то, что я руки твои не сумел удержать...). См. также [Цейтлин 2000: 195] о сходстве механизмов детского и поэтического речевого творчества.

²⁸ Непосредственное отношение к обсуждаемой проблеме имеет также тот общеизвестный факт, что способность к языкам, т.е. способность быстро и без труда научиться понимать и говорить на иностранном языке, обычно не совмещается со способностью строить и применять алгоритмы (т.е. с тем, что условно называется "аналитическим мышлением"). Поэтому лингвисты редко бывают настоящими полиглотами, и этот факт удивляет только непрофессионалов.

ного слова в искомом значении²⁹. По-видимому, объяснение этого феномена состоит именно в том, что значение слова "хранится" у говорящего не в форме набора значений, репрезентируемых своими толкованиями. (В частности, если и существует язык *lingua mentalis*, то говорящему он еще более недоступен, чем исследователю.) При этом следует иметь в виду, что многие контекстно обусловленные различия говорящим вообще не замечаются (в частности, различия, касающиеся таксономического класса актанта, ср. анализ глагола *разбить* в [Падучева 2002]). Тем самым как постулируемые значения, так и описание правил их порождения представляют собой моделирование метаязыковой деятельности лингвиста в большей степени, чем языковой компетенции говорящего. Иными словами, не исключено, что не только толкование, но и само частное значение - это элементы метаязыка описания и только его.

При этом реальное функционирование многозначности языковой единицы является результирующей столь многих факторов, что наиболее адекватное представление об этом феномене мы можем получить лишь имея в своем распоряжении несколько разных, взаимодополняющих или даже альтернативных способов описания. Таких способов описания должно быть как минимум два:

1) классическое словарное описание в виде списка дискретных значений (где в центре внимания должен находиться подбор примеров, охватывающих все релевантное множество употреблений данного слова);

2) осмысление этого списка, представляющее собой гипотезу о том, как данная система значений хранится в сознании говорящего и используется им (которая носит принципиально множественный характер).

Представление многозначности в виде множества частных значений - с установленной между ними иерархией и выявленными моделями семантической деривации или без них - всегда будет несовершенным (в смысле - неадекватным фактам), и это несовершенство обусловлено не недостатком нашей добросовестности или проницательности, а природой многозначности, которая устроена не дискретно в языке как системе: при реализации в речи не дискретность существенно убывает, но не утрачивается вовсе. Это, однако, ни в коем случае не означает, что от "словарного" способа представления многозначности следует отказаться.

Итак, существуют две разные задачи. Одна состоит в том, чтобы оптимальным образом организовать информацию, нужную для пользователя. Другая - в том, чтобы понять, как устроена многозначность в языке, а это означает провести, тем или иным образом, границу между воспроизводимым и порождаемым и выявить механизмы семантической деривации, которыми пользуется говорящий (и, соответственно, производящий обратную операцию слушающий) в зоне "порождения". Что касается первой задачи, то по-видимому, оптимальным на сегодня является метод представления значения слова в форме "лексикографического портрета" (см. [Апресян 1995г]). Для решения второй задачи представляется эффективным использование, наряду с моделью порождения производных значений из исходного, модель, оперирующую понятием концептуальной схемы и ее реализаций.

Значение слова, которое оно имеет в конкретном употреблении, является результирующей двоякого рода операций над компонентами, составляющими его концептуальную схему: с одной стороны, это выбор наиболее существенных семантических компонентов (для некоторых типов слов это может быть выбор фрагментов пространственной схемы) и их упорядочение по признаку коммуникативной значимости (презумпция, ассерция, импликация и др.); с другой стороны - переосмысление выбранных компонентов, обусловленное изменением таксономического класса актантов. Взаимодействие этих операций обеспечивает конкретный набор правил семан-

²⁹ Аналогичным образом, текст, записанный в фонетической транскрипции, нам гораздо труднее понимать, чем в орфографической записи.

тической деривации, порождающих - в той или иной степени регулярную - многозначность³⁰.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974 - Ю.Д. *Апресян*. Лексическая семантика. М., 1974.
- Апресян 1995а - Ю.Д. *Апресян*. О языке толкований и семантических примитивах // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. М., 1995.
- Апресян 1995б - Ю.Д. *Апресян*. Коннотации как часть прагматики слова // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. М., 1995.
- Апресян 1995в - Ю.Д. *Апресян*. Новый объяснительный словарь синонимов: Концепция и типы информации // Новый объяснительный словарь синонимов. Проспект. М., 1995.
- Апресян 1995г - Ю.Д. *Апресян*. Лексикографический портрет глагола *выйти* // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. М., 1995.
- Апресян 2000 - Ю.Д. *Апресян*. Структура словарной статьи словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск. М., 2000.
- Арутюнова 1976 - Н.Д. *Арутюнова*. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Баранов, Добровольский 1993 - А.Н. *Баранов, Д.О. Добровольский*. Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов (с английскими эквивалентами). В 2-х тт. М., 1993.
- Бенвенист 1974 - Э. *Бенвенист*. Семантические проблемы реконструкции // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.
- Бобрик 1995 - М. *Бобрик*. Заметки о языке Андрея Платонова // Wiener Slavistischer Almanach. Bd. 35. 1995.
- Богуславский и др. 2003 - И. *Богуславский, Л. Иомдин, В. Сизов, И. Чардин*. Использование размеченного корпуса текстов при автоматическом синтаксическом анализе // Когнитивное моделирование в лингвистике. Сборник докладов. Варна, 1-7 сентября 2003.
- Вайль, Генис 2001 - Я. *Вайль, А. Генис*. 60-е. Мир советского человека. М., 2001.
- Вежбицкая 1996 - А. *Вежбицкая*. Прототипы и инварианты // А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Вежбицкая 2002 - А. *Вежбицкая*. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. №2(4), 2002.
- Выготский 1968 - Л.С. *Выготский*. Психология искусства. М., 1968.
- Гак 1998 - В.Т. *Гак*. Языковые преобразования. М., 1998.
- Гаспаров 1996 - Б.М. *Гаспаров*. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Грайс 1985 - Г.П. *Грайс*. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.
- Гуревич 1988 - В.В. *Гуревич*. Семантическая производность в грамматике. М., 1988.
- Демьянков 1985 - В.З. *Демьянков*. Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной лингвистике. М., 1985.
- Зализняк 1983 - Анна А. *Зализняк*. Семантика глагола *бояться* в русском языке // ИАН СЛЯ. 1983. № 1.
- Зализняк 1988 - Анна А. *Зализняк*. О семантике сожаления // Логический анализ языка. Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
- Зализняк 1992 - Анна А. *Зализняк*. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния // Slavistische Beiträge. Bd. 298. München, 1992.
- Зализняк 1994 - Анна А. *Зализняк*. Праздник жизни проходит мимо (Заметки о неоднозначности некоторых русских слов) // Wiener Slavistischer Almanach. Bd. 34. 1994.
- Зализняк 1995 - Анна А. *Зализняк*. Опыт моделирования семантики приставочных глаголов в русском языке // R. Ling. V. 19. 1995.
- Зализняк 1998 - Анна А. *Зализняк*. О грамматической неоднозначности в поэтическом тексте: VIII стихотворение Катулла // ИАН СЛЯ. 1998. № 5.

³⁰ Я благодарна Ю.Д. Апресяну, В.Г. Гаку, А.А. Кибрику, А.Е. Кибрику, М.А. Кронгаузу, С.А. Крылову, И.Л. Микаэлян, Т.М. Николаевой, Е.В. Падучевой, Н.В. Перцову и А.Д. Шмелеву, чьи соображения по поводу данной работы повлияли на ее окончательный облик.

- Зализняк 1999 - *Анна А. Зализняк*. Любовь и сочувствие: к проблеме универсальности чувств и переводимости их имен (в связи с романом М. Кундеры "Невыносимая легкость бытия") // *Festschrift Anna Wierzbicka / Ed. by J.L. Mey. RASK № 9/10. March, 1999.*
- Зализняк 2000а - *Анна А. Зализняк*. О семантике шепетильности (обидно, совестно и неудобно на фоне русской языковой картины мира) // *Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000.*
- Зализняк 2000б - *Анна А. Зализняк*. Глагол *говорить*: три этюда к словесному портрету // *Язык о языке. М., 2000.*
- Зализняк 2003 - *Анна А. Зализняк*. Семантика сожаления 20 лет спустя // *Сокровенные смыслы. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2003.*
- Зализняк, Левонтина 1996 - *Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина*. Отражение национального характера в лексике русского языка (размышления по поводу книги: Anna Wierzbicka. Semantics, culture, and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations. New York; Oxford) // *Rling. V. 20. 1996.*
- Иванов 1995 - *Вяч. В. Иванов*. Нечет и чёт // *Вяч. В. Иванов. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. М., 1995.*
- Иванов 1999 - *Вяч. В. Иванов*. Структура Гомеровских текстов, описывающих внутренние состояния // *Из работ Московского семиотического круга. М., 1999.*
- Иорданская 1967 - *Л.Н. Иорданская*. Синтаксическая омонимия в русском языке (с точки зрения автоматического анализа и синтеза) // *НТИ. Сер. 2. 1967. № 5.*
- Кибрик 1980 - *А.Е. Кибрик*. Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках // *ИАН СЛЯ. 1980. № 4.*
- Курилович 1962 - *Е. Курилович*. Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Курицын 2001 - *В. Курицын*. Русский литературный постмодернизм. М., 2001.
- Кустова 2001 - *Г.И. Кустова*. Типы производных значений и механизмы семантической деривации. Автореф.... дис. докт. филол. наук. М., 2001.
- Кустова 2002 - *Г.И. Кустова*. О типах производных значений слов с экспериенциальной семантикой // *ВЯ. 2002. № 2.*
- Левин 1998а - *Ю.И. Левин*. От синтаксиса к смыслу и далее ("Котлован" А. Платонова) // *Ю.И. Левин. Избранные труды. М., 1998.*
- Левин 1998б - *Ю.И. Левин*. О. Мандельштам. Разбор шести стихотворений // *Ю.И. Левин. Избранные труды. М., 1998.*
- Лотман 1970 - *Ю.М. Лотман*. Структура художественного текста. М., 1970.
- ЛЭС 1990 - *Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.*
- МАС - *Словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. 4-е. М., 1999.*
- Маслов 1984 - *Ю.С. Маслов*. Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке // *Ю.С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л., 1984.*
- Мельчук 1999 - *И.А. Мельчук*. Опыт теории лингвистических моделей "Смысл \Leftrightarrow Текст". М., 1999.
- Михайлова 2000 - *Н.И. Михайлова*. "Мой дядя самых честных правил" (Из наблюдений над текстом первой строфы "Евгения Онегина") // *ИАН СЛЯ. 2000. № 3.*
- Михеев 1998 - *М.Ю. Михеев*. Нормативное и "насилъственное" использование словосочетания в поэтическом языке Андрея Платонова // *Русистика сегодня. № 1-2. 1998.*
- Николаева 1997а - *Т.М. Николаева*. "Слово о полку Игореве". Поэтика и лингвистика текста. "Слово о полку Игореве" и Пушкинские тексты. М., 1997.
- Николаева 1997б - *Т.М. Николаева*. А мы швейцару: "Отворите двери!" (в развитие идей Дмитрия Николаевича Шмелева о цельности семантики лексемы) // *Облик слова. Сборник статей памяти Д.Н. Шмелева. М., 1997.*
- Падучева 1974 - *Е.В. Падучева*. О семантике синтаксиса. М., 1974.
- Падучева 1982 - *Е.В. Падучева*. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // *Семиотика и информатика. Вып. 18. М., 1982.*
- Падучева 1996 - *Е.В. Падучева*. Семантические исследования. Ч. 2: Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 1998 - *Е.В. Падучева*. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // *ВЯ. 1998. № 5.*
- Падучева 1999а - *Е.В. Падучева*. О роли метонимии в концептуальных структурах // *Труды международного семинара Диалог'99 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Таруса, 1999.*

- Падучева 1996 - *Е.В. Падучева*. Метонимические и метафорические переносы в парадигме глагола *назначить* // Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика. М., 1999.
- Падучева 2000 - *Е.В. Падучева*. Метонимический перенос как смещение фокуса внимания // Доклад на Международной конференции "Активные языковые процессы конца XX века". Москва, ИРЯ РАН, февраль 2000.
- Падучева 2002- *Е.В. Падучева*. О параметрах лексического значения глагола: таксономический класс участника // Русский язык в научном освещении. № 1(3), 2002.
- Падучева 2003 - *Е.В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2003 (в печати).
- Паршин 1996 - *П.Б. Паршин*. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // ВЯ. 1996. № 2.
- Перцов 1996 - *Н.В. Перцов*. О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики // Московский лингвистический альманах. Вып. 1. М., 1996.
- Перцов 2000а - *Н.В. Перцов*. Загадка начала "Евгения Онегина" // ИАН СЛЯ. 2000. № 3.
- Перцов 2000б - *Н.В. Перцов*. О неоднозначности в поэтическом языке // ВЯ. 2000. № 3.
- Перцов 2001 - *Н.В. Перцов*. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.
- Перцова 1988 - *Н.Н. Перцова*. Формализация толкования слова. М., 1988.
- Пирогова 2000 - *Ю.К. Пирогова*. Языковая игра в коммерческой рекламе // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. М., 2000.
- Плунгян 2001- *В.А. Плунгян*. Приставка *под-* в русском языке: к описанию семантической сети // Глагольные префиксы и префиксальные глаголы. М., 2001.
- Плунгян, Рахилина 1996 - *В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина*. Полисемия служебных слов: предлоги *через* и *сквозь* // Русистика сегодня. 1996. № 3.
- Плунгян, Рахилина 2000 - *В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина*. По поводу "локалистской" концепции значения: предлог *под* // Исследования по семантике предлогов. М., 2000.
- Рахилина 2000а - *Е.В. Рахилина*. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // ИАН СЛЯ. 2000. № 3.
- Рахилина 2000б - *Е.В. Рахилина*. "Без конца и без края" // Исследования по семантике предлогов / Под ред. Д. Пайара, О. Н. Селиверстовой. М., 2000.
- Розина 1999 - *Р. И. Розина*. Концептуальные структуры и языковые правила порождения значений: глаголы движения вниз // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М., 1999.
- Розина 2002 - *Р.И. Розина*. Категориальный сдвиг актантов в семантической деривации // ВЯ. 2002. № 2.
- Санников 1999 - *В.З. Санников*. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Сарнов 2002 - *Б. Сарнов*. Наш советский новояз. М., 2002.
- Секерина 1996 - *И.А. Секерина*. Американские теории синтаксического анализа в процессе понимания // ВЯ. 1996. № 3.
- СЯП - Словарь языка Пушкина: В 4-х тт. М., 1959.
- Туровский 1985 - *В.В. Туровский*. О соотношении значений многозначного слова // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1985.
- Туровский 1991- *В.В. Туровский*. Память в наивной картине мира: *забыть, вспомнить, помнить* // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Урысон 1997 - *Е.В. Урысон*. Несостоявшаяся полисемия (Типы толкований с союзом 'или') // Облик слова. Сборник статей памяти Д.Н. Шмелева. М., 1997.
- Урысон 1998 - *Е.В. Урысон*. "Несостоявшаяся полисемия" и некоторые ее типы // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
- Успенский 1979 - *В.А. Успенский*. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 11. М., 1979.
- Успенский 1994 - *Б.А. Успенский*. Анатомия метафоры у Мандельштама // Б.А. Успенский. Избранные труды. Т. II. М., 1994.
- Фасмер 1996 - *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка: В 4-х тт. СПб., 1996.
- Филипенко 2000 - *М.В. Филипенко*. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях (обзор) // Исследования по семантике предлогов. М., 2000.
- Цейтлин 2000 - *С.Н. Цейтлин*. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. М., 2000.
- Шмелев 1973 - *Д.Н. Шмелев*. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- Шмелев 2002- *А.Д. Шмелев*. Русская языковая модель мира. Опыт словаря. М., 2002.
- Якобсон 1975 - *Р. Якобсон*. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". М., 1975.

- Якобсон 1985а - *Р. Якобсон*. К общему учению о падеже // *Р. Якобсон*. Избранные работы. М., 1985.
- Якобсон 1985б - *Р. Якобсон*. Морфологические наблюдения над славянским склонением // *Р. Якобсон*. Избранные работы. М., 1985.
- Barrett 1995 - *M. Barrett*. Early lexical development // *P. Fletcher, B. MacWinney (eds.)*. Child language. Oxford, 1995.
- Bybee et al. 1994 - *J.L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca*. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Deane 1988 - *P. Deane*. Polysemy and cognition // *Lingua*. V. 75. 1988.
- Dewell 1994 - *R. Dewell*. Over again: Image-schema transformations in semantic analysis // *Cognitive Linguistics*. 1994. № 5.
- Dirven 1985 - *R. Dirven*. Metaphor and polysemy // *La polysemie: lexicographie et cognition*. Cabay, 1985.
- Eco 1962 - *U. Eco*. Opera aperta (Forma e indeterminazione nelle poetiche contemporanee). Milano, 1962.
- Empson 1963 - *W. Empson*. Seven types of ambiguity. New York, 1963.
- Fillmore 1968 - *Ch. Fillmore*. The case for case // *Universals in linguistic theory* / Ed by E. Bach and R.T. Harms. New York; Chicago; San Francisco, 1968.
- Fillmore 1977 - *Ch. Fillmore*. The case for case reopened // *Syntax and semantics*. V. 8. Grammatical relations. P. Cole, J. Sadock (eds.). New York et al., 1977.
- Goddard 1998 - *C Goddard*. Semantic Analysis. New York: Oxford Univ. Press, 1998.
- Gugel 1967 - *H. Gugel*. Catull, Carmen 8 // *Athenaeum*. Studi periodici di letteratura e storia dell'Anticita. Pavia, 1967.
- Jakobson 1955 - *R. Jakobson*. On linguistic aspects of translation // *On translation* / Ed. by R.A. Brower. Cambridge (Mass.), 1955.
- Janda 1986 - *L. Janda*. A semantic analysis of the Russian verbal prefixes *za-*, *pere-*, *do-*, and *ot-* // *Slavistische Beiträge*. Bd. 192. München, 1986.
- Johnson 1987 - *M. Johnson*. The body in the mind: the bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago; London, 1987.
- Lakoff 1987 - *G. Lakoff*. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago, 1987.
- Langacker 2002 - *R. Langacker*. Concept. Image, and symbol. 2-nd edition. Berlin; New York, 2002.
- Lindner 1983 - *S. Lindner*. A lexico-semantic analysis of English verb particle constructions with OUT and UP. Bloomington, 1983.
- Rudzka-Ostyn 1993 - *B. Rudzka-Ostyn*. Conceptualizations and mental processing in language / Ed. by R.A. Geiger, B. Rudzka-Ostyn. Berlin; New York, 1993.
- Smith 1999 - *MB. Smith*. Conceptual impermanence, irrealis, and the Russian instrumental // 6th International cognitive linguistics conference. Stockholm University. July 10-16, 1999.
- Swadesh 1972 - *M. Swadesh*. The origin and diversification of language. Chicago; New York, 1972.
- Talmy 2000 - *L. Talmy*. Toward a cognitive semantics. Cambridge (Mass.), London, 2000.
- Ungerer, Schmid 1996 - *F. Ungerer, H.-J. Schmid*. An introduction to cognitive linguistics. London; New York, 1996.
- Wierzbicka 1980 - *J. Wierzbicka*. The case for surface case / *Linguistica extranea*. Studia: 9. 1980.
- Wierzbicka 1987 - *A. Wierzbicka*. English speech act verbs. A semantic dictionary. Sydney, 1987.
- Wierzbicka 1992 - *J. Wierzbicka*. Semantics, culture, and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations. New York; Oxford, 1992.
- Wierzbicka 1999 - *A. Wierzbicka*. Emotions across languages and cultures. Cambridge; Paris, 1999.

© 2004 г. М.Л. ТАРИВЕРДИЁВА

УСЛОВНЫЕ ПЕРИОДЫ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ
(семантико-синтаксический очерк)

Отношения обусловленности, в широком понимании термина, лежат в основе любых предикатно-сирконстантных отношений, чем объясняется включение критерия обусловленности в определение понятий причинности и уступительности [Вендлер 1986: 276]. В то же время существуют высказывания, в которых обусловленность между частями сложного смыслового целого составляет не только основу, но саму суть релятивной связи. Такие высказывания имеют форму сложного предложения с союзом "если", в латинском языке - *si*.

1. МОДАЛЬНОСТЬ УСЛОВНЫХ ПЕРИОДОВ

Между условными предложениями, или условными периодами, естественного языка и условными суждениями в логике существует определенный параллелизм. В условных суждениях основание и следствие соединяются посредством логического союза "если...то". Данная логическая операция именуется импликацией [Кондаков 1975: 192-193, 629]. Языковой союз "если" рассматривается как языковое воплощение импликации. Видимо, на этом соответствии базируется точка зрения, что информация, содержащаяся в условных предложениях, представляет собой альтернативу ("Если кандидатура оказывалась подходящей, то экзаменуемого допускали ко второму туру" = "Если кандидатура оказывалась не подходящей, то экзаменуемого не допускали ко второму туру") и что в качестве актуализатора альтернативы выступает союз "если" [Ляпон 1986: 105]. Данное утверждение М.В. Ляпон основано на наблюдении Т.М. Николаевой, отмечающей в качестве одной из важнейших функций частиц их способность формировать скрытое, "теневое" высказывание, различным образом соотносящееся с исходным, куда частица вводится непосредственно [Николаева 1982: 55].

Наряду с функцией квалификации связи между придаточной и главной частью высказывания как необходимой, закономерной, облигаторной, у союза "если" отмечается еще одна функция - квалификация содержания придаточной части как гипотезы, то есть ситуации, условно соответствующей действительности [Ляпон 1986: 102-103]. Гипотетичность отображаемых положений дел считают основным признаком условных предложений естественного языка, отличающим их от условных суждений в логике [Katz, Langendoen 1976: 7]. При этом гипотетичность связывается большинством исследователей с содержанием части условных периодов, содержащей условие [РГ-80: 563]. Ср. также замечание А. Вежбицкой, что все предложения, содержащие слово "если" (*if*), могут быть перефразированы в предложения с глаголом "вообразить" (*imagine*) [Wierzbicka 1980: 25].

Аналогичным образом у латинского союза *si* также выделяют две функции: маркирование предположения в содержании протасиса (части, содержащей условие) - "гипотетическая" функция и маркирование отношения "условие - следствие" между компонентами условного суждения, протасисом и аподосисом (частью, содержащей следствие) - "условная" функция [Vairel 1981: 276].

Отображая отношение говорящего к сообщаемому, гипотетичность является модальным значением. Связывание семы гипотетичности с семантикой протасиса равносильно установлению его модального содержания. Однако при такой трактовке модальная характеристика протасиса должна быть всегда одинаковой - "возможный мир". В латинском языке такому заключению противоречит употребление в протасисе глагольных форм разных наклонений - индикатива и конъюнктива. К тому же остается без объяснений и чередование наклонений в аподосисе - как сочетающихся, в типовом употреблении, с наклонениями в протасисе, так и расходящихся с ними.

Чередование в условных предложениях русского языка временных форм глагола М.В. Ляпон предлагает интерпретировать как гармонирующий и контрольный контексты реализации темы гипотетичности [Ляпон 1986: 103-104]. В гармонирующем контексте (ситуация в будущем) сема гипотетичности координирует с тем или иным участком информативного пространства, квалифицируемого союзом, и тем самым как бы получает поддержку со стороны контекста: *Если она выйдет за него замуж... Если эти стихи им понравятся...* В контрольном контексте (ситуация в прошлом) сема гипотетичности лишена поддержки в формах предиката протасиса: *Если не было спектаклей..., Если знал...* К этому можно добавить, что именно при отсутствии поддержки семы гипотетичности формой предиката протасиса происходит отмечаемое исследователями сближение значения союза *если* с временным значением "когда" или причинным "потому что" [Тахо-Годи 1965: 84].

Временные формы индикатива имеют свои функции, не перекрывающиеся модальными значениями. Поэтому правомерно говорить об адаптации семы гипотетичности к сообщаемому, ориентированному в план будущего, и о проявлении сильного модального потенциала союза *если* в условиях разговора о прошлом, когда сема гипотетичности лишена семантической поддержки в виде показателя времени. Но понятия гармонирующего и контрольного контекстов не применимы к чередованию наклонений, поскольку основной функцией последних как раз и является дифференциация содержания высказывания в плане его модальной характеристики. Если трактовать латинский союз *si* как придающий протасису значение гипотетичности, то оказывается, что конъюнктив в протасисе дублирует значение союза, а индикатив опровергает его. Это кажущееся противоречие представляется разрешимым, если принять точку зрения, согласно которой функцией латинского союза *si* является введение всей ситуации в область гипотезы [Nutting 1925: 46]. С этой идеей парадоксальным образом согласуется предположение, что в латинском языке гипотетическая система организуется помимо *si* на основании временного и модального представления в соответствии с отображаемой ситуацией [Wagner 1939: 537]. Согласно Р.-Л. Вагнеру, подтверждением этого предположения является этимология *si*, по происхождению - усилительной частицы (см. также [Meillet, Vendryès 1948: 654]). Обязательность союза *si* в условных периодах литературного латинского языка позволяет считать, что его роль в это время уже не сводилась только к простому усилению. Однако природа союза служит основанием для соотнесения его значения не только с протасисом, но со всем высказыванием.

Расширительное толкование области реализации семы гипотетичности наряду с чередованием наклонений глаголов в протасисе и аподосисе позволяет заключить, что модальное содержание условных периодов включает, помимо общей модальной семы гипотетичности, частные модальные характеристики пропозиционального содержания протасиса и аподосиса, получающие формальное воплощение в использовании глагольных форм разных наклонений (в этой связи интересно предложение В.Б. Касевича и В.С. Храковского выделять в процессе формирования модального содержания любого высказывания два этапа: образование внутренней модальной рамки, т. е. фиксирование объективного положения вещей для данного фрагмента действительности, и семантическую операцию, заключающуюся в характеристике пропозиции как актуальной или виртуальной [Касевич, Храковский 1985: 17]). Именно частная модальная характеристика частей условного периода - протасиса и аподосиса — лежит в основе традиционной классификации условных периодов в латинском языке, согласно кото-

рой различают условные периоды трех типов: реального, потенциального и ирреального. Формальным показателем условных периодов реального типа является употребление глаголов в различных временных формах индикатива, а потенциального и ирреального типа - в формах конъюнктива, соответственно *praesens/perfectum* и *imperfectum/plusquamperfectum*: *PN vehementer errant* (praes. indie.) *si illam meant pristinam lenitatem perpetuam sperant* (praes. indie.) *futuram* (Cic. Cat. 2, 3, 6) "Они сильно заблуждаются, если надеются, что моя прежняя снисходительность будет длиться вечно" (реальный тип); *Nam si omniafacienda sint* (praes. conj.), *quae amici velint, non amicitiae tales, sed coniurationes putandae sint* (praes. conj.) (Cic. Off. 3, 10,44) "Ведь если бы нужно было делать все, чего хотят друзья, это следовало бы считать не дружбой, а заговором" (потенциальный тип); *Nam quern ferret* (imperf. conj.), *si parentem non ferret* (imperf. conj.) *suoml* (Ter. Heaut. 202) "Ведь от кого бы другого он стерпел, если бы не стерпел от своего отца?" (ирреальный тип).

Заметим, что, как и при употреблении в независимых предложениях, действие, переданное глаголом в форме *imperfectum conjunctivi*, может интерпретироваться не только как нереальное в настоящем, но и как потенциальное в прошлом [Harris 1986: 267]. Редкое употребление в условных предложениях потенциального типа формы *perfectum conjunctivi* объясняется, видимо, тем, что когда какое-либо действие рассматривается как возможное во временной перспективе, устремленной в будущее, естественнее представлять действие в его протяженности, что и достигается использованием соответствующих глаголов в форме *praesens conjunctivi*. Глаголы в форме *perfectum conjunctivi*, как правило, используются в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть результат действия (иногда это вызвано упоминанием в пределах одного предложения череды действий): *Si gladium quis apud te sana mente deposuerit* (perf. conj.), *repetat* (praes. conj.) *insaniens, reddere peccatum sit, officium non reddere* (Cic. Off. 3, 25, 95) "Если бы кто-то в здравом уме положил у тебя меч на сохранение, а стал бы требовать обратно, будучи безумным, то отдать его было бы преступлением, а обязанностью было бы не отдавать".

Исходя из объективированности выражения отношения говорящего к отображаемому и опираясь на формальные показатели выделяемых разновидностей условных периодов, следует трактовать основу (бытийный параметр) модальной характеристики протасиса и аподосиса реального типа как соответствие объективной действительности (индикатив), а потенциального и ирреального - как "возможный мир" (конъюнктив). Противопоставление по этому параметру модального содержания условных периодов реального типа модальному содержанию условных периодов потенциального и ирреального типа проводится многими исследователями. Предлагается трактовать употребление конъюнктива в условных периодах как средство выражения неактуализованности содержания протасиса и аподосиса [Rosén 1980: 22]. Выдвигается концепция, согласно которой типы условных периодов формируют не тройную оппозицию, а две иерархически организованные оппозиции; одна, модальная, соответствует морфологическому противопоставлению "индикатив-конъюнктив"; другая, подчиненная предыдущей, временная, реализуется в пределах условных периодов потенциального и ирреального типа посредством разных временных форм конъюнктива: *praesens conj.* - *imperfectum/plusquamperfectum conj.* [Vairel 1981].

Сочетание значения гипотетичности - основного компонента модального содержания условных периодов - с модальной характеристикой содержания протасиса и аподосиса реального типа как соответствующего объективной действительности не является противоречивым: в организующей модальное содержание всего высказывания семе гипотетичности реализуется характеристика содержания высказывания в целом как виртуального, но это не исключает возможности оценки отдельно пропозиций протасиса и аподосиса как факта, что и имеет место в условных периодах реального типа.

Отмечается возможность выражения посредством глагольных форм индикатива двойкой модальной характеристики содержания условных периодов: "истинно" (име-

ется в виду отображение конкретной реальной ситуации) и "истинно или ложно" (отображение ситуации, которая в принципе может соответствовать реальной действительности) [Baratin 1981: 253-254]. Следует добавить, что различие между этими двумя вариантами содержания условных периодов реального типа не сказывается на выборе наклонения глаголов-предикатов, поскольку оно связано не с модальной оппозицией "объективная действительность - возможный мир", формально воплощаемой чередованием наклонений глаголов, а с противопоставлением, имеющим место в отображаемой объективной действительности: "конкретное единичное событие - событие, обычно случаемое". Это противопоставление получает отображение на лексическом и контекстуальном уровне.

Употребление временных форм индикатива в условных периодах реального типа определяется соотношением отображаемого с теми или иными отрезками реального времени и поэтому характеризуется автономностью выбора. Реальность положений дел, составляющих пропозициональное содержание протасиса и аподосиса, определяет и характер качественной оценки этих пропозиций (также входящей в модальное содержание высказывания), которая, как и в элементарных высказываниях повествовательного типа, реализуется в модальных значениях "хорошо/плохо" и имеет форму de ге-оценки: *Si stultus es, ea re taceas; non tamen si taceas, stultus es* (Ad Herenn. 4, 28, 39) «Если ты глуп ("плохо"), то молчи; однако если ты молчишь, это не значит, что ты глуп ("хорошо")».

Выбор временных форм конъюнктива в условных периодах потенциального и ирреального типа неразрывно связан с модальной характеристикой пропозиций по бытийному параметру; *praesens* и *perfectum* отображают виртуальное положение дел с потенциалом времени для его превращения в реальное, *imperfectum* и *plusquamperfectum* такого потенциала не предполагают. Модальное значение форм конъюнктива исследователи соотносят с модальными значениями аналогичных форм в независимых предложениях [Leumann, Hofmann, Szantyr 1964: 661; Baratin 1981: 273]. Обычно сравнение проводится с *conjunctivus potentialis*, иногда - с *conjunctivus optativus*. При этом сравнении, однако, отсутствует уточнение, к какой из частей условного периода оно относится, или его следует относить к обеим частям одновременно. Представляется, что модальные значения форм конъюнктива в протасисе и аподосисе условных периодов требуют отдельного рассмотрения (независимость употребления наклонений в протасисе и аподосисе условных периодов утверждается, в частности, в [Rosén 1980: 16]).

Семантика протасиса условных периодов потенциального и ирреального типа всегда отмечена ценностным отношением (предпочтением) говорящего, определяющим выбор именно данного сюжета в качестве основы суждения, вследствие чего функция конъюнктива в протасисе условных периодов может быть сопоставлена с его употреблением в независимых предложениях, именуемым *conjunctivus optativus*, модальная семантика которого содержит компонент "желательно". Ср.: *Orationes (Thucydides)... ego laudare soleo, imitari neque possim, si velim, nee velim fortasse, si possim* (Cic. Brut. 83, 287) "Речи (Фукидида)... я обычно хвалю, подражать я и не мог бы, если бы хотел, и, пожалуй, не хотел бы, если бы мог" и *Falsus utinam vates sim!* (Liv. 21, 10, 10) "Если бы я был ложным пророком!"

Наличие в модальном содержании протасиса качественной оценки по параметру "желательно" подтверждается существованием в латинском языке независимых предложений, выражающих желание, с частицей *si*: *O mihi praeteritos referat si Jupiter annos!* (Verg. Aen. 8, 560) "О если бы вернул мне Юпитер ушедшие годы!" Существует мнение, что такие предложения развились из протасиса условного периода. Их возникновение представляется достаточно поздним - они отмечаются в латинских текстах лишь начиная с Вергилия (I в. до н. э.) [Bassols de Climent 1948: 469].

Сравнение же с функцией *conjunctivus potentialis* в независимых предложениях следует отнести к функциональной семантике конъюнктива в аподосисе условных периодов, содержание которого отображает возможное развитие событий, подготовленное содержанием протасиса. Ср.: *Quorum si alterum sit optandum, malim equidem indisertam prudentiam,*

quam stultitiam loquacem (Cic. De or. 3,35,142) "Если бы нужно было выбрать одно из двух, я бы предпочел некрашноречивую рассудительность, нежели болтливую глупость" и *Ne illud quidem praetermittam* (Cic. Att. 6,3,9) "Пожалуй, я бы не пропустил этого".

Аналогичное распределение функций конъюнктива, но применительно к прошлому, сохраняется и для условных периодов ирреального типа. В связи с этим необходимо обратить внимание на неоднозначность традиционного термина *conjunctivus irrealis*, используемого применительно к двум функциям конъюнктива при описании виртуальных ситуаций в ракурсе прошлого как в независимых предложениях, так и в условных периодах - *conjunctivus optativus* и *conjunctivus potentialis*. Ср.: *O si solitae quicquam virtutis adesset!* (= conj. optativus) (Verg. Aen. 11, 415) "О если бы было что-нибудь от обычной доблести!"; *Haud facile discerneres* (= conj. potentialis), *utrum Hannibal imperatori, an exercitui carior esset* (Liv. 21,4, 3) "Не легко было бы разобрать, кому Ганнибал был дороже - полководцу или войску" и *Si esset in Us fides* (cf. conj. optativus), *in quibus summa esse debebat, non laboraremus* (cf. conj. potentialis) (Cic. Fam. 1, 1,4) "Если бы была верность в тех, в ком она должна была быть наивысшей, мы бы не испытывали страданий".

Итак, главным элементом модального содержания условных периодов, воплощаемым в семантике союза *si* "если", является гипотетичность; в сферу действия этого модального значения в равной мере вовлекаются и протасис (условие), и аподосис (следствие) условного периода. Наряду с этим модальность условного периода включает модальную характеристику пропозиционального содержания его частей, получающую формальное воплощение в вариативности глагольных форм по параметрам времени и наклонения.

Содержание протасиса условных периодов характеризуется смысловой автономностью. Оно является исходным в условном периоде и обусловлено инициативой говорящего. Аподосис, указывающий на следствие из протасиса или заключение, сделанное на основании содержания протасиса [Dictionnaire 1973: 42], связан с протасисом отношением непосредственной зависимости, сопоставимой с логической операцией импликации. Соположение содержания протасиса и аподосиса в едином срезе картины мира говорящего определяет обусловленность модальной характеристики аподосиса модальной характеристикой протасиса. Формальным подтверждением этой зависимости служит употребление глагольных форм в аподосисе, в типических случаях повторяющее грамматическую характеристику глаголов-предикатов протасиса.

2. "СМЕШАННЫЕ" УСЛОВНЫЕ ПЕРИОДЫ

Нередко употребление временных форм конъюнктива в условных периодах отличается от типовой схемы. При этом возможны сочетания *praesens conjunctivi* с *perfectum conjunctivi* и *imperfectum conjunctivi* с *plusquamperfectum conjunctivi*: *Nonne sapiens, si fame ipse conficiatur* (praes. conj.), *abstulerit* (perf. conj.) *cibum alteri homini, ad nullam rent utili?* (Cic. Off. 3, 29) "Если бы мудрец сам умирал с голода, неужели он не отнял бы ПИЩУ У Другого человека, ни на что не пригодного?"; *Si nostris consiliis usi essemus* (plusquamperf. conj.) *neque apud nos tantum valuisset* (plusquamperf. conj.) *sermo aut stultorum amicorum aut improborum, beatissimi viveremus* (imperf. conj.) (Cic. Fam. 14,1,2) "Если бы я руководствовался своими решениями и на меня не подействовали в такой степени слова глупых или бесчестных друзей, я жил бы как счастливейший человек".

Смешение временных форм конъюнктива в пределах одного условного периода привлекало внимание многих исследователей. Предлагаемые объяснения представляют в совокупности довольно пеструю и неоднородную картину. Так, употребление *imperfectum conjunctivi* в аподосисе при *plusquamperfectum conjunctivi* в протасисе объясняется, в частности, необходимостью подчеркнуть, что настоящее было бы иным, если бы прошлое не было таким, каким оно было в действительности. *Imperfectum conjunctivi* в протасисе интерпретируется как указатель на временную протяженность обозначаемого состояния вплоть до настоящего времени: *Etiam si bella externa et obitaspro re publica mortes tanta casuum similitudine memorarem* (imperf. conj.), *meque ipsum*

satias cepisset (plusquamperf. conj.), *aliorumque taedium exspectarem* (imperf. conj.) (Тас. Ann. 16, 16, 1) "Даже если бы я стал напоминать о войнах в чужих землях и о жизнях, отданных за государство во многих схожих ситуациях, то и мне самому бы это приелось, и в других я бы ожидал чувства отвращения". Отмечается использование *imperfectum conjunctivi* в протасисе, содержание которого носит обобщающий, подытоживающий характер. Задача, реализуемая с помощью *imperfectum conjunctivi* в данном случае - подчеркнуть нереальность события; обозначение же времени, с которым соотносится событие, осуществляется благодаря общему контексту: *Nolite existumare maiores nostros armis rempublicam exparva magnamfecisse* (infin. perf.). *Si ita esset* (imperf. conj.), *multo pulcherrumam earn nos haberemus* (imperf. conj.) (Sail. Cat. 52, 19-20) "Не считайте, что наши предки превратили государство из малого в великое с помощью оружия. Если бы было так, то при нас оно бы стало еще более прекрасным". Некоторые случаи употребления *imperfectum conjunctivi* объясняются стилистическими мотивами - желанием избежать монотонности при употреблении двух однородных сказуемых, первое из которых стоит в *plusquamperfectum conjunctivi*, аттракцией в ситуации косвенной речи и т. д. (подробное изложение см. в [Nutting 1925: 161]). Множественность мотиваций ненормативного употребления *imperfectum conjunctivi* в условных периодах, где речь идет об ирреальности в прошлом, свидетельствует о сохранении неясности в этом вопросе; стержневой принцип, лежащий в основе регулярных отступлений от типовой модели, в этих мотивациях не выявлен.

При анализе употребления *imperfectum conjunctivi* в условных периодах ирреального типа из контекста выявляется, что обозначаемое этой формой ирреальное, противоположное факту положение дел может быть противопоставлено не только прошлому, но и настоящему, а иногда и будущему. Противопоставление разным временным отрезкам возможно, если речь идет о каком-либо длительном процессе или состоянии, но не в случае ограниченного во времени конкретного действия. Из этого следует, что мотивы выбора данной глагольной формы следует искать в семантике соответствующих глаголов. Убеждает в этом и использование *imperfectum conjunctivi* в сочетании с *plusquamperfectum conjunctivi* при отнесении обоих положений дел к одному временно-му срезу: *Memoriam quoque ipsam cum voce perdidissemus* (plusquamperf. conj.), *si tarn in nostra potestate esset* (imperf. conj.) *oblivisci, quam tacere* (Тас. Agr. 2, 3) "Мы потеряли бы вместе с голосом и саму память, если бы в наших силах было не только молчать, но и забывать"; *Quae quidem ego nonferrem* (imperf. conj.), *nisi me in philosophiae portum contulissetem* (plusquamperf. conj.) *et nisi haberem* (imperf. conj.) *socium studiorum meorum Atticum nostrum* (Сис. Fam. 7, 30, 2) "Я не перенес бы этого, если бы не направился в гавань философии и если бы участником моих занятий не был наш Аттик".

В лингвистической литературе отмечается согласование системных функций глагольных форм с лексико-грамматическими свойствами глаголов при определяющей роли лексического значения [Martin 1971: 163]. Сопоставляя формы глаголов в условных периодах и семантику глагольных лексем, можно заметить, что формы *praesens* и *imperfectum conjunctivi* характерны для неопределенных глаголов, обозначающих состояние или действие в развитии, а формы *perfectum* и *plusquamperfectum conjunctivi* - для предельных, обозначающих действие, которое должно иметь конец (подробно о предельных и неопределенных глаголах см. [Гак 1986: 183-184; Холодович 1979: 138-139]).

Эта закономерность имеет исключения. *Praesens* и *imperfectum conjunctivi* иногда обозначают действия, предполагающие предел: *Quid si pater fana expilet* (praes. conj.), *cuniculos agat* (praes. conj.) *ad aerarium, indicetne* (praes. conj.) *id magistratibus filius?* (Сис. Off. 3, 90) "Что, если бы отец стал грабить храмы, делать подкопы к казначейству, донес ли бы сын об этом властям?"; *Pluribus verbis ad te scriberem* (imperf. conj.), *si... res verba desideraret ac non pro se ipsa loqueretur* (imperf. conj.) (Сис. Fam. 3, 2, 2) "Я написал бы тебе больше, если бы... это дело нуждалось в словах и не говорило само о себе". Использование *praesens* и *imperfectum conjunctivi* для обозначения предельного действия, видимо, обусловлено тем, что говорящий сообщает о данном действии в соотношении с моментом его возможного осуществления, когда он может пред-

ставить его как длительное. Здесь уместно вспомнить замечание Е.А. Реферовской, что любое, даже самое короткое действие требует для своего осуществления некоторого "оперативного" времени, и о нем можно говорить, отвлекаясь от его предела [Реферовская 1983: 134].

Таким образом, можно утверждать, что выбор глагольной формы в условных периодах потенциального и ирреального типа диктуется семантикой предиката: противопоставлением по параметру "предельность - непредельность". Для каждой из групп глаголов - предельных и непредельных - существует оппозиция форм, обозначающих возможность - невозможность, и здесь выбор формы определяется оценкой говорящего. Непредельный глагол может быть употреблен в формах *praesens* или *imperfectum conjunctivi*, а предельный - в формах *perfectum* или *plusquamperfectum conjunctivi* в зависимости от того, рассматривает ли говорящий условие или следствие как возможное (потенциальный тип) или невозможное (ирреальный тип). Строго говоря, условные периоды с чередованием временных форм в пределах одного наклонения вообще не следует именовать "смешанными", поскольку данное чередование обусловлено внутриязыковым фактором - закономерностями функционирования языковых единиц.

Другой тип условных периодов, относимых к разряду "смешанных" - это те, в которых наблюдается сочетание глагольных форм разных наклонений. Возможны следующие варианты сочетания наклонений: в протасисе - индикатив, в аподосисе - императив или конъюнктив; в протасисе - конъюнктив, в аподосисе - индикатив.

Использование в аподосисе глагольных форм разных наклонений (императива, конъюнктива) при протасисе реального типа (индикатив) отображает различное отношение говорящего к положению дел, составляющему содержание аподосиса и логически вытекающему из некоторой реальной ситуации (содержание протасиса) - желание, чтобы данное положение дел стало реальностью, предположение, сомнение; *Audi (imperat.) reliqua et risum contine (imperat.), si potes (praes. indie.)* (Cic. Fin. 4, 25, 71) "Слушай остальное и сдержи смех, если можешь"; *si volumus (praes. indie.) aequi rerum omnium iudices esse, hoc primum nobis persuadeamus (praes. conj.) neminem nostrum esse sine culpa* (Sen. Ira. 2, 27, 5) "Если мы хотим быть справедливыми судьями во всем, то давайте убедим себя прежде всего в том, что никто из нас не безупречен"; *Si sciens fallo (praes. indie), turn me Juppiter optimus maximus domum, familiam remque meampessimo leto adficiat* (praes. conj.) (Liv. 22, 53, 11) "Если я намеренно обманываю, пусть тогда всеблагой и всемогущий Юпитер найдет на меня, на мой дом, моих близких и все мое наихудшую гибель!"; *Quid timeam (praes. conj.), si aut non miser post mortem, aut beatus etiam futurus sum* (описат. будущее) (Cic. Sen. 19.67) "Чего мне бояться, если после смерти я не буду несчастен или даже буду счастливым?". Употребление *praesens conjunctivi* в аподосисе "смешанного" условного периода в сочетании с формами индикатива в протасисе сопоставимо с его употреблением в независимых предложениях в функциях *conjunctivus adhortativus*, *conjunctivus optativus*, *conjunctivus dubitativus* и др., отображающих ценностное отношение говорящего к сообщаемому.

Возможно и обратное распределение наклонений - конъюнктив в протасисе, индикатив в аподосисе: *Neque tu hoc dicere audebis (fut. I) nee, si cupias (praes. conj.), licebit (fut. I)* (Cic. Verr. 2, 69, 167) "И ты не осмелишься сказать это, да и если бы захотел, не будет дозволено"; *Etiam si multum superesset (imperf. conj.) aetatis, parce dispensandum erat (imperf. indie), ut sufficeret necessariis* (Sen. Ep. 48, 12) "Даже если бы предстояла еще долгая жизнь, ее нужно было распределить расчетливо, чтобы хватило для необходимого".

Относительно сочетания форм конъюнктива в протасисе с формами индикатива в аподосисе представляется возможным следующее объяснение. Говорящий моделирует некоторую воображаемую ситуацию (в протасисе - глагол в конъюнктиве), а затем рассматривает ее как условие для реального развития событий (ср. интерпретацию употребления индикатива в аподосисе при конъюнктиве в протасисе как указание на то, что ситуация, отображаемая в аподосисе, представляется имевшей место, в [Allcroft, Hay don s.a: 95]). Такое "изменение регистра" оказывается возможным

благодаря мысленному "погружению" говорящего в воображаемую им самим ситуацию, в результате чего он меняет "точку отсчета", исходя в дальнейшем из представления о содержании протасиса как о факте.

Существуют и другие объяснения. А. Ронкони считает, что содержание аподосиса "смешанных" условных периодов не является логическим следствием из содержания протасиса. Логический аподосис в таких предложениях опущен, он лишь подразумевается: *Difficilior facta oppugnatio erat* (imperf. indie), *ni T. Quinctius supervenisset* (plusquamperf. conj.) (Liv. 34, 29, 10) = *Difficilior facta oppugnatio erat [neque res ad exitum perducta esset] ni T. Quinctius supervenisset* "Штурм оказался труднее [и дело не было бы доведено до конца], если бы не появился Т. Квинкий". Такие условные периоды, по мнению автора, правильнее было бы именовать "эллиптическими" [Ronconi 1948: 72]. Хотя нельзя исключать случаев языкового эллипсиса, тем не менее не представляется возможным применить данное объяснение ко всем "смешанным" условным периодам, тем более, что в большинстве из них содержательная сторона представлена исчерпывающим образом.

Совпадение глагольных наклонений в типовых моделях условных периодов означает, что при построении условного суждения говорящий обычно опирался на единую картину мира в своем сознании (реальную или виртуальную). Однако, как видно из примеров, это единообразие могло иногда нарушаться. Изменение модальной "тональности" условного суждения всегда обусловлено инициативой говорящего и не связано со структурными особенностями языковой системы, что и позволяет именовать такие условные периоды "смешанными".

3. ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СЕМАНТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ "УСЛОВИЕ"

Исследователями фиксируется имплицитное обозначение в условных периодах, помимо гипотетичности, также причинной, уступительной, адверсативной (противительной) связей, по необходимости часто остающихся неотмеченными [Nutting 1925: 45]: *Quodsi iam ita esset, ut esse non potest, tamen de nostra maiestate nihil de illorum cavetur* (Cic. Balb. 16, 37) "Даже если бы это было так, как не может быть, однако ничто из этого не могло бы обеспечить нашего авторитета" (уступка); *Si barbarorum est in diem vivere, nostra consilia sempiternum tempus spectare debent* (Cic. De or. 2, 40, 169) "Если варварам свойственно жить одним днем, то наши советы должны быть рассчитаны на вечность" (противопоставление).

В латинском языке существовали и эксплицитные способы выражения связей смешанного типа. Так, союзы *quasi, tamquam (si), ut si, velut si, ac si* вводят придаточные предложения, именуемые в грамматиках условно-сравнительными [Соболевский 1950: 266]: *Quarum una... mihi adpedes misera iacuit, quasi ego eius excitare ab inferis filium possem* (imperf. conj.) (Cic. Verr. 5, 49, 129) "Из них одна... несчастная бросилась к моим ногам, как если бы я мог вызволить ее сына из царства мертвых". Наклонение глагола в условно-сравнительных предложениях - всегда конъюнктив, что вполне согласуется с потенциальной или ирреальной семантикой этих предложений.

Основным, объединяющим компонентом в семантике союзов, присоединяющих условно-сравнительные предложения, является условная зависимость. Это позволяет утверждать, что модальное содержание условно-сравнительных предложений, семантическая мотивация выбора в них глагольных форм аналогичны характеристикам протасиса условных периодов.

Лексическое воплощение может получать отношение обусловленности, осложненное отношением уступки - в союзах *etsi, etiamsi, tametsi* [Leumann, Hofmann, Szantur 1964: 671-672]. Иногда грамматисты относят названные союзы к уступительным [Соболевский 1950: 263]. Соответственно меняется и трактовка предложений, присоединяемых этими союзами: *Etsi satis clemens sum* (praes. indie.) *in disputando, tamen interdum soleo subirasci* (Cic. Fin. 2, 4, 12) "Хотя я во время спора достаточно кроток,

однако иногда случается рассердиться"; *Sed quod crebro videt, non miratur, etiamsi, cur fiat, nescit* (praes. indie.) (Cic. Div. 2, 22, 49) "Но он не удивляется тому, что видит часто, даже если не знает, отчего так бывает"; *Sunt enim, qui, quod sentiunt, etsi optimum sit* (praes. conj.), *tamen invidiae metu non audeant dicere* (Cic. Off. 1, 24, 84) "Есть ведь такие, кто, боясь ненависти, пожалуй, не осмелится высказать свою мысль, даже если бы она была очень хорошей". Глагол-сказуемое этих предложений по большей части стоит в индикативе, хотя возможен и конъюнктив.

Разряд условно-уступительных предложений выделяется и в грамматиках других индоевропейских языков. Существует мнение, что эти предложения лишь внешне похожи на условные, но не имеют силы обусловленности (conditional force) [Fraser 1971: 158]. Согласно другой точке зрения, в таких предложениях на условные отношения наслаиваются отношения контраста, противопоставленности [Quirk et al. 1972: 746]. Указывается на семантическое различие между условными и уступительными предложениями: в первых ни антецедент, ни консеквент не актуализованы, в то время как во вторых содержание обоих компонентов носит конкретный характер. Условно-уступительные предложения, занимая промежуточное положение, имеют сходство и с условными, и с уступительными предложениями, приближаясь или к тем, или к другим [König 1986: 231].

По нашему мнению, главное различие между условно-уступительными предложениями и протасисом условных периодов заключается в их неодинаковой роли в формировании высказывания-сложного предложения, частью которого они являются. Условно-уступительные предложения дополняют, уточняют содержание главной части высказывания-сложного предложения, занимая в нем периферийную позицию. Протасис условного периода, наоборот, играет роль смыслового зачина, формирующего содержательный контекст высказывания, обуславливающего дальнейшее развитие мысли.

Различие коммуникативных функций согласуется с расхождением в модальном статусе условно-уступительных и условных предложений. Содержание условно-уступительных предложений может соотноситься как с объективной действительностью, так и с областью "возможных миров" (глагол - в индикативе или в конъюнктиве). Однако модальная интерпретация условно-уступительных предложений, вследствие их подчиненного характера в содержании высказывания, не влияет на модальную характеристику пропозиции главной части высказывания, которая аналогична модальной характеристике пропозиции элементарных высказываний повествовательного типа. Высказывания-сложные предложения с придаточными условно-уступительными, на основании сходства модальной схемы, сближаются с высказываниями-сложными предложениями, в состав которых входят придаточные чисто уступительные (с союзами *quamquam*, *quamvis*, *licet*). Модальное содержание условных периодов - это сложное целое, в котором основной, общий модальный компонент "предположительность", задающий единый модальный "фон" высказывания, дополняется модальной характеристикой каждой из его частей, создавая в целом разнообразные конфигурации.

* * *

Итак, условные периоды - сложные семантические образования, модальное содержание которых включает модальную оценку частей условного суждения - протасиса и аподосиса, а также модальное значение гипотетичности, общее для всего условного периода. Характеризуя высказывание в целом, значение гипотетичности обуславливает отнесение его содержания, независимо от модальной характеристики протасиса и аподосиса, к области "возможных миров".

Сочетание пропозиций в пределах условного периода не является произвольным, оно обусловлено спецификой условного суждения. Отношение импликации, связывающее части условного суждения, предполагает объединение обеих частей в едином срезе картины мира говорящего.

Содержание протасиса и аподосиса может представлять собой бытийные концепты, являющиеся отображением объективной действительности (глагольные формы

разных времен индикатива) или относиться к области "возможных миров" - сопоставимых с объективной действительностью, для которых не исключается перспектива отождествления с ней (*praesens et perfectum conjunctivi*), и не сопоставимых, "противоположных фактам" [Nutting 1925: 122] (*imperfectum et plusquamperfectum conjunctivi*). Обусловленность протасиса инициативой говорящего, при отнесении его содержания к области "возможных миров", позволяет говорить о присутствии в модальной характеристике этой части условного периода компонента "желательно".

В "смешанных" условных периодах при оценке содержания протасиса как соответствующего объективной действительности (глагольные формы индикатива) содержание аподосиса трактуется не как реальное, а как желательное на фоне констатации его несоответствия объективной действительности (глагол в императиве) или сопоставимости с ней (глагол в *praesens conjunctivi*). При отнесении содержания протасиса к области "возможных миров" (глагол в формах конъюнктива) содержание аподосиса может рассматриваться не как "возможный мир", а как объективная действительность (глагол - в формах индикатива).

Образование "смешанных" условных периодов возможно, если при формировании аподосиса говорящий занимает позицию участника событий, о которых говорится в протасисе, и трактовка событий в аподосисе осуществляется как бы "изнутри" повествования. Допустимость такого "перевоплощения" говорящего свидетельствует о тесной смысловой зависимости между содержанием протасиса и содержанием аподосиса.

Условные периоды отличаются от всех других сложноподчиненных предложений противоположным характером отображаемой в них смысловой зависимости между частями высказывания. Если в предикатно-актантных и в предикатно-сирконстантных структурах исходным, семантически независимым элементом является главное предложение, обуславливающее семантическую и грамматическую характеристику придаточного предложения, то в условных периодах исходным смысловым элементом является часть, вводимая союзом - протасис. Содержание же аподосиса, его семантическая и грамматическая характеристики, его модальная оценка носят обусловленный характер.

Это обстоятельство позволяет назвать семантико-грамматическую модель, лежащую в основе условных периодов, **поступательной**.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Ad Herenn. - Ad Herennium // M. Tulli Ciceronis scripta quae manserunt omnia. Fasc. 1. Lipsiae, 1964.
Cic. Att. - M. Tullius Cicero. Epistulae ad Atticum // Marco Tullio Cicerone. Lettere ad Attico. V. I—III. Bologna, 1981-1982.
Cic. Balb. - M. Tullius Cicero. Pro L. Cornelio Balbo // Cicero. V. 13. Cambridge (Mass.), 1970.
Cic. Brut. - M. Tullius Cicero. Brutus s. De Claris oratoribus // M. Tulli Ciceronis scripta quae manserunt omnia. Fasc. 4. Leipzig, 1970.
Cic. Cat. - M. Tullius Cicero. Invectionum in Catilinam libri quattuor // Cicero. V. 10. Cambridge (Mass.); London, 1977.
Cic. De or. - M. Tullius Cicero. De oratore // Cicero. V. 3, 4. Cambridge (Mass.); London, 1976—1977.
Cic. Div. - M. Tullius Cicero. De divinatione // M. Tulli Ciceronis scripta quae manserunt omnia. Fasc. 46. Stuttgartiae, 1977.
Cic. Fam. - M. Tullius Cicero. Epistulae ad familiares // Cicero. The letters to his friends. V. 1-3. Cambridge (Mass.); London, 1943.
Cic. Fin. - M. Tullius Cicero. De finibus bonorum et malorum // M. Tulli Ciceronis. De finibus bonorum et malorum libri quinque. London; New York, 1931.
Cic. Off. - M. Tullius Cicero. De officiis // M. Tulli Ciceronis scripta quae manserunt omnia. Fasc. 48. Lipsiae, 1963.
Cic. Sen. - M. Tullius Cicero. Cato Maior s. De senectute // Cicero. V. 20. Cambridge (Mass.); London, 1979.
Cic. Verr. - M. Tullius Cicero. In C Verrem // Cicero. The Verrine orations. V. 1-2. London; New York, 1928-1935.
Liv. - Titus Livius. Ab urbe condita // Livy. V. 1-14. Cambridge (Mass.); London, 1939-1959.
Sail. Cat. - C. Sallustius Crispus. Coniuratio Catilinae // C. Sallusti Crispi Catilina. Iugurtha. Fragmenta ampliora. Lipsiae, 1957.

- Sen. Ep. - L. Annaeus Seneca. Epistulae ad Lucilium // Lucio Anneo Seneca. Lettere a Lucilio. V. I, II. Milano, 1987.
- Sen. Ira. - L. Annaeus Seneca. De ira // Seneca. Moral essays. V. 1-3. Cambridge (Mass.); London. 1970-1979.
- Tac. Agr. - P. Cornelius Tacitus. Agricola // P. Cornelii Taciti libri qui supersunt. T. II. Fasc. 2. Leipzig, 1970.
- Tac. Ann. - P. Cornelius Tacitus. Annales // P. Cornelii Taciti libri qui manserunt. T. I. Leipzig, 1971.
- Ter. Heaut. - P. Terentius Afer. Heautontimorumenos // Publio Terenzio Afro. Commedie. V. 1-2. V. 1. Bologna, 1977.
- Verg. Aen. - P. Vergilius Maro. Aeneis // Virgilio. L'Eneide. V. 1-2. V. 1. Bologna, 1969.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вендлер 1986 - *З. Вендлер*. Причинные отношения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. М., 1986.
- Гак 1986 - *ВТ. Гак*. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1986.
- Касевич, Храковский 1985 - *В.Б. Касевич, В.С. Краковский*. От пропозиции к семантике предложения // Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985.
- Кондаков 1975 - *Н.И. Кондаков*. Логический словарь-справочник. М., 1975.
- Ляпон 1986 - *М.В. Ляпон*. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.
- Николаева 1982 - *Т.М. Николаева*. Контекстуально-конситуативная обусловленность высказывания и его семантическая цельность (к вопросу о функции русских частиц) // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста (Виноградовские чтения, XI). М., 1982.
- РГ-80 - Русская грамматика. Т. II. Синтаксис / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
- Реферовская 1983 - *Е.Л. Реферовская*. Лингвистические исследования структуры текста. Л., 1983.
- Соболевский 1950 - *С.И. Соболевский*. Грамматика латинского языка. 3-е изд. М.Д950.
- Тахо-Годи 1965 - *А.Л. Тахо-Годи*. Синтаксис сложного предложения в комедии Менандра "Дискол" // Вопросы классической филологии. Вып. I. М., 1965.
- Холодович 1919 - *А.Л. Холодович*. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Allcroft, Haydon. s. a. - *A.H. Allcroft, J.H. Haydon*. Latin composition and syntax. 3rd ed. London, s. a.
- Baratin 1981 - *M. Baratin*. Remarques sur l'emploi des temps et des modes dans le systeme conditionnel latin // BSLP. T. LXXVI. 1981.
- Bassols de Climent 1948 - *M. Bassols de Climent*. Sintaxis historica de la lengua latina. T. II, 1. Las formas personales del verbo. Barcelona, 1948.
- Dictionnaire 1973 - Dictionnaire de linguistique/Par J. Dubois et al. Paris, 1973.
- Fraser 1971 - *B. Fraser*. An analysis of 'even' in English // Studies in linguistic semantics. New York, 1971.
- Harris 1986 - *M.B. Harris*. The historical development of ^/-clauses in Romance // On conditionals/Ed. by E.C. Traugott et al. Cambridge; London, 1986.
- Katz, Langendoen 1976 - *J.J. Katz, D.T. Langendoen*. Pragmatics and presupposition // Language. V. 52. №1. Baltimore, 1976.
- König 1986 - *E. König*. Conditionals, concessive conditionals and concessives: areas of contrast, overlap and neutralization // On conditionals / Ed. by E.C. Traugott et al. Cambridge; London, 1986.
- Leumann, Hofmann, Szantyr 1964 - *M. Leumann, J.B. Hofmann, A. Szantyr*. Lateinische Grammatik. Bd. II. Lateinische Syntax und Stilistik. München, 1964.
- Martin 1971 - *R. Martin*. Temps et aspect: Essai sur l'emploi des temps narratifs en moyen français. Paris, 1971.
- Meillet, Vendryes 1948 - *A. Meillet, J. Vendryes*. Traité de grammaire comparée des langues classiques. Paris, 1948.
- Nutting 1925 - *H.C. Nutting*. The Latin conditional sentence. Berkeley, 1925.
- Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1972 - *R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik*. A grammar of contemporary English. New York, 1972.
- Ronconi 1948 - *A. Ronconi*. Il verbo latino: Principi di sintassi storica. Bologna, 1948.
- Rosén 1980 - *H.B. Rosén*. On some grammatical uses and functional values of the subjunctive // Rosén H., Rosén H.B. On modes and tenses of the Latin verb, München, 1980.
- Vairel 1981 - *H. Vairel*. Un modèle d'analyse linguistique des conditionnelles: latin *si di sunt, si di sint, si di essent* // BSLP. T. LXXVI. 1981.
- Wagner 1939 - *R.-L. Wagner*. Les phrases hypothétiques commençant par *si* dans la langue française, des origines à la fin du XVI siècle. Paris, 1939.
- Wierzbicka 1980 - *A. Wierzbicka*. Lingua mentalis: The semantics of natural language. Sydney, 1980.

© 2004 г. В.А. ГУРЕЕВ

ЯЗЫКОВОЙ ЭГОЦЕНТРИЗМ В НОВЫХ ПАРАДИГМАХ ЗНАНИЯ

"... язык не только антропоцентричен, но и эгоцентричен в гораздо большей степени, чем признается в настоящее время".

(Ю.Д. Апресян)

В последние десятилетия в лингвистике при исследовании вопросов функционирования языка все большее значение приобретает фактор человека как активного субъекта познания, обладающего индивидуальным и социальным опытом, системой знаний о мире, отраженной в его сознании концептуальной картиной окружающей действительности.

Обращение к субъективному фактору происходит на фоне радикальных изменений в языкознании, переосмысления теории и практики лингвистических исследований на базе "новой интегральной парадигмы знания", которая является функциональной по своей общей направленности (см. [Кубрякова 1995: 230]). Особенность вышеуказанной парадигмы состоит также и в том, что она сочетает в себе коммуникативный и когнитивный подходы в научно-исследовательской языковой практике, то есть ориентируется на изучение функционально-коммуникативных аспектов естественного языка, использование когнитивных методов при анализе последнего как средства организации, обработки и передачи информации.

Одной из основных установок современной лингвистики наряду с экспансионизмом, неофункционализмом и экспланаторностью является антропоцентризм. Ему посвящены многочисленные научные публикации (см., например, одну из первых работ по данной теме - коллективную монографию Института языкознания АН СССР "Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира". М., 1988). Антропологический принцип все больше признается в качестве методологической основы научных исследований. Его суть заключается в том, что "научные объекты, - как подчеркивает Е.С. Кубрякова, - изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели" [Там же: 212].

Антропологическая переориентация языкознания свидетельствует о смене приоритетов, о переходе от лингвистики традиционной с ее доминирующим вниманием к языковым формам, рассматриваемым вне связей с разнообразными аспектами бытия языка, к лингвистике антропоцентрической, предполагающей исследование языка в непосредственной связи с индивидуумом.

В языке находит отражение особое представление о мире, "схваченное" со стороны субъекта сознания, и заключающееся, прежде всего, в том, что репрезентация мира, его концептуализация и категоризация (или же, иными словами, восприятие и обработка поступающей, равно как и уже имеющейся информации) зависят от ряда чисто субъективных факторов, таких, как, например, уровень компетентности, точка зрения на предмет анализа и т.д. Асимметрия между концептуальной картиной мира,

создаваемой индивидуумом, и онтологической является, по своей сути, непреодолимой в силу все тех же субъективных моментов. В то же время она предполагает определенную градуальность, различную степень субъективности (или же объективности) всего воспринимаемого (см. [Langacker 1991: 315-342]). Репрезентация информации в памяти человека, как отмечают представители когнитивной психологии, не является точным воспроизведением реальной жизни. "Наиболее очевидно то, - пишет Р. Солсо, - что наши представления о мире не обязательно идентичны его действительной сущности. Конечно, репрезентация информации связана с теми стимулами, которые получает наш сенсорный аппарат, но она также подвергается значительным изменениям. Эти изменения, или модификации, очевидно связаны с нашим прошлым опытом, результатом которого явилась богатая и сложная сеть наших знаний" [Солсо 1996: 43].

Благодаря когнитивным исследованиям появляется все больше оснований полагать, что именно категории мышления человека определяют категории языка (более двух с половиной тысяч лет тому назад такое предположение было сделано Аристотелем). Как подчеркивает Р.И. Павиленис, "естественный язык хотя и характеризуется определенной синтаксической системой, которая выявляется посредством различных формализмов, но не представляет собой определенной концептуальной системы, а является средством их построения и символического представления" [Павиленис 1983: 263]. Важно подчеркнуть, что концептуальный мир, существующий в сознании человека в обобщенном виде (в форме концептов, фреймов, сценариев, различных схем действий и т.д.), формируется как с помощью языка, так и без него. Иными словами, не вся информация, воспринимаемая с помощью органов чувств, равно как и уже обработанная нейронными структурами мозга, имеет языковую привязку. Причины данного явления определяются психофизиологическими и социальными факторами. В своей теории когнитивного развития Л.С. Выготский обращает внимание на то, что мышление и речь имеют независимое происхождение. При этом мышление детерминировано биологически, а речь детерминирована социально. "Слияние мышления и речи, - отмечает ученый, - есть частичное явление, имеющее силу и значение только в приложении к области речевого мышления, в то время как другие области неречевого мышления и неинтеллектуальной речи остаются только под отдаленным, не непосредственным влиянием этого слияния и прямо не стоят с ним ни в какой причинной связи" [Выготский 1996: 109]. Концептуальный мир является более объемным, а стало быть, более сложным явлением, нежели мир языковой. Язык же, будучи одним из основных атрибутов человека, естественно, не может не отражать в своей системе антропологических "следов", о чем красноречиво свидетельствуют данные исследований в когнитивной лингвистике. Если структурализм середины прошлого века стремился при изучении языковых элементов к универсализации структурных принципов, деантропологизации языка, то когнитивная лингвистика конца XX - начала XXI века как важнейшая составная часть когнитивной науки, наоборот, основной акцент делает на особой роли человека, рассматривая его в качестве исходного пункта в анализе языковых явлений.

Таким образом, в основе процесса антропологизации лингвистики лежит осознание того, что язык "создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться" [Степанов 2002: 15].

На фоне возрастающего интереса к роли субъективного (человеческого) фактора в языке начинают все отчетливее вырисовываться контуры **эгоцентрической теории языка** с центральным для нее понятием я. В ее основе лежат такие функциональные аспекты языковых форм, которые ориентированы на субъекта речи и, в первую очередь, на его я. Однако прежде чем продолжить разговор о теории языкового эгоцентризма, необходимо, хотя бы в самых общих чертах, обратиться к истокам вопроса.

Понятие я (или же, в терминах современной науки, концепт я) является одним из наиболее сложных и противоречивых в системе знаний о человеке. В лингвистику оно перекочевало из философии и психологии, где на протяжении долгого времени было в центре внимания исследователей как на Востоке, так и на Западе. Достаточ-

но, в этой связи, упомянуть индийскую философию (упанишады, буддизм, системы ньяя и санкхья, взгляды Шанкары и Рамануджы и т.д.) (см. [Радхакришнан 1994]), философские теории таких представителей западноевропейской философской мысли как И.Г. Фихте (1762-1814), Л. Фейербах (1804-1872), Э. Гуссерль (1859-1938) и многих других.

У я как сущности идеальной есть одна главная функция - быть субъектом познания (чувственного, рационального, эмпирического и теоретического). Сам процесс познания возможен лишь при условии неизменности сущностного я, его устойчивости при постоянных изменениях внешнего мира, при условии сохранения тождества я человека самому себе, своему самосознанию. В основе этого процесса лежит противопоставление я - не-я. Последнее (то есть не-я) включает все, что созерцается, являясь объектом восприятия для я. То, что выступает как я, часто рассматривается в качестве души, свободной от всех объективных, эмпирических элементов. Между я и внешним миром находятся мозг, тело индивидуума. С помощью последних я воспринимает и осмысливает его. Традиция несведения я к телу, к их разграничению и даже противопоставлению (определяемая в современной психологии как *body-mind problem*) глубоко коренится в истории философии. Поскольку тело служит обиталищем я, являясь чем-то внешним по отношению к нему, то одновременно оно может также служить в качестве ближайшего объекта познания для я. Мозг с его обширной информационно-перерабатывающей инфраструктурой рассматривается тогда в качестве инструмента, позволяющего я приобретать телесный, чувственно-наглядный, сенсорно-моторный опыт и классифицировать его.

Взаимосвязь между я и телом носит сложный характер. Когнитологи (о взглядах которых по данному вопросу речь пойдет ниже), в частности, обращают внимание на то, что разум человека выступает в телесной ипостаси, то есть имеет материальную природу, будучи воплощенным в особую нейронную сеть мозга. Да и само я (*self*), по их мнению, не настолько "идеально", как его трактует философская традиция.

Осуществляя познавательную деятельность, я может быть как субъектом восприятия, равно как и субъектом (агентом) деятельности, в том числе и речевой. При этом созерцающему я доступны не только перцептивно воспринимаемые внешние события; ментальная деятельность также вполне поддается наблюдению в интроспекции и служит, стало быть, объектом этого наблюдения. Я представляет собой не только субъект, но и объект познания. Важно подчеркнуть, что когда я выступает в роли субъекта (агенса) деятельности, то параллельно с ней оно выполняет функцию восприятия своей собственной активности, рассматривая ее как бы со стороны. В последнем случае происходит темпоральное дистанцирование (отчуждение) объективированного я от я неизменного как субъекта восприятия, то есть в сознании человека «существует т. н. истинное "я" (архетипическое, составляющее глубинный инвариант личности), и выработанные в процессе биологического и социального существования "обыденные" репрезентации "я"» [Берестнев 2000: 7]. В контексте вышесказанного первое "я" можно считать временным (темпоральным, эмпирическим), второе же - атемпоральным (панхроническим). Сам же процесс отчуждения объективированного я можно представить в виде формулы Я → Я1 ...Я2 ...Я3 и т.д. *ad infinitum*. Как писал Б. Рассел, "человек есть нечто отдельное не только по отношению к другим людям, но и по отношению к своему собственному прошлому и будущему" [Рассел 2000: 91].

Точкой отсчета (иногда обозначаемой термином *hic et nunc*) является не просто какой-то абстрактный человек, его индивидуальное я. Мир предстает как объект восприятия, как среда пребывания моего я. Через "окна" чувств я воспринимаю окружающий мир, категоризируя и концептуализируя его. Субъектом восприятия являюсь я сам, мое я.

Среди лингвистических средств выражения концепта я, так называемых эгоцентрических языковых единиц (имен собственных, лексических и грамматических средств, ориентированных на передачу мыслей человека о самом себе), на первом месте, несомненно, стоит местоимение я. В обширной языковедческой литературе оно неизмен-

но рассматривается в ряду слов, замещающих существительное, одно или несколько именных словосочетаний, как одно из средств экономии в языке (см., например [Viber 2000: 70; Crystal 2001: 210]). Тем самым подчеркивается в том числе и вторичность местоимения я, равно как и других местоимений. Подобная точка зрения, в значительной степени характерная для лингвистики традиционной, вызывает сильные сомнения. Конечно, в данном случае термин местоимение под влиянием греко-латинской грамматической традиции продолжает рассматриваться с позиций этимологии: *proponen* = вместо имени. Однако большинство лингвистов все же обращает внимание на то, что в отличие от знаменательных слов местоимения не называют объекты, их свойства, количество и т.д. непосредственно, а лишь указывают на них благодаря своему функциональному дуализму, то есть способности соотноситься со своим референтом дейктически и анафорически. При этом местоимение я указывает на субъекта речи. Еще В. Гумбольдт отмечал, что местоимения должны быть первичными в любом языке и "представление о том, что местоимение есть самая поздняя часть речи, абсолютно неверно. Представление о чисто грамматическом замещении имени местоимением подменяет в таком случае более глубокую языковую склонность. Изначальным, конечно, является личность самого говорящего, который находится в постоянном непосредственном соприкосновении с природой и не может не противопоставлять последней также и в языке своего я" [Гумбольдт 1984: 113, 114].

Подобное "противопоставление" я всему тому, что определяется как *не-я*, в наиболее очевидной форме и проявилось в учении о языковом эгоцентризме. Его обычно связывают с работами К. Бюлера, Б. Рассела, Р. Якобсона, Э. Бенвениста, Д. Лайонза, Ю.С. Степанова и др.

Анализ ситуации речевого общения предполагает маркирование непосредственного субъекта речи, равно как и субъекта восприятия речи, я и *ты* (в терминологии К. Бюлера). Местоимения я и ты, по его мнению, используются не для обозначения отправителя и получателя речевого послания (для подобного обозначения, как он полагает, прибегают к именам), а лишь для указания на исполнителей этих ролей [Бюлер 1993: 105]. К. Бюлер разработал теорию двух полей - указательного и символического. Первое есть не что иное, как "предпочтительная техника наглядного языка, сама ее суть". В нем все дейктические элементы языка получают семантическое содержание. Способы указания, как отмечает лингвист, разнообразны: здесь и наглядная демонстрация *ad oculos*, анафорическое употребление указательных слов в "речи, отвлекающейся от ситуации", а также дейксис к воображаемому (*deixis am Phantasma*) [Там же: 75]. Что же касается назывных слов, то они, в отличие от указательных слов (или же "сигналов"), функционируют как символы, получая семантическое наполнение в "синсемантическом внешнем поле". Последнее он и предложил называть символическим полем. В разработанной им системе координат субъективной ориентации, "во власти которой находятся и будут находиться все участники общения", главными являются три указательных слова, а именно - *здесь*, *сейчас* и я [Там же: 94]. Они помещаются в исходную точку координат *origo*:



Субъект речи и субъект восприятия речи (или же отправитель и получатель) постоянно существуют в данной системе координат субъективной ориентации и благодаря ей понимают жесты и другие "средства наглядного указания". При этом дейксис к воображаемому использует, даже в случае с воображаемым временным и пространственным перемещением, то же самое указательное поле и те же самые указательные слова, как и в случае наглядного указания [Там же: 136]. И этот вывод представляется весьма важным для понимания динамики воображаемого перемещения во времени и пространстве. "Где бы мы в речи не указывали на воображаемое, идет необычайно

тонкая и еле уловимая нами, взрослыми, игра перемещений", - пишет он. "Скажем, героя посылают в Рим, и автор стоит перед выбором, должен ли он продолжить словом *там* или *здесь*. Там он целый день слонялся по Форуму, *там...*". С тем же успехом, подчеркивает он, можно было бы сказать *здесь*. Читатель (или слушатель), по его мнению, осуществляет обзор из точки своего восприятия или какой-либо воображаемой точки так же легко и незаметно, как он осуществляет указание прошедшего или будущего времени индоевропейских языков или из своего наглядного *сейчас*, или из некоторой другой фиксированной точки воображаемой оси [Там же: 125,126].

Важно отметить, что в данном случае мы имеем дело с противопоставлением первичного дейксиса (то есть дейксиса диалогического общения) и вторичного, нарративного, непосредственно не связанного с ситуацией общения и характерного для пересказов, художественного повествования. Конституирующее свойство последнего, по мнению Ю.Д. Апресяна, заключается в том, что место говорящего не совпадает с пространственной точкой отсчета [Апресян 1997: 276]. Пример с наречиями *там* и *здесь* показывает, что при вторичном, нарративном дейксисе или же, пользуясь терминологией К. Бюлера, при дейксисе к воображаемому вышеуказанные наречия, являющиеся, по сути дела, "пространственными" антонимами, вполне могут рассматриваться в качестве синонимов.

По сравнению с К. Бюлером, у Б. Рассела перечень типичных языковых эгоцентриков значительно расширяется. В разряд основных эгоцентрических слов, то есть слов, "значение которых изменяется с переменой говорящего и его положения во времени и пространстве", он относит *я*, *это*, *здесь* и *теперь*. Сюда также относятся глагольные формы, изменяющиеся по временам, слова *близко* и *далеко*, *прошлое*, *настоящее* и *будущее* [Рассел 2000: 87]. Иначе говоря, эгоцентрическими считаются все слова, которые обладают дейктическими свойствами и интерпретация которых в обязательном порядке предполагает фигуру субъекта речи и, прежде всего, его *я*.

Дальнейшее развитие теория языкового эгоцентризма получает в исследованиях Р. Якобсона, в частности, при анализе шифтеров. Под последними он понимает класс языковых единиц (местоименных, глагольных), которые выражают связь сообщения (message) с речевым актом, то есть с субъектом речи и субъектом восприятия речи. Соответственно, общее значение шифтеров не может быть определено (в отличие от других компонентов языкового кода) без обязательной ссылки на данное сообщение. Основная функция шифтеров как раз и заключается в конкретизации ситуации языкового общения с ее участниками. Говоря о семиотической специфике шифтеров, Р. Якобсон (вслед за Берксом) приводит еще одно очень важное обстоятельство, которое, как представляется, до сих пор не получило в лингвистике должного внимания, а именно: шифтеры совмещают в себе функции двух типов знаков - символических и индексальных, а потому и относятся к классу "индексных (или индикативных) символов". В частности, знак *я* не может обозначать свой объект, не будучи соотносенным с ним по "условно принятому правилу"..., из чего следует, что *я* - это символ. С другой стороны, "знак *я* не может обозначать свой объект, не находясь с ним в реальной связи: слово *я*, обозначающее говорящего, реально связано с высказыванием и, следовательно, функционирует как индекс" [Якобсон 1972: 97]. Таким образом, личные местоимения, как класс индексальных символов, представляют собой сложную категорию, "лежащую на пересечении кода и сообщения" [Там же: 98].

Анализ словесных знаков, в том числе шифтеров, позволил Р. Якобсону в дальнейшем сделать важный вывод о расплывчатости границ между тремя классическими типами знаков (предложенными в 1867 году Ч. Пирсом), вывод о различной иерархии типов отношений между *signans* и *signatum* в вышеуказанных знаках и, как следствие, - о существовании промежуточных вариантов знаков, таких как символично-иконические, иконическо-символические и т.д. (см. [Якобсон 1985: 322]). Идеи, высказанные Р. Якобсоном относительно шифтеров, ценны для лингвистики, прежде всего, тем, что они позволили углубить представления об эгоцентрическом факторе в языке, расширив дейктическое поле естественного языка, в частности, не только за счет

лексических единиц, но, в том числе, и за счет грамматических категорий, таких, как, например, глагольные категории времени, наклонения, лица и т.д.

Еще более определенно относительно номенклатуры дейктических единиц языка высказывается Э. Бенвенист. Все указатели дейксиса, такие как указательные местоимения, наречия, прилагательные, отражая временные и пространственные отношения вокруг субъекта, находятся, по его мнению, в зависимости от я, высказывающегося в данном акте [Бенвенист 2002: 296]. Подчеркивая особый статус личного местоимения я в системе языка, его отличие от других языковых знаков, он относит его к разряду "пустых" знаков, «свободных от референтной соотнесенности с реальностью, всегда готовых к новому употреблению и становящихся "полными" знаками, как только говорящий принимает их для себя, вводя в протекающий акт речи» [Там же: 288]. Основную функцию этих знаков он видит в том, чтобы способствовать обращению языка в речь. Я, будучи мобильным знаком, присваивается себе говорящим на момент речи. Более того, обозначая себя как я, говорящий таким образом "как бы присваивает себе язык целиком". Забегая немного вперед, скажем, что данная мысль нашла свое развитие в теории дектики, разработанной Ю.С. Степановым.

Э. Бенвенист отделяет я и ты как личные местоимения, ничего не замещающие в речи, от неличного местоимения третьего лица (он), полагая, что последнее является субституирующим элементом для полнозначных слов, прономинальным, то есть обладающим объектной референцией. Рассматривая третье лицо как не-лицо, как противопоставляемое двухчленной парадигме я-ты, он, таким образом, выводит его из категории лица. Иными словами, *лицо* определяется лишь при наличии диалогического условия, ситуации "двусторонней субъективности" [Там же: 294, 300]. Что же касается местоимения я, то (в отличие, например, от имен, которые всегда имеют устойчивую референцию с постоянным и объективным понятием, виртуальным или же актуализированным в речи) "речевые акты употребления я не образуют единого класса референции, так как объекта, определяемого в качестве я, с которым могли бы идентично соотноситься эти акты, не существует. Каждое я имеет свою собственную референцию и соответствует каждый раз единственному индивиду, взятому именно в его единственности" [Там же: 286].

Следует подчеркнуть, что подобная характерная черта местоимения я является, в определенной степени, отражением специфики класса местоимений в целом. В отличие от существительных, прилагательных, глаголов местоимения ничего не именуют, являясь носителями дейктической функции. Как отмечает Н.Ю. Шведова, они лишь "означают смыслы, восходящие к глобальным понятиям материального и духовного мира, углубляют, дифференцируют, сопоставляют и сочленяют эти смыслы". Система местоимений означает и осмысливает общие понятия о "времени, пространстве, живом существе, предмете, явлении, признаке, количестве, способе осуществления чего-нибудь, а также об элементарных связях и отношениях между данностями реального мира и его познания". Все эти общие понятия передаются исходными местоимениями (или местоименными исходами - по терминологии автора), такими как - *кто, что, ней, какой, каков, когда, где, куда, откуда, докуда, сколько, насколько, который* и т.д. При этом смысловыми компонентами структуры категории *кто* являются такие местоимения, как *я, ты, он (она, оно), мы, вы, они, сам (сама, само), сами, себя*. Более того, местоимения, как "арсенал смысловых абстракций", стоят, по ее мнению, над всеми другими классами слов, находясь вне существующей системы частей речи именно в силу того, что вступают в противоречие с частеречной формальной унификацией [Шведова 1998: 7-8, 11, 13].

Рассмотрение местоимений (в том числе и местоимения я) в качестве "пустых" знаков, лишенных лексического значения вне контекста, является далеко не бесспорным, хотя для такой точки зрения, разумеется, существуют веские причины. И они неоднократно приводились в лингвистической литературе по данному вопросу. На три из них, в частности, указывает О.Н. Селиверстова: а) местоимения не характеризуют объект на основании присущих ему свойств; б) местоимения не имеют по-

стоянной денотативной отнесенности, что позволило причислить их к классу шифтеров (О. Есперсен, Р. Якобсон); в) "значение местоимений не исчерпывается характеристикой участника события через его отношение к акту речи или через соотношение с элементами предшествующего или последующего контекста, ...в их значении есть что-то еще, что при этом не удаётся определить" [Селиверстова 1988: 29, 30]. Говоря о наличии значения у местоимений как знаков особого типа, О.Н. Селиверстова подчеркивает, что каждое из них несет свою информацию, не зависящую от контекста. Так, "местоимение я всегда показывает, что актант ситуации представлен как личность, и эта личность тождественна самому говорящему" [Селиверстова 1988: 29, 50, 51, 144].

Небезынтересно отметить, что обращение к такой традиционно нелингвистической категории как личность при описании местоимения я является весьма симптоматичным и свидетельствует о том, что данное местоимение имеет особый, уникальный статус в языке, что к нему не применимы в полной мере классические схемы языкового анализа, выработанные в лингвистике. Уникальность местоимения я заключается, прежде всего, в том, что по своей семантике оно дуалистично, отражая две сущности одной личности - наблюдателя (субъекта восприятия, созерцания) и деятеля (субъекта деятельности, в том числе речемыслительной). Оно не просто стоит над всеми другими классами слов, "находясь вне существующей системы частей речи", а является исходным пунктом ее построения. В диаде я - не-я именно категория не-я представлена дифференцированно, именно в ее сфере находится частеречная система языка.

По мнению Дж. Лайонза, типичная ситуация высказывания эгоцентрична: «по мере того, как роль говорящего в речи переходит от одного участника к другому, переключается "центр" дейктической системы (I "я" используется каждым говорящим для указания на самого себя, а You "ты", "вы" - для указания на слушающего)» [Лайонз 1999: 292]. К этому следует добавить, что эгоцентрична не только ситуация высказывания, но также и сам процесс восприятия этой ситуации. Ориентация лишь на одну фигуру говорящего как на субъекта речи, на его я не дает возможности адекватно интерпретировать речевую ситуацию.

В тех случаях, когда повествование (устное или письменное) идет от лица автора, его я служит объектом восприятия. Воспринимающий может ассоциировать себя с авторским я, а может и не делать этого. Его я совмещается с я автора речи, если их эмпирический опыт близок (и в этом случае авторское я становится уже субъектом восприятия). И, наоборот, идет дистанцирование я воспринимающего от я автора, если повествование по каким-либо причинам не соответствует внутренним установкам первого (тогда авторское я остается объектом восприятия). Иными словами, авторское я из объекта восприятия может стать субъектом восприятия при совмещении с "я" воспринимающего субъекта. Конечно, степень уподобления может быть различной. Между воспринимающим я и авторским я существует некий психологический континуум приближения (или уподобления).

Широкая трактовка языкового эгоцентризма дана в теории дектики, разработанной Ю.С. Степановым. В ней "философия эгоцентрических слов" рассматривается как своеобразное выражение прагматического подхода к языку. Основной упор при этом делается на ведущую роль я говорящего, как исходной точки в анализе речевой ситуации. Критически рассматривая определение прагматики как раздела семиотики, который изучает "отношение использующего знаковую систему к самой знаковой системе", Ю.С. Степанов обращает внимание на то, что отношение говорящего к языковой системе "выражается - в естественном языке - в рамках самой этой системы". Введение термина "дектика" вместо распространенного термина "прагматика" вызвано, по его мнению, необходимостью отразить "отношение языка к говорящему, заключающееся в присвоении себе языка в момент - и на момент - речи" [Степанов 1985: 223-224].

В лингвистической литературе можно встретить мнение о том, что эгоцентрическая теория неадекватно отражает сущность субъективного начала в языке, что первичным прагматическим фактором в формировании языковой картины мира является субъект восприятия, а уже вторичным - субъект речи, при этом субъект восприя-

тия и субъект речи рассматриваются как два взаимосвязанных начала в человеке (в психологическом субъекте) (см., например [Кравченко 1992: 193]). Данная точка зрения заслуживает внимания в контексте познавательной деятельности человека вообще, тем более, что она вполне согласуется с философской традицией. Однако не следует забывать, что теория языкового эгоцентризма изначально формировалась с целью объективного описания "разыгрываемой речевой драмы", ее участников и их ролей - с я, как исходной точкой координат мировосприятия.

Эволюция теории языкового эгоцентризма долгое время шла экстенсивным путем, главным образом, за счет расширения перечня "эгоцентрических" слов, грамматических категорий и исследования их функций в ситуации речевого общения с ее непосредственными участниками. Интересные научные выводы в данной области, как мы полагаем, могут быть сделаны при исследовании другого аспекта я, неразрывно связанного с первым (= субъект речи), а именно - при анализе текстообразующей роли категории субъекта наблюдения/восприятия (то есть читателя, слушателя, не вовлеченного в ситуацию непосредственного общения), при рассмотрении взаимосвязи адресата речи, например, с двумя персонажами - автором и героем повести (или романа). Однако еще более многообещающие теоретические перспективы для рассматриваемой доктрины сулит обращение к изучению я в детской речи, к исследованию когнитивных структур и процессов, включая вопросы концептуализации, категоризации, концептуальной метафоры и т.д., тем более, что по данной тематике в когнитивной лингвистике за последние годы достигнуты впечатляющие результаты.

Восприятие себя как я, как сущности отдельно-самодостаточной, автономной может быть статичным, пассивно-созерцательным и рассматриваться просто как личностное самосознание либо - динамичным, предполагающим самопознание, и определяться в таком случае как личностное самоосознание. Последнее представляет собой длительный процесс. Л.С. Выготский, исследуя вопросы эгоцентрической речи, развитие научных понятий в детском возрасте, приводит в этой связи любопытный пример. «В дошкольном возрасте ребенка спрашивают: "Ты знаешь, как тебя зовут?" Он отвечает "Коля". Он не может осознать, что центр вопроса не в том, как его зовут, а в том, знает ли он, как его зовут, или не знает. Он знает свое имя, но не осознает знания своего имени» [Выготский 1996: 218-219]. Под осознанием Л.С. Выготский понимает акт сознания, предметом которого является сама же деятельность сознания. "В основе осознания, - пишет он, - лежит обобщение собственных психических процессов, приводящих к овладению ими" [Там же: 219]. Не случайно поэтому в отличие от других классов слов местоимение я, как выражающее понятие я, осознается детьми значительно позже, в первую очередь, из-за своей сложной семантической структуры.

Причина неосознанности понятий, по мнению Л.С. Выготского, заключается не в детском эгоцентризме, а в "несистематичности спонтанных понятий, которые необходимо должны быть в силу этого неосознанными и произвольными". Их осознание достигается через образование системы понятий, которая основана на отношениях общности между ними [Там же: 223]. Местоимение я долгое время для детей является "незрелым" словом. Пользуясь терминологией Л.С. Выготского, можно было бы сказать, что лишь постепенное внутреннее развитие его значения приводит к "созреванию" самого этого слова.

Важно отметить, что процесс личностного самоосознания у ребенка является вторичным, производным от формирования концепта объекта (или предметности), того, что принадлежит к сфере, определяемой как *не-я*. Осознание я, то есть рождение понятия я, осознание себя как части единого целого осуществляется опосредовано, через дифференциацию характеристик объекта, постижение его специфики, через концептуализацию и категоризацию непосредственно воспринимаемой окружающей среды.

То, что понятие я, передаваемое местоимением я, в процессе самопознания усваивается детьми не сразу, находит объяснение в том числе и в эволюции ноэтического пространства языков. Анализируя схему членения единой категории номинации, Е.С. Кубрякова подчеркивает, что "вначале было слово", и что это слово, будучи не-

дифференцированным, диффузным именем, обозначало нечто, реферирующее к предметному миру. Лишь постепенно на основе онтологической категории предметности формировалось противопоставление имен и не-имен, предмета и не-предмета, а на основе имени и предмета рождались представления о предметах и именах разных типов [Кубрякова 1997: 265]. Таким образом, именно категория предметности лежит в основе первичной категоризации, способствует созданию в онтогенезе у ребенка первых представлений об окружающей его действительности, именно она инициирует процесс познания, неизбежным результатом которого становится образование системы понятий о мире, включая понятие я. К этому можно добавить, что в становлении последнего в дальнейшем огромную роль играют все виды общностей, в которые входит индивидуум - этническая, языковая, социально-культурная, конфессиональная, государственно-политическая, территориальная. Формируемое подобным образом самосознание, конечно же, приобретает весьма сложный характер и, как отмечает В.Б. Касевич, "любая однолинейная интерпретация, не принимающая во внимание противоречивость самоидентификации по сложнейшему набору объективно плохо противопоставленных признаков, не будет адекватной" [Касевич 1999: 78].

Новый импульс тема языкового эгоцентризма получает в связи с результатами исследований, полученными когнитивной наукой. Вновь на повестку дня ее представителями ставятся извечные вопросы человеческого бытия о природе разума, человеческого я, знании истинном и ложном и, что немаловажно, на них даются ответы, которые по целому ряду позиций идут вразрез с философской традицией. Три основных постулата, выдвигаемых когнитивной наукой, заключаются в том, что а) разум по своей природе имеет телесное воплощение (*is inherently embodied*); б) мышление осуществляется, главным образом, бессознательно; в) абстрактные концепты являются в значительной степени метафорическими (см. также по этому вопросу [Кубрякова 2001]). Комментируя их, основатели когнитивной лингвистики Дж. Лакофф и М. Джонсон подчеркивают, что благодаря этим открытиям философия уже больше не может оставаться прежней [Lakoff, Johnson 1999: 3]. Несомненно, что и для когнитивной лингвистики данные положения могут иметь далеко идущие последствия. Важным представляется то, что данные выводы сделаны не *a priori*, а опираются на прочную базу эмпирических данных. Чтобы понять разум, нерасторжимо связанный с телом, необходимо вникнуть в особенности функционирования сенсомоторной системы человека, нейронных структур мозга, автономно от которых мыслительная способность не существует. Мышление осуществляется, главным образом, на основе прототипов, фреймов, метафор.

Вышеуказанные выводы когнитивной науки, расширяющие теоретические основания когнитивной лингвистики, позволяют по-новому взглянуть на соотношение субъективного и объективного в языке, а также и на проблему языкового эгоцентризма. Критикуя философские теории, заявляющие, что то или иное утверждение может быть признано истинным или ложным объективно, независимо от человеческого понимания, Дж. Лакофф и М. Джонсон, ссылаясь на данные когнитивной науки, наоборот, считают, что истина постигается при помощи "телесно воплощенного понимания и воображения". Это не означает, что истина чисто субъективна или же что не существует "устойчивой истины" - просто последняя опосредована "телесным" фактором. В этом отношении существенным представляется положение о том, что наши концепты не могут быть прямым отражением внешней, объективной реальности, поскольку сенсомоторная система играет решающую роль в их формировании. С другой стороны, именно включенность сенсомоторной системы в концептуальную позволяет последней в значительной степени поддерживать связь с миром [Там же: 6, 40].

В главе, специально посвященной анализу концепта я, Дж. Лакофф и М. Джонсон обращают внимание на то, что основы наших концептуальных систем, образованные благодаря телесному опыту, нейронным структурам мозга, создают ядро нашего я, которое, однако, не является монолитным. Все метафорические концепции внутренней жизни имеют иерархическую структуру, на вершине которой находится общая метафора с концептами "субъекта" и его я (*subject-self metaphor*). Субъект и его одно или не-

сколько я представляют собой два взаимосвязанных аспекта человека. Субъект рассматривается как активное, приобретающее опыт сознание, как вместилище разума, воли, рассудка - как то, что по своей природе существует только в настоящем. Что же касается я (self), то это такая часть человека, которая включает "тело, социальные роли, прошлые состояния и действия в мире". Каждое я осмысливается метафорически и предстает в виде лица, объекта или же обозначает местоположение [Там же: 269].

Опираясь на четыре типа повседневного опыта, включающих а) манипулирование объектами; б) пребывание в пространстве; в) вступление в социальные отношения и г) эмпатическое проецирование, или же проецирование себя на место других, они выделяют в составе вышеназванной общей метафоры ее пять базовых метафор. Первая из них (physical-object self) в соответствии с выполняемой функцией рассматривает я в качестве объекта со всеми присущими ему характеристиками, такими, как контроль над объектом, владение объектом (например, / *lifted my arm. I held my self back from hitting him*). Вторая метафора (locational self) предполагает рассмотрение я в качестве контейнера с субъектом, находящимся в нем или же за его пределами (*I'm beside myself I'm high as a kite. I'm on cloud nine*). Первые две метафоры, как отмечают ученые, основаны на а) корреляции между самоконтролем и контролем над физическими объектами и б) корреляции между чувством контроля и нахождением в своем привычном окружении. Третья метафора (social self) учитывает социальные аспекты отношений (/ *like myself and I like being with myself I need to be a better friend to myself. I convinced myself to stay home. I promised myself a vacation. I let myself down*). Разновидностью вышеуказанной метафоры служит метафора множественности я (multiple selves metaphor), концептуализирующая самые различные ценности человека, как проявление различных я при сохранении за последними определенных социальных ролей в отношении этих ценностей (/ *keep returning to my spiritual self I keep going back and forth between the scientist and the priest in me*). Четвертая метафора основана на эмпатическом проецировании в условиях гипотетической ситуации и встречается в структурах типа *If I were you ...* ('На твоём месте я бы...'). И, наконец, пятая метафора нашего сущностного я (essential self metaphor) предполагает существование двух я. Одно я (истинное, подлинное) полностью совместимо с нашей сущностью и всегда предстает в виде концепта лица (person). Другое я (не истинное, не подлинное) несовместимо с нашей сущностью и рассматривается либо как лицо, либо как контейнер, в котором "укрывается" первое я. Существует три разновидности вышеуказанной метафоры - а) метафора внутреннего я (inner self) (*She's sweet on the outside and mean on the inside. He retreats into his shell to protect himself*); б) метафора внешнего реального я (external real self) (*I'm not myself today I That wasn't the real me yesterday*) и в) метафора истинного я (true self) (*I'm trying to get in touch with myself*) (см. подробнее [Lakoff, Johnson 1999: 267-289]).

Разумеется, выделение вышеназванных метафор спорно. Впрочем, этого не скрывают и сами авторы, подчеркивая противоречивый характер метафор и обращая внимание на то, что в иных культурных традициях их число и номенклатура могут быть иными. Более существенным, однако, представляется другое, а именно то, что когнитивная лингвистика, как неотъемлемый компонент когнитивной науки с ее материалистическим эмпиризмом, сохраняет научную преемственность, включая в круг своих интересов в том числе вопросы языкового эгоцентризма и субъективизма, подчеркивая решающую роль индивидуума, его материально воплощенного разума в формировании значения языковых знаков.

Изучение языкового эгоцентризма, как устойчивого ядра антропоцентризма в языке, получает, таким образом, новый стимулирующий импульс. Существенным представляется то, что данная теория, от анализа незначительного числа языковых единиц, непосредственно указывающих на субъекта речи, в сферу своего влияния вовлекает все большее их число, расширяя, тем самым, эгоцентрическое пространство языка. "Эгоцентрическое" видение языка естественным образом вытекает из антропоцентрического, являясь логическим развитием последнего. Это и понятно: ведь, по сути дела, человек - это его я. Возникновение учения о языковом эгоцентризме и его

эволюция в настоящее время (особенно в русле когнитивно-дискурсивного направления в языкознании, являющегося по своей сути эгоцентрическим) есть факт весьма примечательный. Он свидетельствует о том, что понятия субъективного фактора, фактора человека в языке углубляются за счет обращения к исследованию вопросов, составляющих основу личностного самосознания и самоосознания человека, его *я*, того, как последнее отражается в языке. Рассмотрение проблемы языкового эгоцентризма в когнитивно-дискурсивном ракурсе выводит нас на новый уровень изучения когнитивно-функциональных, лингво-креативных аспектов *я* в лексике, грамматике, дискурсивной деятельности, позволяет с иных, нетрадиционных теоретических позиций взглянуть в том числе и на вопросы интроспекции, интенциональности в языке.

Со значительной долей уверенности можно сказать, что эгоцентрический подход с его базисным принципом *ego, hic et nunc*, опирающийся на нерасторжимое единство двух основополагающих начал *я* в человеке - субъекта восприятия (наблюдателя) и субъекта речевой деятельности - имеет все основания стать ведущим в практике лингвистических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1997 - Ю.Д. *Апресян*. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 35. М., 1997.
- Бенвенист 2002 - Э. *Бенвенист*. Общая лингвистика. М., 2002.
- Берестнев 2000 - Г.И. *Берестнев*. Самосознание личности в зеркале языка: Автореф. ... дис. докт. филол. наук. М., 2000.
- Бюлер 1993 - К. *Бюлер*. Теория языка. Репрезентативная функция. М., 1993.
- Выготский 1996 - Л.С. *Выготский*. Мышление и речь. М., 1996.
- Гумбольдт 1984 - В. *Гумбольдт*. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. М., 1984.
- Касевич 1999 - В.Б. *Касевич*. Язык, этнос и самосознание // Язык и речевая деятельность. Т. 2. СПб., 1999.
- Кравченко 1992 - А.В. *Кравченко*. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейкитичность. Индексальность. Иркутск, 1992.
- Кубрякова 1995 - Е.С. *Кубрякова*. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
- Кубрякова 1997 - Е.С. *Кубрякова*. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
- Кубрякова 2001 - Е.С. *Кубрякова*. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // ВФ. 2001. № 1.
- Лайонз 1999 - Д. *Лайонз*. Введение в теоретическую лингвистику. Благовещенск, 1999.
- Павиленис 1983 - Р.И. *Павиленис*. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.
- Радхакришнан 1994 - С. *Радхакришнан*. Индийская философия: В 2-х томах. СПб., 1994.
- Рассел 2000 - Б. *Рассел*. Человеческое познание: его сфера и границы. М., 2000.
- Селиверстова 1988 - О.Н. *Селиверстова*. Местоимения в языке и речи. М., 1988.
- Солсо 1996 - Р. *Солсо*. Когнитивная психология. М., 1996.
- Степанов 1985 - Ю.С. *Степанов*. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
- Степанов 2002 - Ю.С. *Степанов*. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. Вступительная статья к книге Э. Бенвениста "Общая лингвистика". М., 2002.
- Шведова 1998 - Н.Ю. *Шведова*. Местоимение и смысл. М., 1998.
- Якобсон 1972 - Р. *Якобсон*. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Якобсон 1985 - Р. *Якобсон*. Избранные работы. М., 1985.
- Biber 2000 - D. *Biber et al.* Longman grammar of spoken and written English. London, 2000.
- Crystal 2001 - D. *Crystal*. The Cambridge encyclopedia of the English language. Cambridge, 2001.
- Langacker 1991 - R.W. *Langacker*. Concept, image, and symbol: the cognitive basis of grammar. Berlin; New York, 1991.
- Lakoff, Johnson 1999 - G. *Lakoff, M. Johnson*. Philosophy in the flesh. The embodied mind and its challenge to western thought. New York, 1999.

© 2004 г. О.Ю. БОГУСЛАВСКАЯ, И.Б. ЛЕВОНТИНА

СМЫСЛЫ 'ПРИЧИНА' И 'ЦЕЛЬ' В ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ*

0. ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ

Смыслы, вынесенные в заглавие статьи, входят в толкование множества слов естественного языка. В данной работе мы затронем только те языковые единицы, в толковании которых эти понятия занимают центральное место.

Причинно-следственная и целевая лексика чрезвычайно важна для языка, однако ее исследование сталкивается с целым рядом трудностей.

Во-первых, некоторые из основных слов этой группы близки к логическим понятиям, и часто бывает трудно разграничить логический смысл (например, 'импликация') и значение отдельных лексем естественного языка. Более того, многие слова этого поля используются в научном языке в терминологическом значении. Так, из пары логических терминов *посылка - следствие*, первый в бытовом языке не употребляется, а второй используется во всех речевых жанрах.

Во-вторых, описываемые слова близки к примитивам, что вызывает трудности метаязыкового характера: в языке нет более простых слов для объяснения данных. Слова типа *импликация* и *каузация*, даже если они семантически проще слов естественного языка, не могут быть использованы для толкования последних. В Московской семантической школе в качестве метаязыка используется не искусственный язык, а "определенным образом сокращенный и унифицированный подъязык языка-объекта, то есть реально существующие слова и синтаксические конструкции в их обычных значениях" [Апресян 1995: 468]. Непонятное должно быть объяснено через более понятное - словами, которые знакомы с детства большинству носителей языка. При всех различиях между Московской и Польской семантическими школами, в этом вопросе они сходятся (см. об этом [Апресян 1995: 476-482; Вежицкая 1999б: 171-175]).

Отображая причинно-следственные отношения, язык обращает большее внимание на первый член этой пары. Помимо существительных *причина, повод, основание, мотив*¹ и др. и глаголов *вызывать, порождать, причинять* и т.п., в

* В статье обобщаются результаты работы авторов над синонимическими рядами причинных и целевых слов для Нового объяснительного словаря синонимов русского языка. Эти словарные описания обсуждались на рабочих семинарах Отдела теоретической семантики Института русского языка РАН под руководством Ю.Д. Апресяна. Авторы благодарят руководителя семинара и всех его участников за ценные замечания, высказанные при обсуждении. Особую благодарность авторы хотели бы выразить Ю.Д. Апресяну, плодотворная полемика с которым позволила уточнить многие положения статьи.

Работа выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических исследований РАН "История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте", раздел 4.15 "Системообразующие смыслы в русском языке", а также при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант 02-04-00306а и гранта Президента РФ на поддержку ведущих научных школ № НШ-1576.2003.6.

¹ См. описание синонимических рядов ПРЕДЛОГ¹, ПОВОД² и ПРИЧИНА 2, ОСНОВАНИЕ 5, РЕЗОН 1, составленных О.Ю. Богуславской, в [Апресян и др. 2003] и статью [Богуславская, в печати].

русском языке имеется большое количество причинных союзов (*потому что, так как, ибо и др.*) и особенно причинных предлогов (*из-за, из, от, по, с, за, благодаря, по причине, вследствие, в результате, ввиду, в силу*). В языке есть очень употребительное вопросительное слово, позволяющее задать вопрос о причине: *Почему!*

Фрагмент лексики, манифестирующий второй член этой пары, гораздо беднее; ср. хотя бы единственный союз со значением следствия *так что*. В русском языке нет и соответствующего вопросительного слова. Чтобы задать вопрос о следствии, придется сформулировать его примерно так: *Ну и что из этого?* Существительных такого рода, тем не менее, довольно много. Это не только слова *следствие* и его синоним *последствие*, но и целая группа слов, выражающая концепт 'результат': *результат, итог, плод, исход, продукт, эффект*³.

Целевая лексика представлена существительным *цель* (а также такими близкими к нему по смыслу существительными, как *намерение, замысел, план* и т. д.), глаголами *собираться, намереваться, планировать*, прилагательным *намерен*, предлогами *для (ради)* и т. д.), союзом *чтобы* и наречиями *намеренно, нарочно, умышленно* и т.д.⁴ В языке существует и очень употребительное вопросительное слово, позволяющее задать вопрос о цели: *Зачем?*

Два одинаково важных для человека и языка понятия, 'причина' и 'цель', с точки зрения теоретической семантики, отличаются друг от друга тем, что в то время как концепт 'цель' - толкуемое понятие, 'причина' - нетолкуемое, и вопрос только в том, какую именно из множества лексических манифестаций этого концепта стоит выбрать на роль примитива. Цель толкуется как раз через причину, но с другой стороны, при описании причинной лексики, как оказалось, мы не можем обойтись без обращения к ситуации целеполагания.

1. 'ПРИЧИНА' И 'ЦЕЛЬ'

1.1. Понятие цели

Понятие цели и его выражение в языке подробно обсуждалось в лингвистике; см. об этом [Grochowski 1980, Левонтина 19966]. В настоящей работе берется за основу интерпретация понятия цели, принятая в московской семантической школе. В 1964 г. было сформулировано известное толкование А.К. Жолковского "Р - цель лица Л, если Л считает (= исходит из того), что есть один или несколько "путей" (= способов) к Р, полностью состоящих из тех предметов и действий (= ресурсов), которые зависят от (- которыми располагает) А; если один из них (= план) Л предпочитает остальным и если Л предпочитает расстаться с составляющими его ресурсами, нежели не достичь Р; к этому добавляется формулировка принципов целесообразного поведения" [Жолковский 1964: 69]. Следом за ним Ю.Д. Апресян предложил семантически более прозрачную формулировку: "цель - это то, что некто хочет (содержание чьего-л. желания) и считает, что может каузировать (результат каузации) с помощью имеющихся в его распоряжении ресурсов" [Апресян 1974: 129].

Как видно из приведенных толкований, 'цель' - сложный смысл, включающий четыре фундаментальных компонента, которые признаются (с разной степенью единодушия) семантическими примитивами: 'хотеть', 'считать', 'каузировать' и 'мочь'. Мы

² См. описание синонимического ряда с доминантой ИЗ-ЗА 4, составленное И.Б. Левонтиной, в [Апресян и др. 1997].

³ См. синонимические ряды СЛЕДСТВИЕ¹, ПОСЛЕДСТВИЕ, и РЕЗУЛЬТАТ 1, ИТОГ 2, ПЛОД 3, ИСХОД 1, написанные авторами, в [Апресян и др. 2003], а также работы [Богуславская, Левонтина 2001; 2002].

⁴ См. синонимические ряды И.Б. Левонтиной с доминантами ДЛЯ 1, ДЛЯ 2.1., ДЛЯ 2.2., НАЗНАЧЕНИЕ 2, НАМЕРЕНИЕ, НАМЕРЕННО, НЕВОЛЬНО, СОБИРАТЬСЯ 2 в [Апресян и др. 1997].

используем метаслово *каузировать*, следуя приведенной цитате. Вопрос о том, какое слово следует выбрать в качестве ярлыка для обозначения смысла 'причина', мы рассмотрим ниже отдельно.

Смысл 'цель' обладает, на наш взгляд, следующей важной особенностью. Хотя он и разложим на семантические компоненты, но сочетание их в такой комбинации настолько часто встречается в языке и имеет настолько принципиальное значение, что можно говорить о своего рода смысловом блоке 'хочу - считаю, что могу, - сделаю', компоненты в котором спаяны воедино. Это представление о мыслительно-волевом сплаве придает своеобразную окраску многим целевым словам. По-видимому, именно это обстоятельство дает Анне А. Зализняк основание видеть в их значении некоторый "неанализируемый остаток", который предлагается считать "семантически элементарным" [Зализняк Анна А. 1992а: 139].

Обратим внимание на то, что в понятие цели идея причины входит дважды: при целенаправленной деятельности, с одной стороны, человек готов совершить определенные действия, **потому что** считает, что они приведут к желаемому результату, с другой стороны, желаемый результат достигается, **потому что** совершаются определенные действия.

Хорошо известно, что *цель* отличается от *мечты* "наличием реальных путей к ее осуществлению" [Жолковский 1964: 70]. Однако между *целью* и *мечтой* есть еще одно существенное различие. *Мечта* ~ это прежде всего нечто, что у человека в душе, некоторый образ желаемого, который человек *лелеет*. *Цель* - это в первую очередь некоторая внешняя по отношению к человеку ситуация, которую он хочет каузировать. Поэтому к *цели стремятся* и ее *достигают*; ср. [Радзиевская 1992: 32]. Вряд ли можно сказать **Он достиг своей мечты*. Возможно, хотя и не очень характерно *Он лелеет свою цель; В глубине души у него всегда была тайная цель стать начальником*. Значит, слово *цель* не только обозначает некоторую желательную ситуацию, но и может использоваться для указания на образ этой ситуации, который есть у человека.

1.2. Соотношение смыслов 'причина' и 'цель'

Сам по себе вопрос о соотношении причины и цели достаточно сложен. В работе Е.В. Рахилиной говорится, что *зачем* и *почему*, в сущности: (квази)синонимы и различаются только исходным предположением вопроса. "Если (при условии, что к данному предикату возможны оба типа вопросов) задан вопрос со словом *зачем*, то слушающий понимает, что ситуация представляется говорящему управляемой. Напротив, если при тех же условиях из двух вариантов вопроса об оправдании выбран вариант с *почему*, то слушающий понимает, что говорящий оценивает ситуацию как неуправляемую (ср. противопоставления типа: *Почему вы смеетесь?* τ *Зачем вы смеетесь?*; *Почему вы так громко говорите?* - *Зачем вы так громко говорите?*)" ([Рахилина 1989: 51].

Такая интерпретация не объясняет, однако, противопоставлений типа: *Почему ты так поступил?* - *Зачем ты так поступил?* Они явным образом не могут различаться представлением об управляемости: *поступить* не может указывать на неконтролируемое действие. Просто спрашивающего интересуют в этих случаях разные вещи. В случае с *почему* ожидается ретроспективное объяснение, так сказать, историческое: из каких составляющих сложилась эта ситуация, какие этапы к ней привели - важно, в какой степени субъект контролировал ситуацию на каждом этапе пути. А в случае с *зачем* ожидается проспективное и идеальное объяснение: поступок сам рассматривается как часть пути к какой-то предвосхищаемой ситуации, и спрашивающий хочет установить его место. См. об этом подробнее в [Левонтина 1996а].

Итак, 'цель' толкуется через 'причину'. Но оказалось, что при описании причинной лексики, мы в целом ряде случаев не можем обойтись без обращения к ситуации целеполагания.

Сначала рассмотрим этот тезис на примере толкования слова *следствие* [Богуславская, Левонтина 2001]. При этом нужно иметь в виду, что это толкование долж-

но дать возможность отличать его смысл от смысла слова *результат*. В словарях *результат* и *следствие* часто толкуются друг через друга. Между тем это явно не одно и то же. Однако определить различие между этими двумя концептами не так просто. *Результат* и *следствие* взаимозаменяемы в огромном числе контекстов типа *Наводнение - результат <следствие> быстрого таяния снегов*. Чем же они отличаются? Основное, хотя далеко не единственное, различие между словами *следствие* и *результат* лежит в области целеполагания. Слова *следствие* и *последствие* связываются прежде всего с описанием процессов, которые не поддаются контролю со стороны субъекта. В прототипическом случае они используются применительно к природным явлениям; ср. *Последствия землетрясения были катастрофически*. Когда эти слова относятся к человеческой деятельности, они указывают на то, что субъект не контролирует или не полностью контролирует ситуацию. Поэтому приемлемо *Эта трещина - следствие недобросовестной работы строителей*, но плохо **Новая клумба - следствие наших совместных усилий*; **Ее неотразимость - следствие работы бригады визажистов*.

В отличие от этих слов, слово *результат* ориентировано в первую очередь на описание целенаправленной деятельности человека. Ср. правильное *Новая клумба - результат наших совместных усилий* и *Ее неотразимость - результат работы бригады визажистов*. Тем не менее, слово *результат* свободно используется и тогда, когда речь идет о ситуациях, не контролируемых человеком, в том числе о природных процессах. Ср. *Капитан Горталов — доказывал редактору, что протуберанцы являются результатом падения твердых тел на солнце и расплескивания его массы* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

Это фундаментальное различие должно найти свое отражение в толкованиях слов *результат* и *следствие*. Мы не можем, однако, в каком-либо виде вводить идею целеполагания в толкование слова *результат*, потому что такое толкование противоречило бы реальным употреблением этого слова. Напротив того, в толковании слова *следствие* уместно указать на отсутствие целеполагания. В этом случае толкование будет объяснять неправильность примеров типа **Ее неотразимость - следствие работы визажистов*.

Таким образом, создается парадоксальная ситуация. Как было сказано выше, результат в прототипическом случае связан с целенаправленной деятельностью. Поэтому казалось бы, что толкование слова *результат*, ориентированного в прототипическом случае на целенаправленную деятельность, должно быть более сложным, чем у *следствия*, которое с целенаправленной деятельностью не связано. Между тем, дело обстоит как раз наоборот.

Слова, выражающие концепты 'результат' и 'следствие' (*результат, итог, исход, плод; следствие, последствие*) должны получить толкования следующего типа:

X-результат Y-a = 'ситуация или объект X имеет место в момент времени T, потому что до T имела место ситуация Y или какая-то ее фаза'.

X - следствие <последствие> Y-a = 'X имеет место, потому что имеет или ранее имела место ситуация Y; причем, если у ситуации Y есть субъект, то X не является его целью'.

Отношение к идее целенаправленности - это важнейший признак, который различает слова русского языка, описывающие причинно-следственные отношения. Для слов *причина* и *из-за* характерно наличие такого же ограничения, как и для слова *следствие*. Ср. неудачные высказывания *^Причина ее неотразимости - работа визажистов*; **Она столь неотразима из-за работы визажистов* (к причинным предлогам мы вернемся ниже).

Свободен от этого ограничения причинный союз *потому что*; ср. *Она столь неотразима, потому что над ней поработали визажисты*. Поэтому никак нельзя считать, что слова *причина* и *потому что* различаются только синтаксически. Если значение потому что близко к общенаучному понятию причины, то само русское слово *причина* отягощено дополнительным смысловым компонентом - 'отсутствие целенаправленности'.

Здесь необходимо сделать одно уточнение. То, что данный смысловой компонент входит в значение слова *причина*, доказывается неправильностью или сомнительностью фраз типа *^Причина ее неотразимости - работа визажистов; ^Причиной его победы был удачный выбор оружия; ^Фильтр хорошо работает по той причине, что мы регулярно меняем в нем картриджи.*

Существует, однако, ряд контекстов, в которых это ограничение ослабляется. Это рассуждения о причинах вообще, где слово *причина* чаще всего выступает в родовом статусе, и некоторые другие; ср. *Все имеет свои причины; Причина всегда предшествует следствию.* Кроме того, это ограничение всегда несколько ослабляется при употреблении слова *причина* во множественном числе. Форма *причины* допускает, что некоторые из подразумеваемых причин представляют собой целенаправленные действия. Например, тема лекции или экзаменационный вопрос могут звучать так: *Причины победы Советского Союза в Великой Отечественной войне,* и такая формулировка не исключает из числа причин успешные действия тех или иных людей. При этом неприемлемо: *^Причиной победы было умелое руководство.* Именно на такое, предикатное, употребление слова *причина* имеет смысл ориентировать толкование, поскольку идея причины в первую очередь связана с отношением между ситуациями, а значит, прототипическими для него нужно считать высказывания вида *X - причина Y-а.* В этом случае слово *причина* получит толкование, конверсное по отношению к предложенному выше толкованию слова *следствие:*

X-причина Y-а = T имеет место, потому что имеет или ранее имела место ситуация *X*; причем, если у ситуации *X* есть субъект, то *Y* не является его целью'.

Как видно из толкования, слово *причина* истолковано здесь через *потому что*, но его смысл не исчерпывается смыслом 'потому что'.

Такое соотношение между союзом и существительным *с*, казалось бы, тождественными значениями не уникально. Здесь можно провести параллель между словом *цель* и целевым союзом *чтобы*, которые различаются по признаку **активности**.

О цели говорят тогда, когда человек что-то делает, потому что хочет, чтобы какое-то положение дел начало иметь место. Но в жизни едва ли не чаще встречаются случаи, когда мы не **делаем** чего-то, что могли бы сделать, потому что **не хотим**, чтобы какое-то положение дел начало иметь место: "У действия есть "пассивный" аналог, который обычно называют *воздержанием*. Поскольку воздержание - это интенциональная пассивность, его можно отличать от простой пассивности, не-действия. Путем воздержания нельзя непосредственно что-то произвести или помешать чему-то произойти, но можно *допустить* изменение или *оставить* нечто неизменным" [Вригт 1986: 123]. И далее: "Воздержание от действия является недействием, и тем не менее оно в то же время является "образом действия и поведения". Это то, за что агент может быть ответственным" (с. 258).

Различает ли язык, а именно целевые слова, ситуации действия и воздержания от действия? Это можно установить, проанализировав, как эти слова сочетаются с глаголами с отрицанием (то есть, могут ли они или сочетания с ними замещать целевую валентность при "отрицательных формах"). Кроме того, очень показательными здесь будут контексты таких глаголов, которые имеют внутреннее отрицание, входящее в их смысл. Это, например, следующие глаголы: *молчать, избегать, игнорировать, пропускать мимо ушей, воздерживаться, самоустраняться, умывать руки, попустительствовать, допускать, бездействовать* и др.

Оказывается, что целевые слова в указанном отношении сильно отличаются друг от друга. Некоторые из них связываются почти исключительно или в первую очередь с активными действиями, другие свободно употребляются в контексте не-действий⁵.

⁵ Мы предпочитаем использовать также существующий термин не-действие (ср., например [Всеволодова, Яценко 1988]), так как в словах *воздержание, воздержаться* есть идея волевого усилия, которое роднит *воздержание* с действием.

По указанному параметру различаются некоторые синонимичные целевые слова. Сравним, например, предлоги *для* и *ради* в собственно целевом значении. Предлог *для* связывается с представлением об активных целенаправленных действиях, он не сочетается с контекстами не-действия, воздержания от действия, в частности, он практически несовместим с глаголами с отрицанием, ср. неправильное **Для этого я не высказываю свое мнение кизбегаю конфликтов*>. В отличие от *для*, *ради* свободно сочетается с контекстами не-действия, в частности, с глаголами с отрицанием; ср. *Ради этого я молчу* <не говорю всей правды, избегаю стычек>.

Можно привести и другие целевые предлоги, противопоставленные по данному признаку: например, *с целью* и *в целях*. Предлог *с целью*, подобно *для*, предполагает активность; ср. невозможное **Он молчит* <ничего не говорит> *с целью сохранения инкогнито*. А предлог *в целях* в этом отношении сближается с *ради*, поскольку не обязательно связывается с активными действиями; ср. нормальное *Решено воздержаться от наступления* <не предпринимать решительных действий> *в целях сохранения живой силы и техники*.

Рассмотрим, как соотносятся с точки зрения этого признака слово *цель* и союз *чтобы*. Само слово *цель* плохо совместимо с идеей пассивности. Ср. неправильное **В чем цель вашего молчания* <бездействия, неучастия, невмешательства, попустительства>; **С какой целью ты избегаешь полемики* <уклоняешься от ответа, не обращаешь внимания на замечания>?

Обратимся теперь к целевому союзу *чтобы*. Для него запрета на подобные контексты не существует; ср. нормальные фразы *Я избегаю полемики* <игнорирую его шуточки>, *чтобы сохранить нормальные отношения* <не накалять обстановку>. *Он не стал покупать обратный билет, чтобы иметь возможность вернуться в любой день*. Таким образом, союз *чтобы* абсолютно безразличен к активности или пассивности субъекта.

Можно утверждать, таким образом, что союз *чтобы* имеет более широкое значение, а существительное *цель*, имеющее более узкое значение, описывает прототипический случай целеполагания, а именно ситуацию активных действий субъекта.

Итак, и в области целевой лексики, и в области причинной, а возможно, и в некоторых других случаях (например, в случае условия), возникает следующее противоречие: союзы, имеющие более абстрактное значение, могут быть использованы для описания любых ситуаций, между которыми имеет место определенный тип связи. А когда для выражения соответствующего концепта используется существительное, оно описывает только прототипическую для данного смысла ситуацию. В союзе соответствующий смысл представлен в более чистом виде, без лишних ограничений, а в существительном - более ярко. Это противоречие осложняет выбор единицы на роль семантического примитива.

2. ПРОБЛЕМА ПРИМИТИВА

Одной из самых актуальных проблем современной семантики является проблема выбора элементарных неразложимых смыслов и семантически элементарных единиц языка метаописания. Эти элементарные единицы, или примитивы, трактуются разными лингвистами по-разному. Мы используем этот термин так, как он понимается в Московской семантической школе: под семантическими примитивами понимаются "неопределяемые слова, не допускающие дальнейшей семантической редукции" [Апресян 1995: 468]⁶.

⁶ Подчеркнем, что для Московской семантической школы примитивы - это слова естественного языка, при этом к ним не предъявляется требование универсальности. В Польской семантической школе, напротив, под семантическими примитивами понимаются универсальные смысловые элементы.

Применительно к целевым словам проблема выбора примитива, как было показано выше, не возникает, поскольку их смысл не элементарен. Однако применительно к причинным словам вопрос о выборе основного ярлыка принципиально важен.

Можно выделить четыре основных кандидата на эту роль, которые в разное время так или иначе использовались в лингвистических работах при описании причинно-следственных отношений. Интересно при этом, что все эти единицы принадлежат к разным частям речи:

- 1) глагольный вариант типа *каузировать*;
- 2) предлог *из-за*;
- 3) существительное *причина*;
- 4) союз *потому что*.

Л.Н. Иорданская и И.А. Мельчук в работе [Иорданская, Мельчук 1996] предлагают считать неопределяемым понятием смысл *каузировать*, противопоставляя каузацию воздействием и каузацию без уточнения ее природы (с. 164). Появление искусственного слова *каузировать* не случайно. В естественном русском языке имеется целый ряд лексико-функциональных глаголов, которые выражают тот же самый концепт: *порождать 2 (породить), рожждать 2 (породить), вызывать 3 (вызвать), обуславливать 2 (обусловить), обуславливать 2, влечь 2, вести 7 (привести), приводить 7*. Однако все они имеют ограниченную сочетаемость, семантически слабо мотивированную, и ни в одном из них нужное значение не представлено достаточно ярко. Поэтому их использование в толкованиях других единиц весьма проблематично. Тем не менее, и использование фиктивной единицы для нас неприемлемо, так как это противоречило бы принципам Московской семантической школы.

В работе [Вежбицкая 1999а: 683-684] приводится список семантических примитивов, среди которых упоминается, в частности, единица *because/because of*, которая в русском переводе выглядит как *потому что/из-за*. Обратим, однако, внимание на то, что английский союз и предлог семантически гораздо ближе друг к другу, чем русские *потому что* и *из-за*, поскольку, как уже было сказано, русское *из-за* содержит дополнительный семантический компонент 'следствие является незапланированным и скорее нежелательным'. Ср. неправильное **Он поступил в институт из-за того, что много занимался при нормальном Он провалился на экзаменах из-за того, что мало занимался*. Союз *потому что* одинаково приемлем в обоих контекстах.

Как было показано выше, в этом отношении отличается от *потому что* и существительное *причина*. Последнее также небезразлично к целенаправленности, в то время как *потому что* поднимается на более высокий уровень абстракции. Ср. *Результат оказался столь впечатляющим, потому что были использованы передовые технологии; "Причина столь впечатляющего результата - использование передовых технологий*. По-видимому, авторов уже упоминавшейся статьи [Иорданская, Мельчук 1996] слово *причина* не устраивает в качестве основного ярлыка именно из-за относительной узости значения.

Итак, для выбора примитива важно решить, что является более важным: большая яркость смысла (существительное) или более чистое и широкое значение (союз). Вполне вероятно, что для разных исследовательских задач предпочтительными окажутся разные решения. Кроме того, использование *потому что* в качестве примитива в толкованиях различных языковых единиц не исключает употребления существительного *причина* в качестве ярлыка для того же смысла в лингвистических рассуждениях. Эта ситуация аналогична соотношению между примитивом **хотеть*' и существительным *желание*, которое не вполне тождественно по смыслу глаголу *хотеть*, однако для удобства часто используется в качестве ярлыка для этого же самого смысла.

Конечно, удобно иметь в качестве основного ярлыка существительное, а не служебную часть речи. Однако необходимо учитывать, что придающие существительным яркость и индивидуальность ограничения во многих производных словах не

нужны, а там, где они нужны, их лучше представить эксплицитно в виде отдельного смыслового компонента.

Другое обстоятельство, которое стоит учесть, состоит в том, что чисто синтаксически союзы предполагают пропозициональное представление ситуаций, которое является прототипическим. А предлоги и существительные требуют номинализации, которая всегда несколько обедняет описание ситуации.

Дополнительным аргументом в пользу выбора на роль примитива союза *потому что* может служить тот факт, что существительное *причина* в русском языке многозначно, причем разграничение разных лексем внутри этой вокабулы неочевидно. Рассмотрим структуру многозначности слова *причина*.

3. МНОГОЗНАЧНОСТЬ СЛОВА ПРИЧИНА⁷

3.1. Семантические различия

Обычно трудности с разделением на значения возникают там, где существующие словари делают это непоследовательно или вообще неудовлетворительно. В данном случае - ситуация иная. И МАС [МАС 1981], и словарь Ушакова [СУ 1939] выделяют у существительного *причина* по крайней мере два значения, давая первому, основному, значению аналитическое толкование, а второе значение толкуя через близкие понятия - синонимы и аналоги. Ср. несколько модифицированное толкования из [МАС 1981]:

1. Явление, обстоятельство, непосредственно порождающее, обуславливающее другое явление - следствие. *Нет действия без причины. - Есть смерть, значит, есть и причина* (Чехов).
2. Основание, предлог для каких-либо действий, поступков. *Смеяться без причины.*

Необходимо уточнить, какое концептуальное противопоставление стоит за этим лексикографическим решением, и обосновать его.

Причина 1 представлена в следующих примерах.

Вы знаете, если установить причины циклонов и антициклонов, которые возникают в Арктике, — тогда можно сказать, что вопрос о предсказании погоды почти решен (Б. Пильняк. Заволочье).

По той же причине - сильный жар и головная боль - я плохо помню, что я делал на Сухаревке (В. Каверин. Два капитана).

Причина войны - стремление метрополии сохранить свои колонии.

Именно эта лексема является конверсивом к слову *следствие*. Ее толкование было приведено выше в п. 1.2.

Лексема *причина 2* представлена в следующей группе примеров.

У него была причина обидеться и уйти, но он решил этого не делать.

У них могли быть какие-то свои причины для убийства Вонифатьевых (Б. Акунин. Пелагия и белый бульдог).

И тут же я подивился: какая пустяковая, ничтожная причина может иногда заставить женщину солгать (А. Аверченко. Ложь).

Причина 1 указывает на то, что производная ситуация реализуется всегда, когда имеет место исходная ситуация, в этом смысле она **фактивна**. *Причина 1* не может быть оценена как достаточная или недостаточная. Если некоторая исходная ситуация сама по себе не порождает производной ситуации, следствия, то мы употребляем слово *предпосылка*. Ср. *Формирование - единой околопланетной информационной и энергопромышленной инфраструктуры, включая Луну, создает предпосылки для*

⁷ О многозначности слова *причина* см. подробнее в [Богуславская 2003].

постепенного овладения потоками энергии, близкими к тому, что приходят на Землю от Солнца (Уппсальский корпус).

Если несколько исходных ситуаций в совокупности порождают производную ситуацию, то мы употребляем форму множественного числа; ср. *Одна из причин*.

Лексема *причина 2* указывает на то, что производная ситуация реализуется не всегда, когда имеет место исходная ситуация, а в зависимости от воли субъекта производной ситуации. Исходная ситуация воздействует на субъекта таким образом, что для него естественно сделать что-то, оказаться в некотором состоянии или испытать определенную эмоцию, но субъект сам принимает решение. Субъект может хотя бы теоретически отказаться от действия, преодолеть навязываемое ему извне внутренне состояние, не поддаваться эмоции. В этом смысле *причина 2* нефактивна и **субъективна**.

В качестве производной ситуации при лексеме *причина 2* могут выступать целенаправленные действия субъекта или же некоторые состояния. Она совместима лишь с обозначениями таких состояний, в которых достаточно велика роль воли и разума. *Страх, беспокойство* человек в какой-то степени контролирует, а *ужас* и *страсть*, над которыми человек не властен, неуместны в контексте этой лексемы, во всяком случае тогда, когда эти слова выступают в своих основных, не ослабленных употреблениях. Поэтому приемлемы примеры типа *У него есть причины для гордости <ревности, уважения>*, но хуже *У него есть причины для ярости <страсти>*.

Показательна в этом смысле возможность употребления в контексте лексемы *причина 2* слова *паника*, в своем прямом значении обозначающем неконтролируемое разумом состояние, но допускающем и ослабленное употребление; ср. распространенный призыв *Граждане, успокойтесь! Никаких причин для паники нет!*

Итак, можно предложить следующее толкование для лексемы *причина 2*:

Для X-а Р является причиной для Q = 'Говорящий или человек X понимает, что существование ситуации Р может быть причиной 1 того, что субъект X делает или испытывает Q, или хочет делать Q'.

3.2. Состав и способ выражения валентностей

Субъективность лексемы *причина 2* по сравнению с *причина 1* проявляется в составе их валентностей. Лексема *причина 7*, указывающая на прямую связь между двумя ситуациями, имеет две валентности, валентность исходной ситуации и валентность производной ситуации. Валентность производной ситуации выражается существительным в родительном падеже (*причина смерти, причина землетрясения*).

У лексемы *причина 2* - три валентности: валентности исходной и производной ситуаций и валентность субъекта.

Валентность субъекта при этом слове не может быть выражена непосредственным синтаксическим зависимым, но может выражаться предложно-именной группой у + РОД, подчиненной лексико-функциональному глаголу.

У домашних тоже были причины - у каждого своя, относиться к новорожденному более внимательно, чем к его двухлетнему брату Дмитрию (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

Валентность производной ситуации при лексеме *причина 2* может быть выражена несколькими способами. Во-первых, как и в случае лексемы *причина 7*, валентность производной ситуации может быть выражена существительным в родительном падеже,

Я совершенно не понимаю - причин такого резкого обращения со мной (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Валентность производной ситуации при лексеме *причина 2* может быть также выражена инфинитивом, придаточным предложением, вводимым союзом *чтобы*, а также предложно-именными группами *для* + РОД и *к* + ДАТ. Эти способы выражения валентности возможны только тогда, когда *причина 2* подчинена лексико-функ-

циональным глаголам типа *быть* (в экзистенциальном значении или в функции связки), *иметь, давать, видеть, послужить, найти, найтись*.

Если у тебя есть серьезные причины остаться у себя, хотя на Сивцевом вам будет в тысячу раз удобнее, ты должен ей сказать, и баста (В. Каверин. Два капитана).

Она распущена и ленива - вот причина, чтобы избегать ее.

Это еще не причина для разговоров о смерти и тому подобном (А. и Б. Стругацкие. Улитка на склоне).

Кроме того, эта валентность может выражаться группой *на + ВИН* (где позицию имени занимают анафорические местоимения *это* или *то*, или же кванторное слово, подчиненной лексико-функциональным глаголам.

На это есть причина.

На все есть свои причины.

Мы с Гречанником невзлюбили друг друга еще в университете без особых к тому внешних причин (Ф. Незнанский. Операция "Фауст").

Во всех этих конструкциях лексема *причина 1*, указывающая на объективную причину возникновения ситуации безотносительно к какому бы то ни было субъекту, невозможна. Примечательна в этом отношении контрастная пара: уже упоминавшийся пример *Причина войны - стремление метрополии сохранить свои колонии* и следующее высказывание Е. Тарле: *Словом, причин к войне против Наполеона нашлось достаточно даже и помимо желания как-нибудь отплатить за аустерлицкий разгром и позор* (Е. Тарле. Наполеон).

В первом примере стремление метрополии сохранить свои колонии подается как объективная причина войны, а в тексте Е. Тарле речь идет о субъективных побуждениях императора Александра I или его окружения.

3.3. Сочетаемость

Только лексема *причина 1* возможна в контексте типа *установить причину: Повесть длительное следствие, но причину пожара установить не удалось* (Д. Хармс).

Как было отмечено выше, только *причина 2* сочетается с прилагательными *достаточный, недостаточный*, а также с прилагательными *уважительный, важный, веский*, указывающими на субъективную оценку значимости тех или иных обстоятельств. *Про себя, должно быть, она решила, что для поездок на такие расстояния должны быть более важные причины* (Ю. Визбор. Подарок).

Только *причина 2* сочетается с прилагательным *побудительная*:

Они все в один голос предлагали мне ехать в Киев, с удовольствием вспоминая, сколь прекрасен этот город, как хорошо было в нем жить. — Поэтому мне были совершенно неясны побудительные причины их переезда в Мюнхен (В. Кунин. Кыся).

3.4. Особенности формы множественного числа

У лексемы *причина 2*, в отличие от лексемы *причина 1*, форма множественного числа имеет не количественное, а обобщенное значение, это не арифметическое множественное число. Она указывает на недифференцируемую группу причин, создающих возможность для одного и того же действия или состояния. В этом случае она часто может быть заменена формой единственного числа без существенного изменения смысла. Ср. следующую пару *И историю эту, но вполне понятным причинам, никому не рассказывает* (А. Маринина. Стечение обстоятельств) = *И историю эту, но вполне понятной причине, никому не рассказывает*.

В противоположность этому, в случае *причина 1* форма множественного числа имеет чисто количественное значение и служит для противопоставления случаев, когда у какого-то явления есть ровно одна причина, и случаев, когда несколько разных причин порождают некоторую производную ситуацию лишь в совокупности. Ср. *Одна из причин схода лавины - взрывы, произведенные в карьере, но эти взры-*

вы лишь ускорили события, так как главной причиной все же были сильные снегопады последних недель и яркое солнце, подтопившее снег.

Подведем некоторые итоги. "Так же, как для природы характерна категория причины, для человека характерна категория цели" [Арутюнова 1992: 14]. Но существительное *причина* употребляется применительно к целенаправленным действиям человека или его контролируемым состояниям, пожалуй, чаще, чем применительно к природным явлениям. Соответствующая лексема *причина 2* имеет не только семантические, но и многочисленные формальные особенности. Наблюдая их, мы можем утверждать, что противопоставление объективной и субъективной причины - не плод философских размышлений о природе причинно-следственных связей, а факт языка.

4. ПРИЧИНА ОБЪЕКТИВНАЯ И СУБЪЕКТИВНАЯ, ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ В ЗНАЧЕНИИ ПРИЧИННЫХ ПРЕДЛОГОВ

Различие между причиной как объективной связью между явлениями и причиной как субъективным побуждением к действию проявляется и еще в одном фрагменте причинной лексики - в причинных предлогах⁸. Однако прежде, чем продемонстрировать это противопоставление, необходимо рассмотреть различие между причиной **внешней** и **внутренней**, которое нерелевантно для существительного *причина*, но является основополагающим для причинных предлогов.

4.1. Внешняя/внутренняя причина⁹

Под внешней причиной понимаются локализованные вне человека и не зависящие от его воли обстоятельства, а под внутренней - те свойства, внутренние состояния, чувства, мысли человека, которые служат причиной тех или иных его поступков.

Предлоги *из, по, с* вводят указание на **внутреннюю** причину события - на то свойство, чувство или соображение, которое побуждает субъекта производной ситуации поступить определенным образом. Предлог *из* при этом применим только к описанию сознательной деятельности человека, он указывает на мотив поступка. *Ярза три вообще не голосовал. Причем не из диссидентских соображений. Скорее - из ненависти к бессмысленным действиям* (С. Довлатов. Чемодан).

Предлог *по* в основном круге употреблений указывает чаще всего на то, что причиной действия или состояния субъекта является присущее ему свойство. Ср. *Она по глупости <по доброте душевной> согласилась не подавать в суд, По слабости здоровья он не смог служить в армии*. Иногда причиной действия является не свойство субъекта, а его состояние, отношение к другим людям и т. п.; ср. *по болезни, по нездоровью, по занятости, по дружбе и по любви* (последнее употребляется только в сочетании со словами *брак, жениться, выйти замуж, сойтись*).

Предлог *с* в современном языке обычно также указывает на внутреннюю причину действия субъекта, причем этой причиной обычно бывает его состояние - душевное или физическое. Можно сделать что-л. *со злости <с горя, с тоски, со скуки, с перепугу>* или *со сна <с похмелья, со смеху>*.

Употребление предлога *с* для указания на внешнюю причину является устаревшим; ср. следующие примеры: *Вещунья с похвал вскружилась голова* (И.А. Крылов. Ворона и лисица); *С первого щелка I Подпрыгнул поп до потолка* (А.С. Пушкин. Сказка о попе и работнике его Балде); *И что же вы думаете, - выпила как-то чашку чаю и через полчаса померла. - Это с чаю-то? - Спросила акушерка* (Н. Тэффи. Де).

⁸ Причинные предлоги описывались неоднократно и очень подробно. Имеется книга [Всеволодов, Яценко 1988], где выделено много важных противопоставлений. См. также статью [Иорданская, Мельчук 1996] и словарную статью ИЗ-ЗА 4 И.Б. Левонтиной в [Апресян и др. 1997].

⁹ Ср. противопоставление: воздействие внешних факторов vs. воздействие внутренних факторов в работе [Иорданская, Мельчук 1996: 164-165].

Исключение здесь составляют разговорные сочетания с местоимениями *с чего, с того, ни с того ни с сего* и т.п.; ср. - *С чего это он такой мрачный?* - *Выговор схлопотал* [ср. неправильное **С выговора*]. Кроме того, существуют разговорные и разговорно-сниженные выражения, в которых предлог с используется для описания реакции на алкоголь; ср. *Проездом из Газлей на Юге I С канистры кислого вина I Одной подруге из Калуги / Заделать сдуру пацана* (С. Гандлевский. Устроиться на автобазу).

В отличие от перечисленных предлогов, предлог *из-за* одинаково свободно вводит указание как на внешнюю, так и на внутреннюю причину; ср. *Он отказался от похода в ресторан из-за своей жадности <из-за плохого настроения>; Поход сорвался из-за плохой погоды; Динозавры вымерли из-за внезапно наступившего похолодания.*

Предлог *от* также может вводить указание как на внутреннюю, так и на внешнюю причину; ср. *Вояка, балагур, гусар I Спал от усталости, от водки, I От теплоты, от женских чар* (Д. Самойлов. Снегопад).

Таким образом, русские причинные предлоги различают причину внешнюю и внутреннюю. Это противопоставление следует отличать от рассмотренного выше на материале существительного *причина* противопоставления причины объективной и субъективной, к которому небезразличны и причинные предлоги.

4.2. Объективная/субъективная причина

Объективную связь между явлениями действительности описывают предлоги *вследствие, в результате*. Так, предлог *вследствие*, независимо от того, о внутренней или внешней причине какого-л. события идет речь, описывает связь между событиями с внешней точки зрения, как **объективную** данность. Ср. *Вследствие нехватки отделочных материалов задерживается ввод в строй десятков тысяч метров жилья.*

Поэтому *вследствие* не всегда сочетается с контекстами, описывающими целенаправленную деятельность человека, находящуюся под его контролем; в частности, затруднено использование этого предлога для введения мотивировки речевого акта в перформативных высказываниях; ср. *Вследствие тяжелого материального положения прошу оказать мне помощь.*

В отличие от предлога *вследствие*, предлог *ввиду* вводит указание на некоторое положение дел (независимо от того, связано оно с внутренним состоянием субъекта или с внешними обстоятельствами), учет которого побуждает субъекта к принятию определенного - обычно достаточно важного - решения. Иными словами, этот предлог всегда вводит указание на **субъективную** причину. Ср. *Ввиду аварийного состояния дома мы приняли решение о выселении; Ввиду плохого самочувствия он был вынужден отказаться от участия в конференции.*

Поэтому для *ввиду* очень характерны контексты перформативных высказываний, где этот предлог вводит мотивировку самого речевого акта; ср. *Ввиду сложившейся аварийной ситуации прошу <требую, приказываю, разрешаю> произвести выселение.*

Если речь идет о событиях, которые происходят независимо от воли человека, употребление предлога *ввиду* невозможно; ср. **Ввиду дождей дорогу размыло; *Ввиду подорожания сырья цены выросли на 30 процентов;* (ср. нормальное *Ввиду подорожания сырья мы подняли цены на 30 процентов*).

4.3. Соотношение объективного и субъективного в семантике целевых предлогов

Как мы уже говорили, смысл 'причина' входит в смысл 'цель' дважды, в частности в том отношении, что желание человека достичь определенного результата является причиной его действий. При этом целевые слова наследуют различие между

причиной объективной и субъективной, которое мы наблюдали у слов с причинным значением. Даже очень близкие по смыслу целевые слова могут различаться с точки зрения ориентации на объективное или субъективное.

Рассмотрим, например, бенефактивные предлоги. Они указывают на то, что человек действует в интересах другого человека. При этом на первый план могут выходить либо индивидуальные побуждения субъекта - желание сделать другому что-то хорошее, либо объективное соответствие данного действия интересам этого другого человека.

Предлог *для* обычно употребляется при описании сознательной деятельности субъекта в чьих-либо интересах, ср. *Что я могу для вас сделать?* [т.е. в чем состоят ваши интересы]. При этом мотивом действий субъекта не обязательно является желание доставить удовольствие или принести пользу данному лицу, например, когда речь идет о наемном труде, ср. *Няня готовит и стирает для ребенка*. В собственно целевом *для* также очень сильна идея объективной потребности в действии, поэтому нормально употребление этого предлога там, где речь не идет о конкретном человеке и его побуждениях, ср. *Для нанесения помады лучше использовать кисточку*.

Напротив того, в предлоге *ради*, как в бенефактивном, так и в собственно целевом его значении, акцентируется само намерение субъекта, мотив его действий. Поэтому невозможно **Что я могу ради вас сделать?* [Поскольку неизвестно, каким будет действие, странно рассуждать о его мотиве], и типично *Я это делаю только ради вас*. Этот предлог часто используется для описания ситуации, когда, действуя в интересах другого, человек пренебрегает собственными интересами.

Целевое *ради* плохо сочетается с контекстами, в которых указывается на объективную потребность в каком-л. действии; ср. странное **Ради того, чтобы бисквит не помялся, разрежьте его горячим ножом или толстой ниткой* [здесь нужно употребить предлог *для*]. Ср. нормальное *Ради того, чтобы бисквит не помялся, я целый час сидела и ждала, пока он остынет*.

Рассмотренное семантическое различие проявляется и в синтаксическом поведении данных предлогов. *Для*-группа может выступать не только в роли зависимого при обозначениях действий, она заполняет также целевую валентность таких слов, как *необходимо, требуется, годится, достаточный, слишком, готов*. В этом случае находящаяся в *для* на первом плане идея объективной потребности в действии акцентируется еще сильнее, а представление о побуждении субъекта затушевывается, и в некоторых случаях и вообще отсутствует. При употреблении таких слов в контексте условия, *для* вместе с ними теряет целевое значение и может использоваться, в частности, при описании естественно-природных процессов, ср. *Для кипения воды достаточно <необходима, требуется> температура 100 градусов*. Предлог *ради* в подобных конструкциях невозможен. А, например, более "объективный" предлог *на* - возможен; ср. *На это нужно два часа <достаточно тысячи рублей>*.

Рассмотренное семантико-синтаксическое свойство некоторых целевых предлогов - способность сочетаться с контекстами практической необходимости - имеет принципиальное значение для языковой телеологии. В языке слова типа *нужно (надо, необходимо, требуется* и т.п.) регулярно управляют некоторыми целевыми выражениями - это могут быть не только именные группы с предлогом *для* (и другими), но и придаточные предложения, вводимые союзом *чтобы*, (ср. *для этого <чтобы сделать это, > нужно...*), а также слово *зачем*. Ср., кроме того, возможность в этом контексте самого слова *цель*: *Для какой цели это нужно?* При этом, однако, невозможно **С какой целью это нужно?*

Таким образом, было показано, что противопоставление объективной и субъективной причины чрезвычайно существенно не только для слов с собственно причинным значением, но и для целевых слов.

4.4. Внутренняя vs. субъективная причина

В языковой картине причинности не все внутренние состояния человека представляются как субъективные причины его поступков. При указании на внутреннюю причину причинные предлоги различают чувства и свойства с точки зрения степени контроля над ними субъекта. Предлог *из* совместим лишь с обозначениями таких чувств и свойств, в которых достаточно велика роль воли и разума. Можно сделать что-л. *из сочувствия* <ревности, уважения> или *из гордости* <осторожности, добросовестности, порядочности, трусости>, но не **из отчаяния* <ярости, отворачивания>. С предлогом *из* совместимы *страх* и *любовь*, но не *ужас* и *страсть* (имеются в виду основные, не ослабленные значения этих слов).

В случае, когда причиной является свойство или состояние самого субъекта, предлог *от* максимально противопоставлен предлогу *из*. *От* предполагает, что само данное свойство или состояние неподконтрольно воле и разуму субъекта и что оно вызывает произвольную, спонтанную реакцию. Поэтому *от страха* можно *побледнеть* <оцепенеть>, а *из страха* - *написать донос*.

Эти ограничения сходны с ограничениями на характер производной ситуации при лексеме *причина* 2 (см. пункт 3.1).

Различные свойства и состояния в разной степени допускают спонтанные реакции. Чем больше элемент стихийности, неконтролируемости какого-либо чувства, состояния или положения, тем больше оснований для употребления *от*; ср. (*плакать*) *от огорчения* <*от радости, от унижения, от отвержения, от боли, от волнения*>; (*обезуметь*) *от ужаса* <*от страсти*> и т.п.

По той же причине *от* свободно сочетается с названиями таких природных свойств, как *глупость, медлительность, доброта* и т. п. Наоборот, чем больше доля рациональной оценки в возникновении какого-либо состояния, чем в большей степени оно контролируется (ср. *сочувствие, опасение, симпатия*), тем меньше оснований для употребления *от*. Наконец, такие слова, как *жалость, страх, любовь*, сочетаются и с предлогом *из*, и с предлогом *от*, так как в формировании соответствующих эмоций принимают участие и разум, и непосредственные чувства или ощущения.

Таким образом, было показано, что в семантическом поле причинности имеется ряд структурообразующих противопоставлений, важнейшими из которых являются близкие, но отнюдь не тождественные противопоставления причины внешней и внутренней, с одной стороны, и причины объективной и субъективной, с другой. При этом субъективные причины, воздействующие на волю человека, связаны с поведением людей, с их сознательными действиями, поэтому они лежат в области, пограничной между причинностью и целеполаганием. Не случайно во многих случаях идеи причины и цели выражаются синкретично, а в других случаях встречается многозначность типа причина/цель.

5. СООТНОШЕНИЕ ПРИЧИНЫ И ЦЕЛИ В СТРУКТУРЕ МНОГОЗНАЧНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ СЛОВ

Вообще, русский язык, по сравнению с европейскими достаточно четко различает причину и цель. Ср., например, английское *why* или немецкое *warum*, которые соответствуют не только русскому *почему*, но и русскому *зачем*. Тем не менее, и в русском широко представлена многозначность, связанная с противопоставлением причины и цели. В частности, такое противопоставление наблюдаются у причинных предлогов:

Предлог *из-за*, помимо собственно причинного, имеет причинно-целевое значение; ср. *женился из-за денег* [= *ради денег*]; - *Маркиза, - бормотал Коровьев, - отравила отца, двух братьев и двух сестер из-за наследства* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Удивительно вкусные конфеты - знаете, после выстрела мне даже пришло в голову, что из-за одних уже пьяных вишен стоит, пожалуй, жить на свете* (А. Мариенгоф. Циники).

Предлог *из* раньше тоже имел причинно-целевое значение, наряду с причинным, но оно впоследствии устарело; ср. *Поэт беспенный, я писал I Из вдохновенья, не из платы* (А.С. Пушкин. Разговор книгопродавца с поэтом); *Покойник, автор сухощавый, I Писал для денег, нил из славы* (А.С. Пушкин. Покойник, автор сухощавый). В современном языке этот предлог в целевом значении употребляется в несколько разговорном сочетании *из экономии* [= *ради экономии*]; ср. *А гадость пьют из экономии, I Хоть поутру, да на свои* (В. Высоцкий. Разговор у телевизора). Впрочем, в небрежной речи встречаются и другие сочетания этого типа: *из выгоды, из удобства* и др. С другой стороны, некоторые целевые предлоги также имеют причинные или причинно-целевые значения. Так, предлоги *для иради*¹⁰ имеют устаревшее причинное значение; ср. *для каких причин; Царь для радости такой II Отпустил всех трех домой* (А.С. Пушкин. Сказка о царе Салтане...); *Ты видишь, что дитя еще не смыслит, а ты и рад его обобрати, простоты его ради* (А.С. Пушкин. Капитанская дочка). Впрочем, чисто причинное значение этих предлогов встречается крайне редко. Во многих случаях мы имеем дело скорее с синкретичным выражением причины и цели; ср. *Здравствуй, Софья, что ты так рано поднялась! а? Для какой заботы* (А.С. Грибоедов. Горе от ума); *Так, прошелся ради геморроя, - сказал он, особенно старательно выговаривая последнее слово* (И. Бунин. Деревня). Кроме того, предлог *ради* имеет причинно-целевое значение; ср. *Он купил книгу ради картинок; Он женился на ней ради денег; Те, кто пришел в "демократы" ради карьеры, сбегут* ("Сегодня", 31.12.94). В подобных контекстах *ради* синонимизируется с причинно-целевым значением предлога *из-за*.

Устаревшее причинное значение имеется у вопросительного наречия *зачем*. Это значение, правда в качестве "оттенка", причем с пометой *Устар.* и *прост.*, отмечает, например, МАС. Приводятся следующие примеры: [*Царица*:]. *Что взволновалась ты так? Зачем II Тебя приводит в ужас Василиса?* (А.К. Толстой. Царь Борис). - *Зачем у него волосы не выстрижены? - Гришка! Зачем ты не обстриг барина?* (Достоевский. Дядюшкин сон). Поскольку причинные употребления *зачем* устарели, современный читатель, по-видимому, воспринимает несколько более телеологически, чем читатель-современник, знаменитые пушкинские строки из "Египетских ночей": *Зачем крутится ветр в овраге, I Подъемлет лист и пыль несет, I Когда корабль в недвижной влаге I Его дыханья жадно ждет? I Зачем от гор и мимо пашен I Летит орел, тяжел и страшен, I На чахлый пень? Спроси его. I Зачем арапа своего I Младая любит Дездемона, I Как месяц любит ночи мглу?*

Характерно, что рассмотренная выше лексема *причина* 2, выражающая субъективную причину, в противоположность лексеме *причина* 7, способна употребляться в контекстах целеполагания.

[МАС 1981] и [СУ 1939] не отмечают употреблений слова *причина* в значении, близком к целевому. Между тем в словаре В. Даля [СД 1955] такое указание содержится: "Причина есть исходная, начальная точка, и цель конечная; *поэтому причиной зовут и цель, намеренье, то, для чего (а в первом случае от чего) что случается, бывает. Ради какой причины это сделано?*" [СД 1955, т. 3: 459]. В современном языке лексема *причина* 2 также имеет особый круг причинно-целевых употреблений. Ср. контрастную пару:

У него были причины хвалить магазин. Выбор большой и цены вполне приемлемые, vs. У него были причины хвалить магазин. Он очень хотел понравиться хозяйке [= *хвалил, чтобы понравиться*].

В первом случае говорящий объясняет, **почему** человек хвалил магазин, а во втором - **зачем** он это делал. Это различие, однако, не дает оснований усматривать у слова *причина* отдельное причинно-целевое значение, поскольку, хотя слово *причина*, употребляясь в соответствующих контекстах, несколько модифицирует свое зна-

¹⁰См. подробное обсуждение структуры их многозначности в [Левонтина 1995].

чение, но это не сопровождается изменением синтаксических, сочетаемостных и прочих свойств, как это имело место в случае с лексемами *причина 1* и *причина 2*¹¹. Ср. в связи с этим противопоставление значения и употребления в [Апресян 2001].

6. НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ/ОТДАЛЕННАЯ ПРИЧИНА В СЕМАНТИКЕ ПРИЧИННЫХ И ЦЕЛЕВЫХ СЛОВ

Причинно-следственные отношения пронизывают всю жизнь, причем они соединяют не только события, которые непосредственно связаны между собой, но и такие, между которыми имеется лишь отдаленная, опосредованная связь¹².

Язык хорошо различает причины непосредственные и отдаленные. Особенно последовательно это противопоставление реализуется в семантике причинных предлогов.

6.1. Непосредственная и опосредованная каузация у причинных предлогов

Причинные предлоги различаются с точки зрения того, насколько тесно связаны причина и следствие: *от, из, по, с, ввиду* предполагают непосредственную связь, *из-за, вследствие* - скорее более опосредованную. Проиллюстрируем это положение на примере нескольких предлогов.

Предлог *из-за* может вводить указание на непосредственную причину, ср. *Машина остановилась из-за поломки двигателя*. Однако он свободно употребляется и в том случае, если промежуточные звенья причинной цепочки невозможно восстановить, ср. *Но я хочу вам сказать, что если вы меня погубите, вам будет стыдно! — Я погибаю из-за любви!* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Я был наивен, чист и полон всяческого идеализма. Она - жестока, эгоцентрична и невнимательна. Университет я бросил из-за нее. В армии оказался из-за нее* (С. Довлатов. Фиалиал).

В контекстах такого рода часто имеется продолжение, разъясняющее, каким образом данное свойство, предмет, лицо и т. п. связаны с возникновением обсуждаемой ситуации, ср. *Так из-за чего же вы попали сюда? - Из-за Понтия Пилата, - хмуро глянув в пол, ответил Иван. - Видите ли, какая странная история, я здесь сижу из-за того же, что и вы, именно из-за Понтия Пилата, - тут гость пугливо оглянулся и сказал: дело в том, что год тому назад я написал о Пилате роман* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

В некоторых случаях, если следствие слишком тривиально, очевидная причинная зависимость даже затрудняет употребление *из-за*, ср. неестественное **мокрый из-за воды, *пьяный из-за вина*. При этом вполне нормально *Он так опьянел из-за коньяка - не надо было добавлять его в шампанское*.

Предлог *от* отличается от *из-за* тем, что причинная цепочка здесь не предполагает большого количества промежуточных звеньев: причинно-следственная связь должна быть очевидной и даже тривиальной. Нельзя сказать **От дождей до деревни трудно добраться* [надо *из-за дождей*], при нормальном *От дождей дорогу развезло*. Высказывание *У меня из-за тебя голова болит* может пониматься по-разному

¹¹ Подобным образом может употребляться и один из синонимов лексемы *причина 2*, существительное *резон*. *Винтовку он никогда не заряжает. Какой резон заряжать, если зимой вокруг - никого* (Саша Соколов. Школа для дураков); *Мы что кочки, что камни, I только глуше, темней, I наша вечная память, кто завидует ей? I Нашим прахом по праву завладел чернозем, I и посмертная слава - невеселый резон* (А. Твардовский. Я убит подо Ржевом).

Для существительного *резон* такие употребления встречаются даже чаще, чем чисто причинные. Тем не менее отдельного целевого значения у существительного *резон* мы также не выделяем, усматривая особый тип употребления, вызывающий модификацию значения в целевых контекстах. О существительном *резон* см. подробнее в описании синонимического ряда ПРИЧИНА 2, ОСНОВАНИЕ 5, РЕЗОН 1, выполненного О.Ю. Богуславской [Апресян и др. 2003].

¹² Ср. понятие причинных цепей в [Зализняк 1992б: 71].

му, например, в том смысле, что адресат совершил какой-то поступок, вызвавший неудовольствие третьих лиц, которые пожаловались говорящему и потребовали от него каких-то действий, что и вызвало головную боль. Рассказывание *Уменя от тебя голова болит* понимается только как указание на раздражение, возникающее у говорящего при непосредственном общении с адресатом.

Предлог *по* [Иомдин 1991] в основном круге употреблений указывает на внутреннюю причину действия или состояния субъекта, причем чаще всего это присущее ему свойство. Это свойство не только является непосредственной причиной действия, но и непосредственно в нем проявляется. Ср. *Она по глупости <по доброте душевной> согласилась не подавать в суд, По слабости здоровья он не смог служить в армии, Он по скромности не решился о себе напомнить*. При этом невозможно **Он потерял работу по своей скромности: не решился вовремя напомнить о себе начальнику* [скромность явилась причиной потери работы, но не проявилась непосредственно в этом факте; в подобных случаях лучше употреблять предлог *из-за*, см. выше].

Различие между причиной непосредственной и отдаленной оказывается значимым не только для причинных, но и для целевых слов. Рассмотренное семантическое противопоставление, вернее, сама его возможность, наследуется смыслом 'цель' от входящего в него понятия причины. Замечательно, что семантическое противопоставление между целевыми предлогами в точности повторяет семантическое противопоставление, существующее между причинными предлогами.

6.2. Цель как результат непосредственно достигаемый или отдаленный

Как видно из приведенного выше толкования, цель - это некоторая итоговая ситуация, которую субъект хочет каузировать, предполагаемый результат его действий. Понятие каузации включает представление о том, что причинная цепочка может иметь разное количество звеньев. Иначе говоря, предполагаемый результат может непосредственно достигаться данным действием или быть его более отдаленным следствием.

Большинство целевых слов применимо к ситуациям обоего рода. И само слово *цель*, и слова *зачем* и *чтобы*, и, например, такие слова, как *собираться* и *намерение, намеренно* и *невольно*, употребляются в контексте указания и на прямой, непосредственный результат действия, и на окончательный итог. Характер каузации может конкретизироваться при помощи выражений типа *в конечном счете, непосредственно*; ср. также сочетания *конечная <промежуточная, непосредственная, отдаленная> цель; Естественно, люди хотят лучше уяснить суть и назначение процессов обновления, ближние и дальние цели преобразований, определить свое отношение к ним* (Упсальский корпус).

Хотя небольшие различия между этими словами в данном отношении есть. Так, *цель* - это в целом нечто более окончательное, чем, например, *задача*. Нормально *Для достижения этой цели нужно решить ряд промежуточных задач* и невозможно **Для решения этой задачи нужно достичь ряда промежуточных целей*.

Однако есть группа целевых слов, в которых семантическое противопоставление между непосредственной и отдаленной целью реализуется очень последовательно: это предлоги с собственно-целевым и бенефактивным значением (мы в данном случае будем обсуждать их вместе, так как в рассматриваемом отношении они устроены аналогично).

6.3. Непосредственная и опосредованная каузация у целевых предлогов

С точки зрения того, насколько тесно связаны действие и его предполагаемый результат, целевые предлоги распределяются следующим образом: *для, с целью*, на предполагают достаточно непосредственную связь между действием и целью, *ради, во имя*, а также *в целях* - связь более отдаленную и опосредованную; предлог *в* (*во*)

(оставить дома в наказание) указывает, что цель достигается самим фактом совершения действия. Из бенефактивных предлогов, указывающих на то, в интересах какого человека совершается действие, *для* и *за* подразумевают, что этим интересам соответствует непосредственный результат действия, а *ради* и *во имя* - скорее его более отдаленные последствия. Рассмотрим подробнее эти свойства на примере предлогов *для* и *ради*.

Предлог *для* и в целевом, и в бенефактивном значении вводит указание на прямую, непосредственную цель действия. Ср. *Для чего вы это делаете?; Для постройки дома он пригласил плотника; Она испекла для сына пироги*. Если же цель действия - это скорее отдаленная перспектива, предлог *для* вряд ли уместен. Так, неприемлемо **Он поставил этот рискованный опыт для грядущего торжества науки*. Ср. также устаревший пример *<Вера> решительно не хочет, чтобы я познакомился с ее мужем, - она вышла за него для сына* (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

По-другому ведет себя и целевое, и бенефактивное *ради*. Цель, обозначаемая данным предлогом, обычно не бывает тривиальной, ср. неестественное **Я приготовил инструменты ради починки велосипеда*. И напротив, она часто бывает отдаленной, труднодостижимой и даже иллюзорной, ср. *Ради своей мечты он был готов пожертвовать чем угодно; Эти шедевры мысли и фантазии, в поисках которых мы в свободные минуты открываем шахматные книги и журналы, встречаются крайне редко, но именно ради них творят шахматисты* (Д. Бронштейн. Самоучитель шахматной игры). *Для ради* типичны контексты предпочтения, ср. *бросить науку ради спорта, отказаться от административной карьеры ради исследовательской работы*. В этих случаях само действие - точнее, отказ от чего-л. - не приводит непосредственно к достижению цели, а является ступенькой к ней.

Сочетаемость предлога *ради* по этой причине гораздо свободнее, чем у *для*. Поскольку он может вводить указание на весьма отдаленную, косвенную цель, он может сочетаться не только со словами, обозначающими целенаправленные действия, ср. *Глупо сидеть целый день дома ради телефонного звонка, которого может и не быть; Я не сплю ради фильма Гринуэя, который начнется в час ночи*. Кроме того, *ради* может управлять не только именами действий, но и предметными именами, которые каким-то образом намекают на содержание цели. Ср. *Она поехала на рынок ради соленых огурцов; Он работает на этом заводе ради продуктовых пайков*.

В бенефактивном значении *ради* также предполагает в целом более опосредованную связь между действием субъекта и интересами другого человека. Ср. *Л мы жизнь приняли как военный поход, мы камни ворочали ради тех, кого любили* (Б. Пастернак. Доктор Живаго). Поэтому этот предлог, в отличие от *для*, свободно употребляется в контекстах типа *Не стоит задерживаться <унижаться > ради него; Она вышла замуж ради сына*. И напротив, если речь идет о действии, которое имеет тривиальную цель, то *ради* указывает на нетривиальность мотива. Так, высказывание *Я испекла пироги ради тебя* указывает, что были и другие люди, интересам которых соответствовало данное действие, однако субъекта побудило к его совершению желание угодить именно данному человеку, или же что для субъекта данное действие представляло большую трудность. И напротив, *Я испекла пироги для тебя* не подразумевает ничего подобного.

6.4. Непосредственное/отдаленное следствие

Противопоставление непосредственной и отдаленной причины существенно и для существительных, указывающих на второй член причинно-следственной цепочки (*следствие, последствие, результат, исход*). Для них, однако, оказывается важным не столько наличие или отсутствие промежуточных звеньев причинной цепочки, сколько наличие или отсутствие временного зазора между исходной и производной ситуацией.

Например, слово *следствие* допускает как одновременное существование исходной и производной ситуации, так и последовательное развертывание, непосредственное или опосредованное, т. е. с временным зазором между ними. Его синоним *последствие*, напротив, допустим только в случае, когда производная ситуация наступает вслед за исходной, причем обычно не непосредственно. В силу этого неправильно *непосредственные последствия* при естественном *прямые <непосредственные> следствия* или *"Пожар на атомной станции был последствием взрыва при нормальном Пожар на атомной станции был следствием взрыва"*.

Слово *результат* применимо как в случае, когда между исходной и производной ситуациями нет временного зазора, так и в случае, когда такой зазор есть. Иначе устроен в этом отношении его синоним *исход*: это слово используется только тогда, когда между завершением развития исходной ситуации и наступлением ситуации производной нет большого временного зазора. Например, *исход матча* определяется непосредственно в момент его окончания, *исход операции* - сразу после нее или через несколько часов, возможно дней, но не позже. Ср. неправильное *отдаленный исход* при естественном *отдаленный результат*.

7. ЛОГИЧЕСКАЯ/ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИЧИНА¹³

Как было показано выше (см. пункт 3), язык различает причину объективную и причину субъективную, причем последняя зачастую смыкается с целью. Однако от противопоставления объективной и субъективной причины важно отличать другое фундаментальное противопоставление - причины логической и причины онтологической. Само русское слово *причина* связывается только с онтологической причинностью. Однако для многих лексем, описывающих логические связи и, в частности, для причинно-следственных слов характерна способность указывать не только на онтологическую связь между ситуациями, но и на формально-логическую связь между утверждениями¹⁴. Ср.

Он пошел туда, потому что дурак [онтологическая причина] и
Он дурак, потому что пошел туда [логическая причина].

Отметим для сравнения, что причинный предлог *из-за*, как и вообще причинные предлоги, может указывать только на онтологическую причину.

Это противопоставление также очень существенно для еще одной пары слов, описывающих причинно-следственные отношения, - существительных *следствие* и *последствие*, которые являются конверсивами слова *причина*.

Слово *последствие*, подобно предлогу *из-за*, указывает только на онтологическую причину. Можно сказать *Последствием травмы были сильные головные боли; Травма имела тяжелые последствия*, но нельзя **Это последствие теоремы Веерштрасса; *Теорема Веерштрасса имеет целый ряд последствий*. В этих случаях нужно употребить слово *следствие*.

Что же касается слова *следствие*, то оно используется для указания на оба вида отношений. В одних случаях оно указывает на онтологическую связь между явлениями действительности. *Он не мог победить сонливости, следствия накопленного за несколько ночей недосыпания* (Б. Пастернак. Доктор Живаго); *Падение Римской империи-это следствие революции рабов* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

В других случаях слово *следствие* указывает на причинно-следственную связь между двумя утверждениями, то есть на формально-логическое отношение. *И очевидной для меня делается не единичная аксиома, а система, в которой следствия и*

¹³ Ср. противопоставление: реальная vs. логическая каузация в работе [Иорданская, Мельчук 1996: 200-201].

¹⁴ Эта проблема обсуждается, в частности, в работах [Разлогова 1987; Иорданская, Мельчук 1996].

посылки взаимно поддерживают друг друга (Л. Витгенштейн. О достоверности, пер. Н. Козловой).

Л.Н. Иорданская и И.А. Мельчук, исследуя аналогичные противопоставления, усматривают в примере *У Маши хороший характер, раз Петр на ней женился* "логическую каузацию, т.е. импликацию" [Иорданская, Мельчук 1996: 200-201]. Параллельный этому пример, где имеет место онтологическая причина, мог бы выглядеть следующим образом: *Петя женился на Маше, потому что у нее хороший характер*.

Интересно, что для разных типов слов эти два вида употреблений лексикализованы в разной степени. Так, у союза *потому что* они очень слабо противопоставлены. Что же касается слова *следствие*, то у него это противопоставление сопряжено не только с существенными смысловыми различиями, но также и с различиями конструктивными.

Во-первых, неонтологическое *следствие* не фокусирует внимание на каком-либо компоненте смысла. Для него одинаково существенна как связь между двумя утверждениями, так и производное утверждение само по себе. *Импликация, основанием которой служит первое утверждение, а следствием - второе, представляет собой частный случай закона логической контрапозиции* (А. Ивин, А. Никифоров. Словарь по логике).

В силу этого для него одинаково характерны как предикативные, так и термовые употребления. Ср. *Это - следствие из теоремы Веерштрасса; Но какое же следствие выведу я из всего сказанного мною об этом журнале?* (Белинский, МАС).

Кроме того, в отличие от онтологического *следствия*, оно свободно употребляется в экзистенциальных контекстах. *Из этой теоремы есть несколько следствий*.

Следствие и в данном случае подразумевает, что из какого-то утверждения можно вывести бесконечное множество *следствий*, однако при описании замкнутых логических систем слово *следствие*, указывающее на логическую связь между утверждениями, допустимо и в контекстах, подразумевающих ограниченность множества возможных выводов. Ср. *Выведите все возможные следствия из этой теоремы*.

Наконец, логическое *следствие* имеет другую модель управления: оно допускает не только зависимые в форме РОД, но и предложно-именные группы вида *из + РОД*. *И уже совсем удивительные возможности должны быть связаны с некоторыми гипотетическими следствиями общей теории относительности* (Уппсальский корпус); *Этим же методом мы пользовались - при доказательстве следствий из аксиомы параллельных прямых* (Л. Атанасян и др. Геометрия: учебник для 7-9 классов средней школы).

Последнее совершенно невозможно для онтологического *следствия*. Ср. *неправильное *Это следствие из вашего неадекватного поведения*.

Из сказанного следует, что у слова *следствие* развились две отдельных лексемы, одна из которых обозначает онтологическое следствие, а другая - следствие логическое.

Даже анализ многозначности одного этого существительного показывает, что языковая картина причинности гораздо сложнее логического понятия причинно-следственных отношений.

Заключение. В данной статье мы затронули только некоторые основные проблемы, связанные с языковой картиной причинности и целеполагания. Кроме того, мы здесь рассмотрели свойства лишь некоторых причинных и целевых слов. Чрезвычайно интересными и нетривиальными свойствами обладают также лексико-функциональные причинные глаголы, причинные и целевые союзы и некоторые другие группы слов, анализ которых остался за пределами этой работы. Им мы планируем посвятить отдельное исследование. Когда вся совокупность причинно-целевых слов будет с достаточной степенью подробности описана, на этой основе можно будет полностью реконструировать такой важный фрагмент языковой картины мира как причинность и целеполагание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974 - Ю.Д. *Апресян*. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян 1995 - Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян 2001 - Ю.Д. *Апресян*. Значение и употребление // ВЯ. 2001. № 4.
- Апресян и др. 1997 - Ю.Д. *Апресян и др.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.
- Апресян и др. 2000 - Ю.Д. *Апресян и др.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. М., 2000.
- Апресян и др. 2003 - Ю.Д. *Апресян и др.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 3. М., 2003.
- Арутюнова 1992 - Н.Д. *Арутюнова*. Язык цели // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
- Богуславская 2003 - О.Ю. *Богуславская*. Структура значения существительного *причина* // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной конференции (Москва, 8-10 июня 2002 г.). М., 2003.
- Богуславская (в печати) - О.Ю. *Богуславская*. ПРИЧИНА, ПОВОД, ПРЕДЛОГ // Сокровенные смыслы. М. (в печати).
- Богуславская, Левонтина 2001 - О.Ю. *Богуславская*, И.Б. *Левонтина*. Задумается о последствиях // Труды международного семинара Диалог 2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Аксаково, 2001.
- Богуславская, Левонтина 2002 - О.Ю. *Богуславская*, И.Б. *Левонтина*. Подведение итогов в русском языке // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.
- Вежицкая 1999а - А. *Вежицкая*. Немецкие "культурные сценарии": общественные знаки как ключ к пониманию общественных отношений и культурных ценностей // Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Вежицкая 1999б - Л. *Вежицкая*. Семантика английских каузативных конструкций в универсально-типологической перспективе // Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Вригт 1986 - Г.Х. *фон Вригт*. Логико-философские исследования. М., 1986.
- Всеволодова, Ященко 1988 - М.В. *Всеволодова*, Т.А. *Ященко*. Причинно-следственные отношения в русском языке. М., 1988.
- Жолковский 1964 - А.К. *Жолковский*. Лексика целесообразной деятельности // Машинный перевод и прикладная лингвистика 8. М., 1964.
- Зализняк 1992а - Анна А. *Зализняк*. Контролируемость ситуации в языке и в жизни // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
- Зализняк 1992б - Анна А. *Зализняк*. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния // *Linguistische Beiträge*. München, 1992.
- Иомдин 1991 - Л.Л. *Иомдин*. Словарная статья предлога ПО // Семиотика и информатика. Вып. 32. М., 1991.
- Иорданская, Мельчук 1996 - Л.Н. *Иорданская*, И.А. *Мельчук*. К семантике русских причинных предлогов // Московский лингвистический журнал. Т. 2. М., 1996.
- Левонтина 1995 - И.Б. *Левонтина*. Словарные статьи предлогов *для иради*: к проблеме лексикографической интерпретации многозначности у служебных слов // Теоретическая лингвистика и лексикография: опыты системного описания лексики. М., 1995.
- Левонтина 1996а - И.Б. *Левонтина*. Целесообразность без цели // ВЯ. 1996. № 1.
- Левонтина 1996б - И.Б. *Левонтина*. Целевые слова и наивная телеология. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
- МАС 1988 - Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1-4. М., 1988.
- Радзиевская 1992 - Т.В. *Радзиевская*. Семантика слова *цель* // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
- Разлогова 1987 - Е.Э. *Разлогова*. Эксплицитные и имплицитные пропозициональные установки в причинно-следственных и условных конструкциях // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. Тезисы докладов рабочего совещания. М., 1987.
- Рахилина 1989 - Е.В. *Рахилина*. Отношение причины и цели в русском языке // ВЯ. 1989. № 6.
- СД 1955 - Б.Д. *Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1955.
- СУ 1939 - Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1-4. М., 1939.
- Grochowski 1980 - M. *Grochowski*. Pojęcie celu. *Studia semantyczne*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980.

© 2004 г. В. В. КАЗАКОВСКАЯ

**ВОПРОСО-ОТВЕТНЫЕ ЕДИНСТВА В ДИАЛОГЕ
"ВЗРОСЛЫЙ - РЕБЕНОК"***

1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Изучение диалога с участием ребенка раннего возраста позволяет проследить становление его коммуникативной компетенции (о трактовке этого понятия см. ниже) и трудности, с которыми сталкивается ребенок в этом процессе. Нас интересует формирование диалогического компонента коммуникативной компетенции, хотя его вычленение на раннем этапе весьма условно. Условность связана с ограниченностью и специфичностью формы выражения реакции и инициативы ребенка. Далее приводятся примеры минимальных диалогов (1-3), представляющие одну и ту же ситуацию на разных этапах развития коммуникативной компетенции:

(1) Взрослый (В.): *Что мишка делает?* (О спящем медвежонке.) Ребенок (Р.): *Ммм* (произносит напевно, будто укачивает кого-то, показывая тем самым, что медвежонок спит) (Юля К. 1.00.23)¹;

(2) В.: *Что кукла делает?* Р.: *Кука* [кукла] (Ира Л. 1.03);

(2а) В.: *Что делает (кукла)?* Р.: *Бай* (укладывает куклу спать) (Ира Л. 1.03); ср. идентичную ответную реплику ребенка на вопрос взрослого о номинации: (2б) В.: *Это кто* (о кукле)? Р.: *Бай* (Ира Л. 1.03) [примеры (2-2б) свидетельствуют о том, что ребенок воспринимает ситуацию глобально, не разграничивая ее компонентов - субъекта и действия];

(3) В. (вместе с ребенком смотрит видео): *А что Лиза в телевизоре делала?* Р.: *Аню* (укладывала куклу спать). В.: *Аню укладывала, И еще кого?* Р.: *Катю* (Лиза Е. 1.09.27).

Задачи, которые ставятся в данном исследовании, сводятся к следующему: (а) изучить особенности диалога "взрослый - ребенок"; (б) охарактеризовать понятие коммуникативной компетенции применительно к ранним этапам речевого онтогенеза и выявить наиболее существенные аспекты ее развития; (в) выяснить характер трудностей, сопровождающих процесс формирования коммуникативной компетенции ребенка; (г) наметить классификацию вопросо-ответных диалогических единств с инициативной репликой - частным вопросом, принадлежащим взрослому.

Овладение диалогом мы рассматриваем лишь в той мере, в какой этот процесс связан с функционированием вопросо-ответных диалогических единств разных типов. В качестве основной единицы анализа были избраны диалогические единства

* Работа выполнена в рамках грантов Президента Российской Федерации по поддержке ведущих научных школ НШ-1510.2003.6 "Петербургская школа функциональной грамматики" и РГНФ 03-04-00-386а "Семантические категории и их выражение в детской речи (на материале русского языка)".

¹ В статье принята следующая система представления примеров: в скобках указывается имя и начальная буква фамилии ребенка, а также его возраст - в годах, месяцах и днях (если это известно). В отдельных случаях учитываются фонетические особенности речи ребенка.

"вопрос - ответ", т. е. именно сцепки двух реплик, поскольку "тип реакции в большей или меньшей степени задается самим речевым стимулом, программируется им" [Арутюнова 1970: 45; Падучева 1982: 306].

В структурном отношении исследуемые диалогические единства представлены как минимальными (бинарными и тернарными, полными и неполными), так и сложными типами; в тематическом отношении учитывается объединение реплик в рамках одной микротемы².

Для наблюдений над развитием коммуникативной компетенции в диалоге использовались лонгитюдные записи спонтанного речевого взаимодействия взрослого и ребенка второго - третьего года жизни³. При анализе особое внимание уделялось функционированию вопросо-ответных диалогических единств в отрепетированных диалогах, необычайно частотных на ранних этапах речевого онтогенеза, например: *Как киска делает? Где у Ани глазки?*

Основные положения иллюстрируются материалом диалогических единств "частный вопрос взрослого - ответ на него ребенка".

2. ОСОБЕННОСТИ ДИАЛОГА "ВЗРОСЛЫЙ - РЕБЕНОК"

Диалог "взрослый - ребенок" по сравнению с обычным объектом теории диалога ("взрослый - взрослый") изучен значительно меньше. Можно назвать ряд отечественных работ, рассматривающих некоторые частные, хотя и весьма важные, аспекты этого вопроса: [Исенина 1985; 1989а; 1989б; Протасова 1988; Лепская 1997; Базжина 1992; Петрова 2001; Юрьева 2001]. Зарубежные исследования, посвященные ранней коммуникации, более многочисленны, однако они выполнены не на материале русского языка (см., например [Слама-Казак 1961; Bloom, Rocissano, Hood 1976; Dore 1977; Halliday 1978; Wells, Montgomery, MacLure 1979; Shatz 1983; Gumperz, Corago, Streeck 1986; Bloom 1991; Ervin-Tripp, Miller 1997]).

Процесс приобретения ребенком навыков диалогического общения не может рассматриваться онтолингвистикой⁴ изолированно, т. к. он неразрывно связан со стратегиями речевого поведения взрослого в диалоге с ним, а также в целом с так называемой грамматикой диалога. Е.С. Кубрякова в числе направлений анализа детской речи выделяет, в частности, изучение поэтапного становления определенных форм и компонентов языка, способное дать представление о том, "как должно быть организовано высказывание и дискурс в своих канонических формах" (выделено нами. - В.К.) [Кубрякова 1991: 146].

Исследование грамматики диалога в онтогенетическом аспекте проливает свет на то, как происходит моделирование речевого общения, позволяет описать, как "получается" диалог, каковы изначально те механизмы, которые связывают реплики партнеров в единое целое, и позволяет исчислить возможные способы развития диалога, поскольку "в нем формируется грамматика речи и прежде всего грамматика соединения речевых стимулов и реакций - своего рода диалогический синтаксис" [Арутюнова 1998: 683]. Вместе с тем именно материал диалога позволяет наиболее отчетливо проследить становление семантических категорий (например, локативности, субъектности/объектности, темпоральности, обусловленности, посессивности) [ТФГ 1987; 1990; 1991; 1992; 1996а; 1996б] и средств их языкового выражения в детской речи, т. е. исследовать формирование собственно языковой компетенции.

² О понятии диалогического единства см. [Шведова 1960; Рахилина, Крейдлин 1984; Рахилина 1990; Баранов, Крейдлин 1992а; 1992б].

³ Данные Фонда детской речи при лаборатории детской речи РГПУ им. А.И. Герцена (далее - ФДДР): записи Вари П., Ани С, Ромы Ф., Юли К., Димы С, Лизы Е., Кирилла Б., Пети и Максима Е., Ньюши Л., Леры Б., Иры Л., Вани П., Жени М., Максима Г., Вероники К., Нади Ж., Алеши К. и др. (рукопись).

⁴ Данный термин используем вслед за [Касевич 1998: 31; Цейтлин 2001: 5].

Изучение диалога с участием ребенка позволяет утверждать, что между "взрослым" диалогом и диалогом "взрослый - ребенок" наблюдаются значительные различия (см., например, [Цейтлин 2001: 12]).

В теории "взрослого" диалога довольно отчетливо дифференцируются типы общения: схема жанров общения взрослых, предложенная Н.Д. Арутюновой, включает, в частности, информативный, прескриптивный, фатический (и его разновидности) типы [Арутюнова 1998: 649]. Применительно к детской речи можно говорить, во-первых, о недоступности до определенного возраста некоторых жанров (типов): например, диалога - "обмена мнениями с целью принятия решения или выяснения истины" (спора или дискуссии), поскольку для такого типа диалога характерна "пресуппозиция компетенции (экспертное™)" партнеров - "тематическое единство при различии модусов" [Арутюнова 1998: 650-651]; во-вторых, о диффузности коммуникации матери и ребенка: ни один из типов диалога не выступает здесь в чистом виде. Так, на фоне протофатической коммуникации переплетаются (с изменением "удельного веса") прескриптивные элементы диалога, представленные как разного рода псевдovoпросы, и элементы информативные (точнее - псевдоинформативные). Отнюдь не "побочным продуктом" диалога с ребенком являются так называемые экзаменационные, или тест-вопросы: (4) В.: *Это кто?* (На рисунке изображены птички.) Р.: *Птита* (Ира Л. 1.03); (5) Р.: *Чай* (на кухне кипит чайник). В.: *Что надо сделать?* Р.: *Выключить* (Женя М. 2.06). Однако, кроме жанровой неопределенности, диалог с ребенком обладает и другими специфическими чертами, которые будут охарактеризованы ниже.

Можно полагать, что ряд подобных различий обусловлен тем, что в коммуникации "взрослый - ребенок", помимо трех традиционно выделяемых аспектов (предметно-содержательного, эмоционального и фатического), существует четвертый аспект - лингводидактический [Лепская 1997: 7; Цейтлин 2001: 10]. Строго говоря, последний является лингводидактическим по функции и метаязыковым по своей природе. Этот аспект непосредственно связан с разными сторонами развития ребенка и его обучения языку (нередко обучения интуитивного, не осознаваемого взрослым партнером) и - шире - обучения правилам речевой коммуникации. В диалоге осуществляется обучение одновременно в целом ряде сфер: когнитивной (происходит расширение представлений ребенка о мире), системно-языковой (ребенок овладевает единицами родного языка и правилами их употребления) и коммуникативной (ребенок учится быть партнером в диалоге). При этом указанные аспекты коммуникации не только совмещаются в рамках реплики при ведущем положении какого-либо одного из них, но и изменяют свою значимость по мере роста ребенка.

В диалоге "взрослый - ребенок" на ранних этапах явно преобладают фатический и лингводидактический аспекты. Доминирующее положение лингводидактической направленности диалога с ребенком обуславливает некоторые структурные особенности рассматриваемого типа диалогического дискурса⁵. Лингводидактические функции в диалоге с ребенком выполняют обе реплики взрослого в диалогическом единстве - как инициативная, так и реактивная: (6) В.: *Где носик у хрюши?* Р.: (Показывает и улыбается). В.: *Правильно, вот носик* (Юля К. 1.00.29); (7) В.: *Вот это что такое?* (О тупельке ребенка.) Р.: *Тяпа* [тапка]. В.: *Тапок* (Ира Л. 1.03).

Специфика диалога с ребенком наблюдается также в ролевом, структурном, тематическом, целевом и других отношениях. Переакцентированию в данном случае подвергаются условия успешности развития коммуникации и понятие коммуникативной неудачи⁶.

⁵ Мы используем термин "диалогический дискурс" в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть процессуальный аспект диалогического взаимодействия "взрослый - ребенок".

⁶ О понятии "коммуникативной неудачи" во взрослой диалогической речи см. [Ермакова, Земская 1993], в диалоге с ребенком раннего возраста см. [Казаковская 2002]; ср. транзакционную модель дискурса [Йокояма 1998].

В партнерско-ролевом аспекте указанная специфика проявляется в неодинаковом распределении ролей и коммуникативных интенций субъектов диалога: в значительной мере здесь преобладает инициатива взрослого. Мать, восполняя коммуникативную некомпетентность ребенка, берет на себя роли адресата и адресанта, и в этом отношении можно говорить о некоторой асимметричности диалога с ребенком, что, безусловно, предопределяет и структурные особенности диалога: (10) В.: *Где "ррр"? Где лёвушка* (речь идет об игрушечном львенке)? Р.: #⁷. В.: *Вон там лёвушка, наверху* (Дима С. 1.00.00).

В структурном отношении наблюдается использование однотипных бинарных диалогических единств, позволяющих взрослому формировать (а ребенку, соответственно, усваивать) определенные синтаксические модели, стабильные при всех доступных лексических вариациях [Цейтлин 2001: 13].

В тематическом плане характерна политематичность диалога с ребенком, т.е. диалог разворачивается как последовательная смена однопорядковых микротем (*Где у мишки глазки? Где у мишки ушки? Где у мишки носик?*), например: (11) В.: *А где у куклы... Что это у куклы?* (Показывает на глаз.) Р.: *Кука* [кукла]. В.: *Что это?* Р.: *Гась* [глаз]. В.: *Глаз! А это что?* (Показывает на нос.) Р.: *Гая* [т глаза]. В.: *А где... а носик?* Р.: У (показывает на нос у куклы) (Ира Л. 1.03). Очевидно, что естественный диалог взрослых опирается на значительно более сложные логические структуры и многообразные способы связи между темами и микротемами; по этим параметрам он существенно отличается от интересующего нас типа "детского" диалога.

При всей своей специфичности, диалог с ребенком в определенном смысле близок - как ни парадоксально это может показаться - к "прототипическому"⁸ диалогу взрослых. В диалоге с ребенком отсутствуют импликации, скрытые смыслы, конвенциональные косвенные речевые акты и другие явления, характерные для непрототипического диалога взрослых; в нем в большей мере представлено естественное соотношение инициативных и реактивных реплик стандартных диалогических единств, т.е. именно то чередование прямых ("лововых") вопросов и ответов, о котором писала Н.Ю. Шведова [Шведова 1960: 285]. Диалогу с ребенком противопоставлена диффузность значения инициативной реплики, присущая "взрослому" диалогу, а также - до некоторых пор - эллиптичность синтаксических конструкций и омонимия реплик.

Анализ внутреннего устройства минимального диалога позволяет сделать вывод о том, что каноничность диалога с ребенком опирается на изоморфизм составляющих его грамматических конструкций, названных Е.С. Кубряковой "простейшими и почти ритуальными" [Кубрякова 1991: 164]. Эта особенность диалога с ребенком обнаруживает логику общения⁹, управляющую коммуникацией. Именно логика общения определяет схемы связи инициативных и реактивных реплик/речевых действий и определяет грамматику диалога (см., например [Федорова 1991: 145]). В самом деле, прямой вопрос предполагает прямой ответ (т.е. предопределяет языковую форму реакции - сообщение), побуждение к действию вызывает желаемое действие или мотивировку отказа от него, а в некоторых случаях может вообще не требовать речевой реакции. В наименьшей степени провоцирует реакцию реплика-констатация, не оказывающая непосредственного влияния на поведение партнера по

⁷ Здесь и далее # - знак отсутствия ответной реакции.

⁸ Мы берем этот термин в кавычки потому, что, с одной стороны, определенные черты прототипа можно видеть в известных постулатах Г.П. Грайса, которые фиксируют характер течения и языкового воплощения "идеального" диалога; с другой стороны, проблема соотношения инвариантов и прототипов применительно к диалогу, насколько нам известно, еще не ставилась. Можно предполагать, что для диалога с ребенком существуют собственные прототипы, которые, впрочем, пока не найдены и не изучены.

⁹ См. также грамматику и семантику вопросов и - шире - логику вопросов и ответов Н. Белнапа и Т. Стила [Белнап, Стил 1981].

диалогу. Это более мягкий и более тонкий механизм речевого воздействия (см. также [Арутюнова 1998: 653—655]).

Как известно, само следование реплик в диалоге подчиняется законам тематичности, связности, определяется типом контакта и регулируется нормами речевого этикета. Важно отметить, что в диалоге с ребенком репликация осуществляется с учетом специфичности языковых средств, используемых на ранних этапах речевого развития, т.е. с учетом специфики языкового компонента коммуникативной компетенции. Начиная и развивая диалогические отношения, мать "приписывает" ребенку некоторую коммуникативную компетенцию, демонстративно рассматривая его в качестве равноправного партнера по коммуникации, даже на тех стадиях, когда компетенция ребенка предельно мала¹⁰.

Речь матери, обращенная к маленькому ребенку, в некоторых отношениях оказывается избыточной, например: (8) В. *Это кто?* (На картинке изображена собака.) Р.: *Мими* [мышка]. В.: *Вот это? Собачка. Кто это? Как разговаривает?* Р.: *Куюйй* (так обычно ребенок отвечает на вопрос, как "разговаривает" петушок). В.: *Как собачка разговаривает?* Р.: *Ававам* (Ира Л. 1.03). Обилие избыточных реплик взрослого отчасти объясняется лингводидактической направленностью и инициативной асимметричностью диалога, максимально учитывающих уровень развития коммуникативной компетенции ребенка, отчасти - своеобразной тактикой речевого поведения взрослого, в частности, утрированным выражением "обратной связи", поддержки, эмоциональных реакций, использованием повторов и переспросов в различных функциях¹¹: (9) В.: *Почему лиса плачет?* Р.: *Потому что... у нее дом растаял.* В.: *Растаял дом? Что же она теперь будет делать? Без дома-то? Что же она делать-то...* Р.: *Ваня ей построил прекрасный-прекрасный дом!* В.: *Другой, новый, прекрасный?!* (Ваня П. 2.06). Вместе с тем тактика максимально учитывает уровень коммуникативной компетенции ребенка.

3. РАННИЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ РЕБЕНКА В ДИАЛОГЕ

Ребенок последовательно овладевает тактикой и техникой ведения диалога. Двигаясь от так называемого протодиалога к диалогу, он приобретает коммуникативную компетенцию и становится полноправным партнером в диалоге. Становление коммуникативной компетенции ребенка представляет собой сложный поэтапный процесс, который осуществляется на фоне общепсихического (в том числе когнитивного, интеллектуального) и социального развития.

Понятие коммуникативной компетенции оказывается здесь одним из ключевых. Начиная с работ Н. Хомского, ведутся оживленные дискуссии о понятийном объеме и использовании терминов языковая компетенция (языковая способность) и языковая активность/коммуникативная способность/коммуникативная компетенция (термин Д. Хаймса) [Chomsky 1965; 1972; Hymes 1972; Van Ek 1987; Gumperz 1997]. Существуют различные представления о природе коммуникативной компетенции, о предпосылках ее возникновения и о ее структуре. При попытке создать концепцию становления коммуникативной компетенции мы сталкиваемся с проблемой отсутствия теории, которая описывала бы это развитие с той же четкос-

¹⁰ Это обстоятельство подтверждается и исследованиями (в том числе экспериментальными) в области психологии речи: "... взрослый с самого начала относится к младенцу как к субъекту и ведет себя с ним как партнер по общению. Более того, взрослый нередко "играет" и за ребенка как за второго участника общения, а в а н с о м н а д е л я я его действия смыслом и значением, которого они еще не имеют" (выделено нами. - В.К.) [Лисина 2001: 51]. О структурном и социолингвистическом аспектах регистра общения с русскоязычными детьми см. [Гаврилова 2002].

¹¹ О некоторых функциональных характеристиках реплик-повторов взрослого в диалоге с ребенком см. [Цейтлин 2001: 18 и сл.].

тью, какую мы наблюдаем в отношении описания компонентов языковой (системно-языковой) компетенции¹².

В самом общем виде можно трактовать коммуникативную компетенцию¹³ применительно к диалогическому дискурсу как совокупность определенных, разграниченных по ряду параметров коммуникативных навыков, позволяющую (в нашем случае – ребенку) быть полноценным партнером в диалоге. Необходима классификация этих навыков. Предлагаемый опыт классификации опирается на разделение навыков на два условных типа: системно-языковые и собственно коммуникативные.

Системно-языковые навыки определяются по каждому языковому уровню как фонетические, лексические, морфологические (включающие словообразовательные), синтаксические и трактуются как компоненты языковой способности человека. Эти компоненты связаны между собой, по мнению А.М. Шахнаровича, системой правил речевого и неречевого поведения прескрипторного характера, являющихся, по сути, правилами выбора функциональных элементов для реализации коммуникативных интенций в различных ситуациях. Ведущее место в этой онтогенетически формирующейся системе занимают правила выбора значения, адекватного задачам коммуникации [Шахнарович 1991: 191]. При таком подходе языковая способность соотносится с тем, что принято называть языковой компетенцией – владением языковым кодом, – и является базовым компонентом коммуникативной компетенции, обеспечивающим ее целостный характер и формирование навыков в других ее сферах¹⁴.

Собственно коммуникативные навыки связаны, видимо, с функционированием этих средств в реальном общении – диалоге (ср. коммуникативную компетенцию в монологе). При этом вопрос о соотношении системно-языковой компетенции, собственно коммуникативных навыков и коммуникативной компетенции чрезвычайно сложен и вряд ли может быть решен на данном этапе. С одной стороны, формирование собственно коммуникативных навыков немислимо без овладения языковой компетенцией, с другой – невербальные ответные реплики ребенка, свидетельствующие о несформированности языковой компетенции, могут, тем не менее, рассматриваться как проявление элементарных коммуникативных навыков.

Собственно коммуникативные навыки представлены двумя типами:

– о б щ е к о м м у н и к а т и в н ы м и (не связанными жестко с типологией речевых актов и обнаруживающими тем самым общедиалогическую коммуникативную компетенцию ребенка);

¹² Функционирование языковой способности русского ребенка неоднократно становились предметом пристального внимания исследователей, начиная с фундаментальных работ А.Н. Гвоздева [Гвоздев 1961; 1981; Шахнарович 1991; 2001; Лепская 1997; Цейтлин 2000]. О природе языковой способности, ее составе, предпосылках возникновения и факторах, способствующих ее развитию, см., в частности [Леонтьев 1965; 1975; Павлов 1968; Апресян 1980; Федорова 1980; Шахнарович, Лендел 1985; Сахарный 1989; Кубрякова 1991].

¹³ По мнению Б. Крафт, занимавшейся изучением развития способности к порождению диалога и монолога у детей от трех до шести лет, коммуникативная компетенция должна охватывать все требования, предъявляемые к коммуникативным видам деятельности, а также условия, в которых эти требования удовлетворяются [Крафт 1984; 1987]; ср. трактовку коммуникативной компетенции как способности использовать язык в прагматических целях общения [Шахнарович 1991: 198].

¹⁴ По мнению А.Р. Лурия, "компетентность" в языке и "применение" языка не возникают сразу и не являются двумя независимыми сущностями: «...сама "компетентность" в языке является результатом развития его применения и <...> только в процессе активного отражения деятельности и активного общения у ребенка возникает понимание языка» [Лурия 1975: 48]; однако существует также точка зрения, согласно которой языковая компетенция и собственно коммуникативная компетенция являются потенциально независимыми; одно из подтверждений этому находят в речи детей с аутизмом, где отмечается более быстрое развитие именно языковой компетенции.

- частнокоммуникативными (прикрепленными к разным типам речевых актов и, напротив, тесно связанными со структурно-семантическими особенностями данного диалогического единства с определенным типом инициативной реплики). Ср. примеры:

(1) вопрос: (12) В.: *Л ты точно помнишь, что был крокодил?* (В сказке про доктора Айболита.) Р.: *Угу* (Нюша Л. 2.10), ср. псевдovoпросы на более раннем этапе коммуникации: (13) В.: *Как ты с куклой играешь?* (Дает ребенку куклу.) Р.: *Бай* (начинает укачивать) (Ира Л. 1.03);

(2) побуждение: (14) В.: *Покачай ее, покачай.* Р.: *Эа* (произносит, почти не открывая рта) (Ира Л. 1.03); (15) В.: *Аня, дай маме соску.* Р.: *На, *сосай*¹⁵ (Аня С. 2.00.15); (16) В. (говорит, изображая медвежонка): *Я не умею читать. Почитай мне, Ваня, почитай.* Р.: *Я тебе дам очки* (Ваня П. 2.06);

(3) констатация: (17) В.: *И большая рыба распахнула свою пасть и...* Р.: *Ваня ее съел* (берет игрушечную рыбу в рот) (Ваня П. 2.06); (18) В.: *А на лодке сидел... Бармалей!* Р.: *Не хочу* (Ваня П. 2.06).

Объем "частнокоммуникативной" компетенции может ориентировочно определяться конечным списком речевых жанров, характерных для данной культурной традиции. Те частнокоммуникативные навыки, которые связаны с владением конкретными моделями диалогических единств, и те общекommunikативные, которые связаны с общедиалогическими умениями, в совокупности образуют важнейшую подсистему в структуре коммуникативной компетенции; эту подсистему можно называть диалогической компетенцией (ср. с коммуникативной компетенцией в монологе). Уровень реализации коммуникативной компетенции может считаться своего рода показателем уровня имплицитных знаний о данном типе коммуникации [Крафт 1987]. Можно полагать также, что метаязыковая деятельность ребенка обнаруживает уровень эксплицитных знаний.

Языковая компетенция ребенка раннего возраста, находящегося, по мнению психологов и онтолингвистов, в сенситивном для усвоения родного языка периоде развития, еще явно недостаточна. Речевой портрет ребенка в это время включает в себя следующие черты. Фонетический компонент языковой компетенции характеризуется крайне несовершенными артикуляторными навыками, которые являются причиной целого ряда фонетических процессов, свойственных начальной детской фонетике (см., например, перестановку звуков и слогов, субституцию, слоговую элизацию). Острая недостаточность вербальных средств (лексический компонент) порождает своего рода дисбаланс между довольно широким спектром коммуникативных интенций ребенка и ограниченностью вербальных средств выражения. На этом этапе коммуникативные интенции ребенка выражаются, как правило, при помощи носящих знаковый характер невербальных средств - протознаков (термин Е.И. Исениной): (19) В.: *Где баба?* Р.: (Опускает или разводит руки и смотрит вокруг) ("нет нигде") (Рома Ф. 1.01.22); ср. более поздние ответы на аналогичный вопрос: (20) В.: *Где nana?* Р.: *Машина ехать. Пошел папа гараж машина;* (20а) В.: *Где бабуля?* Р.: *Ванна мыть вода* (Рома Ф. 2.00.12). В грамматике в этот период начинается "шторм морфологии" - бурное освоение парадигматики основных частей речи. Развитие синтаксического компонента отмечено фактами первичного закрепления элементарных правил построения словосочетания и предложения [Гвоздев 1961; Цейтлин 2000]. Однако недостаточная языковая компетенция ребенка не означает полного отсутствия коммуникативных умений.

Исследователи отмечают, что на довербальном этапе и на этапе голофраз ребенок не владеет структурой диалога. Об этом свидетельствуют отсутствие коммуникативных актов инициации к взаимодействию с его стороны, неумение адекватным образом реагировать на вопросы взрослого, неумение начинать и поддерживать те-

¹⁵ Здесь и далее астериск (*) - знак (детской) грамматической инновации.

му (или микротему) диалога, а также добавлять новую информацию к тому, что присутствует в инициативной реплике взрослого [Исенина 1991]. Это положение дел преодолевается, как правило, благодаря усилиям матери. Мать обычно идеальный партнер по диалогу: она интуитивно демонстрирует ребенку роль языка в диалогическом общении, принимая при этом каждый "вклад" (взгляд, жест), который он вносит в диалог в роли субъекта, и интерпретируя его нужным образом: (21) Р. (проводит пальцами по встроенному в магнитофон динамику): *Кружок это, кружок*. В.: *Кружок? Это колонка такая у магнитофона* (Аня С. 2.02.07); (22) Р.: *Котенок бух*. В.: *Ты сама специально уронила, да, котеночка? Зачем? Ай-ай-ай, что Анечка делает! Всех роняет*. Р.: *Мама, поднимаем котеночка?* (Аня С. 2.02.07). Иными словами, мать интерпретирует внешние формы поведения ребенка как коммуникативно значимые, широко используя при этом повторы для моделирования и закрепления важных в складывающейся коммуникации действий, для расширения их репертуара; см., например, следующий диалог: (23) В.: *Как ты Новый год встречала? Куда мы с тобой ходили?* Р.: *Говий ночь*. В.: *Не "Говий нот", а Новый год. Расскажи, кого ты видела. Куда мы с тобой ходили?* Р.: *Деда Мороза с бородой*. В.: *На елку ходили с тобой? Дед Мороз с бородой там был, да? А Анечка там танцевала, да?* Р.: *Маша танцевала*. В.: *Маша танцевала с тобой* (Аня С. 2.02.07).

Овладение первыми представлениями о причинах и последствиях коммуникативных актов начинается на первом году жизни, когда ребенок еще не умеет продуцировать высказывания [Брунер 1984]. Способность начать диалог, т. е. вербально привлечь внимание взрослого, и попытки обозначить его тему появляются у ребенка приблизительно в возрасте полутора лет. Его первыми речевыми актами являются эхологические повторы, утверждения (и попытки оценки), просьбы и переспросы [Кубрякова 1991: 149; Krauss, Glucksbergs 1969; Halliday 1978]. Несколько раньше ребенок начинает постигать базовые принципы ведения диалога - интенциональность¹⁶ и реплицирование. При этом бывает довольно трудно определить, чем вызваны ранние спонтанные инициативные акты ребенка: желанием общаться или же каким-то дискомфортом. "Приписывая" функции частично ненаправленным поведенческим актам и вокализациям ребенка и реагируя на них соответствующим образом, взрослый учит ребенка совершать в определенных условиях определенные действия, направленные на партнера и приводящие к определенным последствиям. Такая стратегия взрослого является важной предпосылкой овладения коммуникативной компетенцией. Новым этапом развития диалогической компетенции ребенка можно считать переход от диалога "в мире вещей и с помощью вещей" к диалогу "в мире слов и с помощью слов", что, как правило, происходит приблизительно в два года. В это время отмечается появление подлинного диалогического взаимодействия, которое определяется возникновением совместной цели, в качестве которой, в частности, может выступать обмен мнениями, чувствами [Исенина 1991]. Об этом свидетельствует коммуникативное поведение ребенка: он начинает ждать ответа после своего обращения к взрослому¹⁷.

Структура начального диалогического взаимодействия включает различные средства достижения цели. К их числу обычно относят действия по привлечению и удержанию внимания к теме разговора, действия, маркирующие и согласующие начало, продолжение и окончание говорения и слушания партнеров по диалогу, действия по переходу к новой теме и компенсации коммуникативных неудач.

Собственно коммуникативную компетенцию ребенка от года до трех лет можно представить следующим образом. К числу показателей его общекommunikативной компетенции можно отнести начальные умения. В конце первого - начале второго

¹⁶ Подразумевается наличие коммуникативной интенции как исходное условие начала диалога.

¹⁷ См., например, дневниковые записи Ромы Ф., Ани С., Лизы Е. (ФДДР).

года¹⁸ это умение совершать одновременно два действия: воспринимать реплику партнера¹⁹ и планировать собственную ответную реплику, а также умение соблюдать очередность реплик, осуществляя тем самым реплицирование²⁰ - регулярный обмен высказываниями-репликами, связанными содержательными и лексико-грамматическими отношениями. С середины второго года появляется умение продуцировать как реактивные, так и инициативные реплики всех типов; ребенок может начинать новую тему и микротему. На третьем году начинается продуцирование развернутых (в известном смысле) актантных структур в диалогическом единстве. Как правило, синтаксическая сложность вопросов ребенка соотносится с имеющимися в его репертуаре императивами и констатациями; вопрос - отнюдь не первый речевой акт, с которого начинается ребенок²¹.

Дальнейшее развитие диалогической компетенции охватывает ситуативное эллиптирование (контекстуальное становится возможным позже), умение "налаживать и прочищать канал коммуникации" в случае его "засорения" (использовать, например, переспросы при недослышании или недопонимании), а также нарочитое побуждение к ответному высказыванию и вообще вступлению в диалог, т.е., иными словами, умение использовать реплики в метакоммуникативной и фатической функциях. Умение "втягивать" собеседника в диалог (вплоть до провокации общения) является одним из важнейших навыков, поскольку такое втягивание является "сутью интерактивного взаимодействия" [Gumperz 1997]. В следующем примере Ира Л. (2.08), до этого тщетно пытавшаяся завязать диалог со своей старшей сестрой Галей (8.0), явно не расположенной в данный момент к общению, находит, наконец, беспроигрышную, в ее представлении, тактику: она инициирует новую тему, которая не может оставить собеседника безучастным: (24) Р. (Ира): *Я таракана съела. Я, наверное, таракана съела. Ты думаешь, я таракана съела?* Р. (Гая): *Я так думаю, что ты таракана съела, хотя... Давай поцелую тебя*²².

Таков начальный репертуар собственно коммуникативных умений ребенка. Это означает, что он еще не способен учитывать общие фоновые знания (апперцепционную базу) и фактор адресата. Еще не сформирован механизм выбора средств, связанных с взаимоотношениями партнеров или коммуникативной интенцией, отсутствует "авторское" прогнозирование ожиданий, составляющее фон всего диалогического дискурса и отдельных его реплик. Не "прочитываются" ребенком и скрытые смыслы (или имплицитное содержание, которое непосредственно не отражено в узу-

¹⁸ Здесь и далее даются некоторые возрастные характеристики обсуждаемых фактов (коммуникативных умений), поскольку при исследовании становления механизмов речевой деятельности "нельзя обойти вопрос о том, как и в какой последовательности появлялись они в речи ребенка" [Кубрякова 1991: 141].

¹⁹ Общие положения, выдвинутые на основе анализа различных теоретических представлений о процессе речевого восприятия, см., например [Зимняя 1976: 28-30], однако "скольконибудь единая и полная" теория речевого восприятия к настоящему времени еще не создана [Шахнарович 1991: 211].

²⁰ Умение ожидать своей "реплики" - очереди в диалоге - владельцы домашних животных отмечают у своих питомцев. Дело в том, что речь, обращенная к ребенку, действительно, в некоторых отношениях похожа на речь, обращенную к животному. Младенцы (равно как животные и птицы) способны к звуковой и жестовой реализации обратной связи, что обусловлено проявлением фатической, эмотивной и апеллятивной функций. Это подтверждают, в частности, исследования М.В. Китайгородской и О.П. Ермаковой [Китайгородская 1993; Ермакова 1988]; разговоры с кошками, собаками и даже цветами в горшках Р.М. Фрумкина называют псевдо-диалогами [Фрумкина 2001: 38].

²¹ Подробнее о синтаксическом и интонационном анализе вопросов ребенка в диалоге см. [Казаковская, Люблинская 2000].

²² Пример Надежды М. Ли.

альных значениях языковых единиц данного высказывания, но которое может быть извлечено из него)²³; соответственно, не происходит адекватной реакции на них.

Особого внимания применительно к диалогу "взрослый - ребенок" заслуживает проблема модуса²⁴, поскольку выражение модусной семантики является одним из важнейших компонентов коммуникативной компетенции ребенка. Модус, по мнению Н.Д. Арутюновой, является "важнейшим компонентом диалогической речи, активно участвующим в механизмах связывания реплик" [Арутюнова 1998: 656]. В диалогической речи взрослых (в отличие от монологической) "модус регулярно вводится в высказывание" (по Ш. Балли, это эксплицитный модус [Балли 1955]). Тем не менее, в репликах ребенка осознанный вербализованный модус, представленный модусной рамкой, до определенного возраста довольно редок (за исключением, пожалуй, просодических коррелятов эмотивного и волитивного типов). Концепция "вербального эгоцентризма" отрицает различие между собственной точкой зрения и точкой зрения другого. Это обусловлено спецификой детской языковой личности: отсутствием в сознании ребенка других точек зрения, непротиворечивостью и целостностью его мировосприятия. Поэтому эксплицитная модусная рамка в детской речи - это свидетельство формирования нового плана отражения действительности и становления этапа интеллектуальной децентрации: осознания своего Я и своей точки зрения, их координации через взаимодействие с другими (ср. Я и Другой в концепции Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1998: 647-649]). Такое толкование проблем, связанных с модусом в детской речи, хорошо согласуется с исследованиями в области психологии речи. Отношения "кооперации", по Ж. Пиаже, порождают у ребенка потребность приспособить свою позицию к окружающему; столкновение с чужим опытом приводит к возникновению сомнений и осознанию существования других точек зрения [Пиаже 1932; Фрумкина 2001]. Тем самым происходит процесс, который называют формированием рациональных элементов в логике и этике [Выготский 1956; Обухова 1995]. Эксплицитные формы редуцированного модуса, представленные ментальными, эмотивными и фатическими эгоцентрическими модусными рамками (Я-модусными рамками), появляются, как правило, на третьем году жизни [Казаковская 1997]: (25) Р.: *Видишь, машинка едет? Слышишь, стучит?* (Аня С. 2.01.16); (26) Р.: *Мама, красиво, правда?* (Аня С. 2.02.16); (27) Р.: *Мам, кто ел конфетку? Наверное, Анька* (Аня С. 2.03.14). Ср. более поздние варианты эксплицитного модуса в диалоге: (28) В.: *Наташа, а кто тебя обещал забрать? Р.: Наверное, папа заберет. В.: Почему? Р.: Потому что мама бы давно меня забрала* (Наташа Н. 3.06); (29) В.: *А Алена, два года, разве ж она была моряк? Р.: Конечно, она девочка, токо... видно, у нее папа был капитан* (Нюша Л. 4.03); (30) В.: *Может, понравится?* (О еде, которую отказывается есть ребенок.) Р.: *Навряд ли. Очень сомневаюсь* (Алеша К. 8.06). При этом особую сферу представляет собой речевой модус: (31) В.: *Наташа <...> кто тебя привел* (в детский сад. - В.К.)? Р.: *Можно сказать, что папа. Да, скажем, папа привел. В.: Почему "можно сказать"?* Р.: *Папа меня до забора довел и вот так помахал* (показывает) (Наташа Н. 3.06).

Ребенок не умеет избегать ситуаций коммуникативных неудач, а тем более преодолевать их. В его реактивных и инициативных репликах, как правило, еще не используются спонтанно и адекватно речевые формулы и штампы (отказа, согласия, просьбы). Другими словами, ребенок еще не умеет пользоваться средствами, направленными на построение гармоничных межличностных отношений партнеров по диалогу и изучаемыми прагматическими. Довольно редкий случай представляет в этом отношении следующий пример, фиксирующий первое использование штампа

²³ Имеется в виду существующая дифференциация скрытых смыслов, например, намеки, умолчания, импликации, пресуппозиции (см., в частности [Долинин 1983; Масленникова 1999]).

²⁴ Мы опираемся здесь на идеи, высказанные Н.Д. Арутюновой в связи с исследованием модуса в контексте диалогической речи взрослых [Арутюнова 1970; 1998].

(в ответ на отказ матери взять проездной билет): (32) В.: *Не хочу, Анечка*. Р.: *Не хочешь - как хочешь* (Аня С. 2.01.11). Ребенок не владеет также приемами "сжатия" диалога, правилами и способами его "затягивания". Еще не развита система "рессорных" реплик [Арутюнова 1998: 679, 681]. Недоступна до определенного времени и "апелляция к интенциональному состоянию" адресата, к его эпистемическому статусу (прием "иллюктивного самовынуждения", по А.Н. Баранову и Г.Е. Крейдлину, или, как ранее назвала это явление Н.Д. Арутюнова, "шаг назад" [Арутюнова 1998: 659; Баранов, Крейдлин 1992: 90]²⁵): (33) Р.: *А знаете, что мне папа купил?* (Лера Б. 3.07.17)⁴

К четырем годам ребенок обладает уже относительно развитой коммуникативной компетенцией, его диалогическое поведение многообразно. Дальнейшее развитие коммуникативной компетенции ребенка - особая тема, которую мы оставляем за рамками данной работы.

4. СТРУКТУРА ДИАЛОГА "ВЗРОСЛЫЙ - РЕБЕНОК": ВОПРОСО-ОТВЕТНЫЕ ЕДИНСТВА

Общее количество диалогических единств с инициативной репликой — вопросом взрослого в рассматриваемый период очень велико. На более ранних этапах это обусловлено "имитирующим" характером диалога, на более поздних - его лингводидактической направленностью. Иными словами, при одинаковом количественном показателе вопросная реплика со временем меняет свою доминирующую функциональную направленность. Заметим, что такое положение дел наблюдается во всех изученных в данном отношении языках²⁷.

С помощью вопросов взрослого в сознании ребенка осуществляется необходимая для его когнитивного и речевого развития работа по первичному структурированию языковой материи и упорядочению языковых явлений. Этот процесс отнюдь не прямолинейно отражает категоризацию деятельности и ее восприятия [Thinking 1977].

Вопросы, используемые матерью в различных функциях с опорой на зону ближайшего развития (по Л.С. Выготскому), оказываются существенными в становлении самой языковой системы ребенка, всех ее компонентов, т. е. в становлении языковой компетенции и в формировании собственно коммуникативной компетенции. В первую очередь мы имеем в виду роль вопросо-ответных диалогических единств в развитии синтаксиса детской речи, поскольку вопросы служат средством осознания смысловых отношений между компонентами ситуации. С помощью вопросов осуществляется становление семантических категорий и средств их языкового выражения²⁸.

Вопросы матери позволяют отчасти проследить механизмы воздействия речи, обращенной к ребенку, - инпута - на складывающуюся языковую систему ребенка. На материале русского языка эти механизмы до сих пор остаются практически неизученными. Замечание Н.Д. Арутюновой о том, что говорящий формирует адресата, в нашем случае может быть прочитано буквально, поскольку речеповеденческий потенциал адресата развивается в онтогенезе под воздействием фактора говорящего.

Классификация вопросных диалогических единств в дискурсе "взрослый - ребенок" может строиться на нескольких основаниях: целевом (ведущем), семантичес-

²⁵ О вопросительных предложениях нестандартной семантики с глаголом *знать* см. [Падучева 1985: 240 и ел.].

²⁶ Перечень коммуникативных навыков имеет предварительный характер и не претендует на полноту.

²⁷ На материале русского языка высокая частотность вопросов с ее последующим снижением по мере взросления ребенка отмечена в [Кузьмина 1995; Гаврилова 2002].

²⁸ Например, подробно об освоении локативности и средств ее выражения, а также о роли вопросов в этом процессе см. [Казаковская, Цейтлин 2000; Казаковская 2001].

ком (учитывающем в том числе диктумную или модусную ориентированность реплики)²⁹, структурно-формальном³⁰.

Начальный репертуар вопросов матери на 95% представлен псевдовопросами, основная функция которых - формирование первичных коммуникативных навыков. Такие "тест-вопросы" не могут быть квалифицированы как риторические; скорее, их следует квалифицировать как особого рода косвенные речевые акты - вопросы, заданные не с целью получения необходимой информации, а с целью привлечения внимания ребенка, побуждения к действию или его имитации: (34) В.: *Чья это ручка?* Р.: (Рассматривает свою руку и улыбается) (Юля К. 1.00.01); (35) В.: *Где твои сапожки?* Р.: (Несет сапожки) (Юля К. 1.00.01), а также с тем, чтобы предостеречь ребенка: (36) В.: *Митя, куда полез?* (в реплике имплицирован запрет "нельзя, упадешь") Р.: *Туда* (Дима С. 1.11.28). Такой ответ ребенка, скорее всего, показывает, что последний еще не способен учитывать подлинную иллюкутивную силу вопроса.

В семантическом аспекте можно наметить следующую предварительную классификацию. Семантические типы частных вопросов матери отражают набор базовых представлений о субъекте, объекте, месте, действии и некоторых других, доступных уровню когнитивного развития ребенка в раннем возрасте. На их основе строится "здание концептуальной системы мира" [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996; Кравченко 1997]. Вместе с тем такие вопросо-ответные единства обозначают ситуации, которые могут являться темой (микротемой) диалога с ребенком раннего возраста. Система первых вопросов взрослого включает, в частности:

1) вопросы о номинации и идентификации предмета - *кто-* и *что-*вопросы: *Кто это?* На третьем году жизни появляется *Как это называется?*: (37) В.: *Как этот цветочек называется? Знаешь?* Р.: *Да* (Аня С. 2.06.17);

2) вопросы - побуждения к звуковой или действительной имитации: *Как собачка гавкает? Как лялю укачиваешь?* Позже: (38) В.: *А как он говорит, когда стучит по дереву (о дятле)?* Р.: *Тук-тук* (Лиза Е. 2.00.08);

3) локативные (в широком смысле) - *где-* и *лгудя-*вопросы: *Где твоя машинка? Где носик у хрюшки? Куда пойдём? Куда девочки побежали?*; ср. также: (39) В.: *А откуда у тебя этот Винни-Пух?* (Речь идет об обстоятельствах появления игрушки.) Р.: *Мама дарила* (Аня С. 2.02.07);

4) вопросы о действии (его номинации или экспликации намерений) с глагольным местоимением - *Что делать? Что делает X?: Что мальчик делает? Что делать будешь?*: (40) В.: *А утка что делает?* Р.: *Стоит* (Лиза Е. 2.00.08); ср.: (41) В.: *А что утки обычно делают? Помнишь?* (Лиза Е. 2.00.08);

5) посессивные вопросы: *Чьи ключи?*: (42) В.: *А чей кувшинчик?* Р.: *Алешеньки* (Лиза Е. 2.01.25).

В диалоге с ребенком третьего года жизни мать начинает активно использовать количественные и качественные вопросы, а также вопросы с семантикой обусловленности: (43) В.: *А какого цвета белка?* Р.: *Хорошая* (Лиза Е. 2.00.08); (44) В.: *Как у кого клюв у уточки?* Р.: *Как (у) воробышка* (Лиза Е. 2.01.05); (45) В.: *<Это не одно колесо.> А сколько? Можешь сосчитать?* (Лиза Е. 2.01.05); (46) В.: *Зачем карандашики мочишь?* Р.: *Потому что не рисуются* (Аня С. 2.06.17); (47) В.: *Сколько стоят твои часы?* Р.: *Большие-ие часы. Грома-адные. Вот сколько стоят* (Ваня П. 2.11); ср.: (48) В.: *Это сколько ты мне принес?* Р.: *Сколько ты хотела* (Дима С. 2.06).

Внутри каждого семантического типа начинает развиваться формальная вариативность средств выражения, ср.:

²⁹ О различении реплик диалога, ориентированных на модус или на диктум, см. [Арутюнова 1998: 656].

³⁰ О вопросительных репликах взрослого, обращенных к ребенку раннего возраста, см. [Казаковская2000].

(49) В.: *Что это?* - В.: *А что у павлина такое большое-пребольшое?* (Лиза Е. 2.01.05);

(50) В.: *Кто это?* - В.: *А это что за птица?* (Лиза Е. 2.01.05);

(51) В.: *А что он ест? Какую еду?* Р.: *Творожок* (Лиза Е. 2.01.05).

На третьем году жизни ребенка появляются новые разновидности вопросов, - в частности, к адресату, инструменту, делиберату, различным типам субъекта и объекта [Золотова 1988]: (52) В.: *Кого она держит* (о кенгуру с детенышем)? Р.: *Кенгуренка* (Лиза Е. 2.00.28); (53) В.: *А этот мальчик на ком сидит?* Р.: *(На) черепахе* (Лиза Е. 2.00.28); (54) В.: *Чем мы заклеивали эту книжечку?* Р.: *<...> Другим клеем* (Лиза Е. 2.00.28); (55) В.: *А кто починил большую гитару?* Р.: *Мамочка* (Лиза Е. 2.01.05).

Самая общая тенденция в развитии вопросных реплик взрослого - движение от вопросов о ситуациях наблюдаемых к вопросам о ситуациях ненаблюдаемых: ср. *Что ты делаешь?* —> *Что делал?* и *Что будешь делать?*

Постепенно начинают использоваться "нежестко-синтаксемные" вопросы³¹, самыми показательными среди которых являются так называемые ситуативные вопросы: *Что там, зайчик? Что пицишь* (= что случилось, почему пицишь)?

К числу направлений в функциональном развитии вопросных реплик взрослого можно отнести использование вопросов в метакоммуникативной (*Что-что ты говоришь?*) и метаязыковой функциях (*Как ты его называешь? А как ты теперь правильно называешь?*), рассчитанных на адекватную реакцию со стороны ребенка (повторение, уточнение), а также вопросов, ориентированных на модусную семантику (*Как ты считаешь? Ты считаешь, он маленький? Как ты думаешь, какая это буква? Почему ты так думаешь?*). Модусные вопросы в речи, обращенной к ребенку, также способны выполнять функции, связанные с процессом обучения языку, что и показывают приведенные примеры. При этом растет когнитивная сложность семантики вопроса, а также усложняется актантная структура самой конструкции: ср.: *Где шапка? - Что надо надеть, чтобы выйти?; Как на улице? - Что там дует в саду?; Где наши сапожки? - А у тебя на ножках что уже?;* (56) В.: *Это какой, какого цвета?* (как правило, мать интуитивно и абсолютно правильно задает параметр многозначного качественного вопроса) Р.: *Красный* (Дима С. 2.01); (57) В.: *А какой должен быть крокодил?* Р.: *Зеленый* (Дима С. 2.07).

Отдельную проблему составляет интерпретация более поздних вопросов типа *Что надо (было/будет) сделать? Что он хотел сделать?* и появляющихся приблизительно с конца второго года так называемых этикетных вопросов *Ты поела? Что надо сказать?* Подобные вопросы (волюнтивные, в терминологии Г.А. Золотовой) попадают в сферу предикатной модальности долженствования: (58) В.: *Аня, спасибо. Что нужно сказать?* Р.: *Пожалуйста* (Аня С. 2.01.07).

Последовательность появления вопросов взрослого является универсальной, так как определяется когнитивными возможностями ребенка, хотя различия в "паспортном" возрасте могут быть весьма существенными - до полугода и больше [Слобин 1976; 1984; Bloom 1991].

В результате анализа реплик-реакций ребенка была намечена предварительная классификация ответов на вопросы и тем самым выявлены отдельные навыки, выделены этапы в развитии ответных реплик³² и обнаружены причины коммуникативных неудач. Действительно, можно с определенной долей уверенности говорить о существовании этапа отсутствия реакции, этапа имитации (на этой стадии весьма пока-

³¹ "Жестко-синтаксемные" вопросы взрослого, в отличие от "нежестко-синтаксемных", соответствуют по грамматической форме предполагаемой ответной реплике ребенка (например: *Где?* - *Там; Куда?* - *Туда*) [Казаковская, Цейтлин 2000]. Оба типа вопросов относятся к классу диктумных вопросов.

³² О типах когерентности и интонационном оформлении ответных реплик ребенка в диалоге см. [Краузе, Люблинская 2000].

зательно явление, называемое "феномен-эхо" [Кубрякова 1991: 151]), этапа вынужденной краткости³³, синтагматического ограничения, этапа структурно-семантической избыточности и, очевидно, этапа нормативного (узуального). Кроме того, анализ позволил описать начальные этапы процесса "размораживания" актантов предиката (или процесс реализации его валентностей) и, соответственно, процесс "развертывания" синтагматической "цепочки" ответного высказывания. По мысли С.Д. Кацнельсона, усвоение языка состоит именно в усвоении валентностей предиката [Кацнельсон 1972].

Можно выделить некоторые типы ранних коммуникативных неудач, проявляющихся, в первую очередь, в отсутствии ответной реакции; их распространенными причинами являются когнитивная недоступность определенных семантических отношений или неосвоенность диалогической техники (отсутствие определенных общекоммуникативных навыков). На более поздних этапах фиксируются следующие типы:

а) отсутствие ответа, вызванное лексическим дефицитом: (59) В.: *Кто это* (об олененке)? Р.: # (Юля К. 1.00.01); ср.: (60) В.: *Что мальчик делает?* (Собирает ягоды.) Р.: *Дядя* (так в это время вообще называет мальчика)³⁴ (Юля К. 1.00.01);

б) неадекватная реакция (например, вместо ответа на частный вопрос в качестве реакции следует императив или несоответствующее действие): В.: *Как люлю укачиваешь?* Р.: (Начинает капризничать, баловаться, отвлекаться); (61) В.: *Что тут мишка делает?* Р.: *Мм* (отвлеклась, устала рассматривать картинку) (Юля К. 1.00.01); (62) В.: *Где комбинезон?* Р.: (Пытается надеть шапку) (Юля К. 1.00.01);

в) неверный ответ: (63) В.: *А это кто?* (На картинке изображен спящий медведь.) Р.: *Тсь, тсь* (так называет в это время кошку) (Юля К. 1.02.05); ср. ранее (64) В.: *Кто это, Юля?* Р.: *Ммм* (вынимает из ящика игрушку)³⁵ (Юля К. 1.00.29); (65) В.: *Юля, кто это* (о собаке)? Р.: *Дядя, дядя, дядя*³⁶ (Юля К. 1.00.10).

Успешное реплицирование начинается на этапе голофраз - однословных высказываний³⁷. Однако в это время, помимо собственно голофраз ("замороженного" именительного падежа и ономапей), в ответных репликах ребенка может присутствовать адекватное действие и/или его имитация, а также вокализации, которые ранее - еще на дословесном этапе - помогли ему реализовать свои первые интенции в диалоге [см. также в этой связи жесты (или поворот головы, остановка взгляда на названном предмете) и звуковые комплексы]. Такого рода реплики представляют собой однословный этап (этап так называемой вынужденной краткости), а ответы являются "первоначальными актами референции" [Кубрякова 1991: 176].

Практически всегда "результативны" *как-вопросы* взрослого: ребенок довольно рано начинает отвечать на них действием или имитацией: В.: *Как мишка делает?* Р.: *Пи*; к концу второго года: (66) В.: *Как гремел* (гром)? Р.: *Вот так* (при этом размахивает рукой), - в данном случае это первый вербальный ответ вместо воспроизведения (Дима С. 1.08.18), а позже появится: - *Громко*.

³³ Имеется в виду то обстоятельство, что краткость бывает как вынужденная, так и иная, основанная на умелом эллипсисе, учете фактора адресата и ситуации общения, т. е. краткость, отражающая более высокий уровень коммуникативной компетенции; ср., например, ответные реплики на вопрос "*Понравилась (о сказке)?*" - "*Да*" и "*Понравилась*" и "*Очень*".

³⁴ В дневнике отмечается, что на вопрос о заинтересовавшей ее картинке девочка правильно ответить не может, но улыбается и показывает на мальчика (ФДДР).

³⁵ См. комментарий к ситуации, данный матерью: "Эта игрушка ей очень нравится, но пока мишку никак не называет" (ФДДР).

³⁶ Ср.: «Юля не обращает внимания на собаку и упорно тычет пальцем на картинку с уткой, почему-то называя утку "дядя"» (ФДДР).

³⁷ Характеризуя эти простейшие акты речи, Е.С. Кубрякова подчеркивает тот факт, что «общение начинается "без синтаксиса" - синтагматической последовательности слов еще нет. Но уже есть "лексика" (название) и уже есть прагматика (иллюкутивное значение речевого акта) и, возможно, начатки грамматики» [Кубрякова 1991: 166].

В ответах на *кто-* и *что-*вопросы содержатся голофразы (в том числе ономотопеи) и некоторые характерные действия: (67) В.: *Что это?* Р.: *Зызь* (голофраза обозначает еще не расчлененную на части ситуацию - и машину, и все, что с ней связано) (Юля К. 1.00.01); (68) В.: *Кто это* (о зайце)? Р.: (изображает зайца, делая игрушкой прыгающие движения) (сама номинация в начальном лексиконе ребенка пока отсутствует) (Юля К. 1.00.29).

Видимо, внутри этой формальной группы с появлением предиката в структуре вопроса в дальнейшем появляются вопросы к актантам - прямому объекту, адресату, агенту, инструменту: (69) В.: *Кого дать?* Р.: *Лвав*; (70) В.: *Что мы еще сюда положим?* Р.: *Няня* (т.е. куклу); (71) В.: *А что папа тебе только что вкусенькое давал?* Р.: *Конфета* (Дима С. 1.05.15); (72) В.: *Кому ты хочешь отдать утенка?* Р.: # (Дима С. 1.05.15).

В однословном ответе также может происходить замена номинации объекта (денотата) номинацией действия: (73) В.: *А что у тебя во рту?* Р.: *Куришь* (Дима С. 1.08.18). Очевидно, в качестве "предвестника" двусловных ответов можно рассматривать высказывания следующего типа: (74) В.: *Кого тебе еще дать?* Р.: *Ня* (в значении "дай") - при этом показывает на игрушечную собаку (= "Дай собаку") (Юля К. 1.02.05).

Первыми ответными реакциями на локативные где-вопросы являются действия, в том числе совмещенные с указательными жестами, и голофразы, отражающие нерасчлененные ситуации [Казаковская, Цейлин 2000]: (75) В.: *Где папа, а?* Р.: *Папа* (показывает пальчиком на дверь) (Юля К. 1.00.29); (76) В.: *Где твои штаны, кофточка?* Р.: (Направляется к тумбочке, где лежат ее вещи, вытаскивает и кофту, и штаны) (Юля К. 1.00.10); (77) В.: *Где собачка?* Р.: *Ава* - и показывает на игрушечную собаку. Интересны ответы-голофразы и на директивные вопросы, отражающие недифференцированные ситуации: (78) В.: *Куда пойдём?* Р.: *Ававав* ("Смотреть собак на улицу, гулять") или - показывает на дверь, за которой стоит коляска ("Гулять"); (79) В.: *Куда пойдём?* Р.: *Ммм* ("Спать").

Многозначность качественных вопросов предполагает, конечно, обозначение матерью параметров спрашиваемого в вопросе, поскольку заключенная в них базисная синтаксема оказывается основой не только целого ряда признаков (например, размера, цвета, веса, вкуса) [Ященко 1999], но и родо-видовых отношений. Ср.: (80) В.: *Яблочко какое, Лизочка?* Р.: *Маленькое*; В.: *А какого она цвета, Лиза?* (О чашке.) Р.: *Маленькая* (Лиза Е. 1.09.27); (81) В.: *Митя, какая это циферка?* Р.: # (Дима С. 1.03); (82) В.: *Лиза, какую песенку ты знаешь?* Р.: *Про пони* (Лиза Е. 1.09.27); (83) В.: *Яичко не простое, а какое?* Р.: (Поднимает руки вверх); так обычно ребенок передает смысл "большой" (Дима С. 1.03). В последнем случае ошибочный ответ, очевидно, спровоцирован известной ребенку отрететированной ("рутинной") вопросной репликой о нем самом *"Митя какой?"*.

Далее анализируется группа примеров, дающих представление о принципах построения типологии ответных реплик. Обратимся к вопросам о *действии* (или его номинации) с глагольным местоимением *Что делать?: Что ты делаешь? Что делает X* (некто)?, сюда же входят вопросы о намерениях (экспликация намерения) типа *Что ты хочешь сделать?* Эти вопросы интересны тем, что оказываются среди первых структур, в большей степени "провоцирующих" развертывание в ответе синтагматической "цепочки", о которой шла речь выше. В голофразах справедливо усматривают источник формирования будущих более сложных синтаксических конструкций. Этот процесс может быть связан с выходом за пределы одного слова, т.е. "с умением развернуть цепочку слов, добавляя к этому новые компоненты" [Кубрякова 1991: 158]. Представляется важным рассмотреть особенности протекания этого процесса (развертывания синтагматической цепи)³⁸.

³⁸ Следует обратить внимание на то обстоятельство, что "правила синтагматики - расположения слов в синтаксических конструкциях <...> - усваиваются ребенком аналогично тому, как он усваивает схемы деятельности с окружающими его предметами" [Кубрякова 1991: 158].

Ответная реакция ребенка на *что делать-вопросы* может быть представлена:

(а) невербально (в том числе адекватным имитирующим действием): (84) В.: *А на что делает?* Р.: (Показывает пальцем на глаз) ("Снимает на видеокамеру") (Дима С. 1.05.15);

(б) вербально: (85) В.: *Что пилочкой делают?* Р.: *Пилим* (пытается показать). В.: *Молодец, а ножничками что делаем?* Р.: *Так тать* (Дима С. 1.03).

Вербальные ответные реплики ребенка включают:

1) нерасчлененные реплики-голофразы, обнаруживающие лишь некоторое "тяготение" к предикату (ономатопеи, "замороженный" именительный падеж): (86) В.: *Что ты делаешь?* Р.: *Зьзь* (прокатывает машинку) (Юля К. 1.00.01); ср., с одной стороны, (87) В.: *Что это?* Р.: *Зьзь* (это еще не расчлененная на части ситуация - и сама машина, и все, что с ней связано); и с другой - В.: *А здесь что медвежонок делает?* (прогуливается с тачкой) Р.: *Зьзьзьзь зьзь* (Юля К. 1.00.01); (88) В.: *Что ты сделал?* Р.: *Ммм* (утверждает, что мокрый) (Дима С. 1.04.04); (89) В.: *Что Лиза сделала?* Р.: *Бах*. В.: *Упала* (Лиза Е. 1.09.25); это своего рода "протопредикатные" реплики, что наиболее отчетливо иллюстрируют примеры (88) и (89);

2) реплики, в которых отображаемая ситуация начинает расчленяться и в большей степени оказывается "прочерченной" субъектно-предикатно-объектная структура (высказывания/ситуации). В таких репликах вербально, кроме протопредиката (примеры 90-93), может быть обозначен один из актантов³⁹ (примеры 94, 95):

а) (90) В.: *А что с яблоком ты делаешь?* Р.: *Ешь* (Лиза Е. 1.09.27); (91) В.: *Митя, что делать будешь?* Р.: *Загорать* (Дима С. 1.08.21); (92) В.: *А что там Ваня делает?* Р.: *Попить*. В.: *Пьет* (Лиза Е. 1.09.27); (93) В.: *Что собака делает?* (На картинке изображена собака, которая курит трубку.) Р.: *Курит* (Лиза Е. 2.07);

б) (94) В.: *Ты что сейчас делаешь? Лиза что сейчас делает?* Р.: *Яблоко*. В.: *А что с яблоком ты делаешь?* Р.: *Ешь* (Лиза Е. 1.09.27); (95) В.: *А это что там Ваня делает?* Р.: *В калитку* (за калитку держится). В.: *За калитку он держится* (Лиза Е. 1.09.27).

Такие неадекватные (с нормативной точки зрения) ответы могут интерпретироваться как буквальное понимание ребенком нежестко-синтаксемных вопросов с соответствующей реакцией. Это своего рода сверхгенерализация "что делать" и реализация глубинных структур; ребенок интерпретирует вопрос как объектно ориентированный - "на что направлено действие". Вместе с тем возможна и иная трактовка: в ситуации лексического дефицита номинация объектного актанта (второго актанта, по Л. Теньеру) оказывается удобным субститутутом в предикатно-актантной структуре и "спасает" ребенка от своеобразной коммуникативной неудачи - невозможности ответить на вопрос, хотя ответ ему известен. Получается, что ребенок невольно использует в диалоге модель неполного предложения, совпадающего с тем, что есть в инпуте. Коммуникативная удача способствует закреплению модели и ведет в перспективе к закреплению диалогического навыка.

К концу второго года расширяется семантический репертуар ответов: появляются субъект, предикат, прямой объект, посессор, делиберат, атрибут: (96) В.: *Что ты будешь делать?* Р.: *Я буду чай пить, я буду чай, чай буду я* (Дима С. 1.11.30).

Обычно после двух лет начинается этап двусловных ответов. Его можно назвать этапом синтагматического ограничения, поскольку в это время ребенку еще трудна сама операция по соединению двух слов (или словосочетаний - применительно к многословному ответу) в процессе диалогового реплицирования: (97) В.: *Л что делает волк?* Р.: *Сосиску*. В.: *Скажи: сосиску ест*. Р.: *Лиза*. В.: *А что Лиза?* Р.: *Сосис-*

³⁹ Одним из первых среди семантических отношений в детской речи маркируется, по мнению Д. Слобина, отношение "действие - его объект" [Слобин 1984: 150]; на материале русского языка первичность значения объекта действия была подтверждена исследованиями А.Н. Гвоздева [Гвоздев 1961; 1981].

ку (Лиза Е. 1.09.27). При этом в дневниковых записях отмечается, что в обычных монологических фрагментах - например, при комментировании собственной игровой деятельности - девочка не испытывает трудностей в развертывании синтагматической "цепочки".

Обратим внимание и на факт противоположного свойства. Замечено, что вопросо-ответные единства при использовании так называемых прецедентных текстов могут быть значительно сложнее. Ср.: (98) В.: *Дед и баба что делают?* Р.: (Имитирует плач). В.: *Плачут. А курочка Ряба что делает?* Р.: *Ко-ко-ко (кудахчет)* (Дима С. 1.03) — (99) В.: *А что они (дядя Федор, пес и кот) там будут делать?* Р.: *Печку варить, кашку топить* (Дима С. 2.06) - или (100) В.: *Чего тебе надобно, старче?* Р.: *А мне хочется рыбку ловить, кашку варить* (Дима С. 2.06). Разумеется, такие ситуации являются отчасти автоматическим воспроизведением текста, понимание которого появляется несколько позже.

Интересно, что, используя вопросы, мать интуитивно "прорабатывает" связи предикатного окружения (валентности), то есть актантно-сирконстантную структуру предиката. Существенным фактором в этом процессе оказывается усвоение актанта именно в сочетании с конкретным предикатом, то есть так называемая атомарность. Согласно "островной гипотезе" М. Томазелло, окружение каждого предиката осваивается ребенком выборочно и постепенно [Tomazello 1992]. В таком случае возникает вопрос, вообще ли недоступно, скажем, значение "инструмент" или "делиберат", или же эти значения недоступны только при конкретном предикате. Может быть, они усваиваются в разное время применительно к различным предикатам по мере развития когнитивной способности. Значимыми для "размораживания" валентностей предиката являются также типичность и частотность ситуации его использования. Вопрос матери оказывается в этом случае своеобразной лакмусовой бумагой, позволяющей проверить это.

В середине второго года в ответных репликах уже присутствуют синтагматические "цепочки", содержащие субъект, прямой объект, адресат, локатив, директив: *поехать/пойти - куда, что - лежит - где, принести/отдать - кому*. К началу третьего года добавляются, в частности, агенс, каузатор, инструментив, медиатив, делибератив, например: *кормить - кого - чем - как, кто заплакать - от чего, писать - чем*: (100) В.: *На чем вы пишете?* Р.: *На газетке* (Дима С. 2.01); (101) В.: *Митюша, ты куда собрался?* Р.: *(В) магазин конфету купить* (Дима С. 1.09.19), см. также: (102) В.: *А зачем тебе шарик, Ваня?* Р.: *Чтобы радоваться* (Ваня П. 2.06.06).

При этом типы ответных реплик представлены:

1) однословными репликами: (103) В.: *Вань, что Пурфином делают?* (Речь идет об игрушке ребенка.) Р.: *Вздыхают* (Ваня П. 1.10); (104) В.: *Что инструментами делают?* Р.: **Ремонтируют* (Дима С. 2.07);

2) двусловными репликами, которые в некоторых случаях повторяют структуру вопросной реплики: (105) В.: *Митя, что папа делает?* Р.: *Плывет папа, плывет* (Дима С. 1.09.19);

3) трехсловными (многословными) репликами, только начинающими функционировать в это время; такие реплики содержат первый актант, предикат и определенный компонент его окружения.

Обратим внимание на то, что в исследуемом материале представлены субъектно-предикатные (как в примере (105)) и субъектно-предикатно-объектные структуры. Причем в последнем случае возможны:

(а) их полная реализация: (106) В.: *Что же она (о лисе) теперь будет делать? Без дома-то?* (Рассматривают книжку и рассказывают сказку о лисе и зайце: у лисы растаял дом.) Р.: *Ваня ей построил прекрасный дом!* (Ваня П. 2.06);

(б) неполная реализация: (107) В.: *Что надо сделать?* (Р. пытается расстегнуть кофточку) Р.: *Расстегнуть кофточку* (Лиза Е. 2.01.05); (108) В.: *А что он хотел сделать?* Р.: *Мартина съест* (Ваня П. 2.11.12); (109) В.: *Что они тут делают?* Р.: *Сидят/целуют обезьянку* (Ваня П. 1.10); в отдельных случаях - с двумя вторыми ак-

тантами: (110) В.: *Мить, что делаешь?* Р.: **Водичку ногу *мыла* (Дима С. 1.09.19); (111) В.: *Чем ты занимаешься у бабушки?* Р.: *Книги читаю, машины катаю, в огород хожу* (Дима С. 1.11).

После преодоления трудностей в построении синтагматической цепочки на какой-то стадии многословный ответ становится избыточным, то есть структура вопроса воспроизводится в ответе практически полностью. Наступает этап избыточной информативности, полной тема-рематической представленности ответной реплики, не свойственной нормативному спонтанному диалогу. Видимо, одной из причин такой избыточности реплик-реакций ребенка является неумение использовать то, что принято называть общим фоном знаний (апперцепционной базой), и учитывать пресуппозицию говорящего; конечно, оказывает свое влияние и практика обучения полным ответам: (112) В.: *Л что будет у тебя из круга потом?* Р.: *Это будет у меня из круга мячик* (Вероника К.); (113) В.: *Еще что тебя рассмешило?* Р.: *Меня еще рассмешило, что там такой Нуу-ф* (Вероника К.); (114) В.: *А что бы ты хотела построить?* Р.: *Нуу я бы хотела построить бы замок, только никак* (Вероника К.); (115) В.: *Хорошо, а еще что ты любишь смотреть?* Р.: *Ну, я люблю, например/или вот ну что там/ну какую-нибудь* (Вероника К.). Ср. более раннюю ситуацию творческой "избыточности" в ответе: (116) В.: *Что цветы делают?* (Это достаточно трудный для ребенка вопрос о настоящем неактуальном. - В.К.) Р.: *Цветы колдуют, и цепь на дубе том, вот что делают* (Ваня П. 2.09); (117) В.: *И что мы там будем делать с бабой?* Р.: *Баба будет кукарекать, и Ваню превратим в петуха* (Ваня П. 2.08.22).

Преодолевая трудности этого этапа и приобретая соответствующие коммуникативные навыки, ребенок приходит в своих ответах к нормативной (узуальной) краткости взрослых носителей языка, с умением осуществлять эллипсис и использовать "сложные" синтаксемы. При этом попытки "настоящего" эллипсиса могут предприниматься уже в конце второго года жизни: (118) В.: *Что делаешь?* Р.: *Яма* ["Яму (копаю)"] (Дима С. 1.09.22) (практически такой ответ может рассматриваться как "настоящее" неполное предложение, свойственное диалогу, несмотря на то, что мать ожидала другой реплики). Ср.: (119) В.: *Чем занимаешься (в гостях у бабушки)?* Р.: *Чем бабушка меня занимает, физкультурой* (Дима С. 2.09).

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По мере взросления ребенка характер и структура диалогических единств, инициируемых репликой-вопросом взрослого, существенным образом меняются. Исследование обнаружило трудности, которые испытывает ребенок в процессе приобретения коммуникативной компетенции в диалогическом дискурсе. Это проявляется в сопровождающих данный процесс коммуникативных неудачах ребенка. К числу трудностей относятся:

- (а) недоступность определенных смысловых отношений,
- (б) недостаточность словарного запаса,
- (в) неосвоенность синтагматической техники,
- (г) невладение собственно диалогической тактикой; последняя из них, то есть трудность быть партнером в диалоге (одновременно воспринимать предшествующую реплику, планировать и продуцировать адекватный ответ), оказывается весьма серьезной.

Ребенок должен не только владеть системой языковых единиц, но и уметь использовать ее в коммуникации. Понятие коммуникативной компетенции помогает объяснить, каким образом ребенок постепенно осваивается в речевой среде - как он учится использовать язык в соответствии с определенной речевой ситуацией.

⁴⁰ О разграничении синтаксем "раннего" и "позднего онтогенеза" см., например [Цейтлин 2002: 122].

Таким образом, становление коммуникативной компетенции ребенка имеет, по меньшей мере, два аспекта (соотносящихся как общее и частное):

(а) приобретение навыков в сфере языковой компетенции,

(б) освоение общих условий речевого действия в диалоге и умения разрабатывать свою коммуникативную стратегию в рамках определенного речевого акта и речевого жанра; развитие собственно языковой компетенции ребенка обуславливает развитие соответствующих навыков в других сферах коммуникативной компетенции.

Изучение диалогического взаимодействия "взрослый - ребенок" позволяет выявить не только логику формирования коммуникативной компетенции человека, но и целый ряд особенностей диалога вообще, имеющих принципиальное значение для построения грамматики диалога, ставшей в последнее время предметом пристального внимания лингвистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1980 - *Ю.Д. Апресян*. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл - Текст" // *Wiener slavistischer Almanach*. Wien, 1980. Sonderband.
- Арутюнова 1970 - *Н.Д. Арутюнова*. Некоторые типы диалогических реакций и "почему"-реплики в русском языке // *НДВШ. Филологические науки*. 1970. № 3.
- Арутюнова 1998 - *Н.Д. Арутюнова*. Проблемы коммуникации // *Язык и мир человека*. М., 1998.
- Базжина 1992 - *Т.В. Базжина*. Диалог на начальном этапе языкового развития // *Детская речь: Лингвистический аспект: Межвуз. сб. науч. трудов*. СПб., 1992.
- Балли 1955 - *Ш. Балли*. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Баранов, Крейдлин 1992а-Л.Я. *Баранов, Г.Е. Крейдлин*. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // *ВЯ*. 1992. № 2.
- Баранов, Крейдлин 1992б — *А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин*. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // *ВЯ*. 1992. № 3.
- Белнап, Стил 1981 - *Н. Белнап, Т. Стил*. Логика вопросов и ответов. М., 1981.
- Брунер 1984 - *Дж. Брунер*. Онтогенез речевых актов // *Психолингвистика*. М., 1984.
- Выготский 1956 - *Л.С. Выготский*. Мышление и речь // *Избранные психологические исследования*. М., 1956.
- Гаврилова 2002 - *Т.О. Гаврилова*. Регистр общения с детьми: структурный и социолингвистический аспекты (на материале русского языка). Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.
- Гвоздев 1961 - *А.Н. Гвоздев*. Вопросы изучения детской речи. М., 1961.
- Гвоздев 1981 - *А.Н. Гвоздев*. От первых слов до первого класса: Дневник научных наблюдений. Саратов, 1981.
- Долинин 1983 - *К.А. Долинин*. ИмPLICITITное содержание высказывания // *ВЯ*. 1983. № 6.
- Ермакова 1988 - *О.П. Ермакова*. Разговоры с животными (лингво-психологические заметки) // *Разновидности городской устной речи*. Сб. научных трудов / Отв. ред. акад. Д.Н. Шмелев, Е.А. Земская. М., 1988.
- Ермакова, Земская 1993 - *О.П. Ермакова, Е.А. Земская*. К построению типологии коммуникативных неудач // *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. М., 1993.
- Зимняя 1976 - *И.А. Зимняя*. Психология говорения на иностранном языке. М., 1976.
- Золотова 1988 - *Г.А. Золотова*. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
- Исенина 1985 - *Е.И. Исенина*. Психологические основы речевого онтогенеза в начальном периоде: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Иваново, 1985.
- Исенина 1989а - *Е.И. Исенина*. Проблемы развития диалога у детей раннего возраста // *Психолингвистический анализ слова и текста*. Иваново, 1989.
- Исенина 1989б - *Е.И. Исенина*. Развитие диалога в связи с познанием ребенком другого и себя (младенческий и ранний возраст) // *Детская речь: Проблемы и наблюдения: Межвуз. сб. науч. трудов*. Л., 1989.
- Исенина 1991 - *Е.И. Исенина*. Развитие личностной семантики и структуры диалогического взаимодействия у детей младшего и раннего возраста // *Проблемы семантики. Психолингвистические исследования*. Тверь, 1991.

- Йокояма 1998 - *О Йокояма* Коммуникативные неудачи в рамках транзакционной модели дискурса // Лики языка к 45-летию научной деятельности Е А Земской М , 1998
- Казаковская 1997 - *В В Казаковская* Модусная рамка в онтогенезе // Проблемы детской речи - 1997 Материалы межвуз конференции СПб , 1997
- Казаковская 2000 - *В В Казаковская* Вопросно-ответные диалогические единства в коммуникации взрослый - ребенок прагматический и синтаксический аспект // Речь ребенка ранние этапы Труды постоянно действующего семинара по онтолингвистике Вып 1 СПб , 2000
- Казаковская 2001 - *В В Казаковская* Концепт пространства в речи русского ребенка (ранние этапы онтогенеза) // Теоретические проблемы функциональной грамматики Материалы Всероссийской научной конференции СПб , 2001
- Казаковская 2002 - *В В Казаковская* Коммуникативные неудачи в детской речи к постановке проблемы // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении Материалы III Филологических чтений Новосибирск, 2002
- Казаковская, Люблинская 2000 - *В В Казаковская В В Люблинская* Вопросительные реплики ребенка в диалоге синтаксический и интонационный анализ // Когнитивное моделирование в лингвистике Сб докладов международн конференции Переславль-Залесский, 2000
- Казаковская, Цейтлин 2000 - *В В Казаковская С Н Цейтлин* Локативные вопросы в диалоге мать - ребенок и их роль в синтаксическом развитии // Материалы XXIX межвуз науч -метод конференции преподавателей и аспирантов Секция общего языкознания СПб , 2000
- Касевич 1998 - *В Б Касевич* Онтолингвистика, типология и языковые правила // Язык и речевая деятельность 1998 Т 1
- Кашнельсон 1972 -*С Д Кашнельсон* Типология языка и речевое мышление Л , 1972
- Китайгородская 1993 -*М В Китайгородская* Чужая речь в коммуникативном аспекте // Русский язык в его функционировании Коммуникативно-прагматический аспект М , 1993
- Кравченко 1997 - *А В Кравченко* Феноменология значения и значение феноменологии в языке // Категоризация мира пространство и время Материалы научн конференции / Под ред Е С Кубряковой, О В Александровой М , 1997
- Краузе, Люблинская 2000 - *М Краузе В В Люблинская* Ответные реплики ребенка в диалоге со взрослыми типы когерентности и интонационное оформление // Когнитивное моделирование в лингвистике Сб докладов международн конференции Переславль-Залесский, 2000
- Крафт 1984 - *Б Крафт* Реализация инструктивного диалога с шестилетними дошкольниками // Психолингвистика М , 1984
- Крафт 1987 - *Б Крафт* Общие и онтогенетические аспекты совместного планирования как одной из форм коммуникации // Психолого-педагогические вопросы развития речи в детском саду Сб научн трудов М , 1987
- Кубрякова 1991 - *Е С Кубрякова* Проблемы онтогенеза речевой деятельности // Человеческий фактор в языке М , 1991
- Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996 -*Е С Кубрякова В З Демьянков Ю Г Панкрац Л Г Лузина* Краткий словарь когнитивных терминов М , 1996
- Кузьмина 1995 -*Т В Кузьмина* Некоторые особенности диалогического взаимодействия матери и ребенка // Усвоение ребенком родного (русского) языка Межвуз сб работ молодых авторов СПб , 1995
- Леонтьев 1965 -*Л А Леонтьев* Слово в речевой деятельности Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности М , 1965
- Леонтьев 1975 -*Л Л Леонтьев* Психология речевого общения Автореф дис докт психол наук М , 1975
- Лепская 1997 -*НИ Лепская* Язык ребенка (Онтогенез речевой коммуникации) М , 1997
- Лисина 2001 -*МИ Лисина* Проблемы онтогенеза общения // Лисина М И Общение, личность и психика ребенка М , Воронеж, 2001
- Лурия 1975 - *А Р Лурия* Научные горизонты и философские тупики в современной лингвистике // Вопросы философии 1975 № 4
- Масленникова 1999 -*Л Л Масленникова* Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов СПб , 1999
- Обухова 1995 -*Л Ф Обухова* Детская психология теории факты проблемы М , 1995

- Павлов 1968 - *В М Павлов* Языковая способность человека как предмет лингвистической науки // Теория речевой деятельности М , 1968
- Падучева 1982 - *Е В Падучева* Прагматические аспекты связности диалога // ИАН СЛЯ 1982 №4
- Падучева 1985 -*ЕВ Падучева* Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) М , 1985
- Петрова 2001 - *Т И Петрова* Структурные особенности инсценированного квазидialogа в сравнении с собственно диалогом // Ребенок как партнер в диалоге Труды постоянно действующего семинара по онтолингвистике Вып II СПб , 2001
- Пиаже 1932 - *Ж Пиаже* Речь и мышление ребенка М , Л , 1932
- Протасова 1988 -*ЕЮ Протасова* Развитие семантической связности диалога ' мать - ребенок // Семантика в речевой деятельности (на материале онтогенеза) Сб предварительных публикаций М,1988
- Рахилина 1990 -*ЕВ Рахилина* Семантика или синтаксис⁷ (К анализу частных вопросов в русском языке) // Slawistische Beitrage Bd 268 Munchen, 1990
- Рахилина, Крейдлин 1984 -*Е В Рахилина ГЕ Крейдлин* Семантический анализ вопросо-ответных структур со словом какой // ИАН СЛЯ 1984 № 5
- Сахарный 1989 -*Л В Сахарный* Введение в психоллингвистику Л , 1989
- Слама-Казак 1961 - *Т Слама Казаку* Некоторые особенности диалога маленьких детей // Вопросы психологии 1961 № 2
- Слобин 1976 - *Д Слобин* Языковое развитие ребенка // Слобин Д , Грин Дж Психоллингвистика М,1976
- Слобин 1984 - *Д Слобин* Когнитивные предпосылки развития грамматики // Психоллингвистика М,1984
- ТФГ 1987 - Теория функциональной грамматики Введение Аспектуальность Временная локализованность Таксис Л , 1987
- ТФГ 1990-Теория функциональной грамматики Темпоральность Модальность Л , 1990
- ТФГ 1991 -Теория функциональной грамматики Персональность Залоговость Л , 1991
- ТФГ 1992 - Теория функциональной грамматики Субъектность Объектность Коммуникативная перспектива высказывания Определенность / неопределенность СПб , 1992
- ТФГ 1996а-Теория функциональной грамматики Качественность Количественность СПб, 1996
- ТФГ 1996-Теория функциональной грамматики Локативность Бытийность Посессивность Обусловленность СПб , 1996
- Федорова 1980- *Л Л Федорова* К понятию коммуникативной компетенции Автореф дис канд филол наук М , 1980
- Федорова 1991 -*ЛЛ Федорова* Формы выражения скрытых волеизъявлений // Семантический и прагматический аспекты высказывания Межвуз сб научных трудов Новосибирск, 1991
- Фрумкина 2001 - *Р М Фрумкина* Вокруг детской речи методологические размышления // ИАН СЛЯ 2001 No 2
- Цейтлин 2000 - *С Н Цейтлин* Язык и ребенок Лингвистика детской речи М , 2000
- Цейтлин 2001 -*СП Цейтлин* Некоторые особенности диалога взрослый - ребенок функции реплик-повторов // Ребенок как партнер в диалоге Труды постоянно действующего семинара по онтолингвистике Вып 2 СПб , 2001
- Цейтлин 2002 -*СП Цейтлин* К вопросу об онтогенезе синтаксиса // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста М , 2002
- Шахнарович 1991 -*А М Шахнарович* Проблемы формирования языковой способности // Человеческий фактор в языке М , 1991
- Шахнарович 2001 -*АМ Шахнарович* Избранные труды, воспоминания друзей и учеников М , 2001
- Шахнарович, Лендел 1985 -*А М Шахнарович Ш Лендел* Социальные и естественные факторы в языковой способности человека // Исследование речевого мышления в психоллингвистике М 1985
- Шведова 1960 -*НЮ Шведова* Очерки по синтаксису русской разговорной речи М , 1960
- Юрьева 2001 -*ИМ Юрьева* Экспериментальное исследование диалогического взаимодействия детей- сверстников в совместной деятельности // Ребенок как партнер в диалоге Труды постоянно действующего семинара по онтолингвистике Вып 2 СПб , 2001

- Яценко 1999 - *МЛ. Яценко*. Качественные имена прилагательные в детской речи: лексико-семантический аспект. Автореф. дис... канд. филол. наук. Череповец, 1999.
- Bloom 1991 - *L. Bloom*. Language development from two to three. Cambridge, 1991.
- Bloom, Rocissano, Hood 1976 - *L. Bloom, L. Rocissano, L. Hood*. Adult-child discourse: developmental interaction between information processing and linguistic knowledge // *Cognitive psychology*. 1976. № 8.
- Chomsky 1965 - *N. Chomsky*. Aspects of the theory of syntax. Cambridge, 1965.
- Chomsky 1972 - *N. Chomsky*. Language and mind. New York, 1972.
- Dore 1977 - *J. Dore*. "Oh them sheriff: a pragmatic analysis of children's responses to questions // *Child discourse*. 1977.
- Ervin-Tripp, Miller 1997 - *S. Ervin-Tripp, W. Miller*. Early discourse: some questions about questions // *Interaction, Conversation, and the development of language*. New York, 1997.
- Gumperz, Corsaro, Streeck 1986 - *J. Gumperz, W. C or saw, J. Streeck*. Children's worlds and children's language. Berlin; New York, 1986.
- Gumperz 1997 - *J. Gumperz*. Communicative competence // *Sociolinguistics. A reader and coursebook*. New York, 1997.
- Halliday 1978 - *MAX. Halliday*. The ontogenesis of dialogue // *Proceedings of the Twelfth International Congress of linguists*. Innsbruck, 1978.
- Hymes 1972 - *DM. Hymes*. On communicative competence // *Pride J.B., Holmes J. (Eds.) Sociolinguistics*. Harmondsworth (England), 1972.
- Krauss, Glucksbergs 1969 - *R.M. Krauss, A. Glucksbergs*. The development of communication: competence as a function of age // *Child development*. 1969. № 4.
- Thinking 1977 - *Thinking*. Readings in cognitive sciences. Cambridge, 1977.
- Tomazello 1992 - *M. Tomazello*. First verbs: A case study of early grammatical development. Cambridge, 1992.
- Shatz 1983 - *M. Shatz*, Children's comprehension of their mothers' question-directives // *Child language*. 1983. № 5.
- Van 1987 - *EkJ. Van*. Objectives for foreign language learning: V. 2: Levels. Strasbourg, 1987.
- Wells, Montgomery, MacLure 1979 - *C.G. Wells, MM. Montgomery, M. MacLure*. Adult-child discourse: outline of a model of analysis // *Journal of pragmatics*. 1979. № 3.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 2004 г. Л.Э. КАЛНЫНЬ, Г.П. КЛЕПИКОВА

**ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ НА XIII МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ
СЛАВИСТОВ***

На XIII Международном съезде славистов диалектологическая проблематика, как один из центральных разделов славянского языкознания, традиционно занимала видное место. Однако в сравнении с предыдущим съездом акценты в диалектной тематике несколько сместились (см. нашу публикацию "Вопросы диалектологии на XII МСС". ВЯ. 1999. № 3). Значительно больше внимания было уделено социолингвистическому аспекту изучения диалектов. Диалекты как социально маркированные языковые идиомы были рассмотрены в следующих докладах.

М. Краузе, Х. Саппок, В. Люблинская, А. Евдокимов, Е. Мошкина, В. Подрушняк (Германия) выступили с докладом "Ментальные диалектные карты и имидж диалектов в России: метаязыковое знание и оценка диалектов" [варианты названия доклада: "Ментальные диалектные карты и оценка диалектов в России" в (Программе МСС); "Ментальные диалектные карты и имидж диалектов в России: метаязыковое знание, оценки и их лингвистические определения" в (Сборнике резюме докладов)]. Авторы полагают, что адекватное представление о языковой ситуации, в состав которой входят диалекты, можно получить, не только фиксируя особенности и динамику современных диалектов (включая лингвогеографическую интерпретацию). Существенным компонентом языковой ситуации является оценка в общественном сознании диалектных форм языка. Для выявления этой оценки авторы провели эксперимент. Носителям литературной формы русского языка, в том числе и региональных его вариантов (Пермь, Киров, Курск), были предъявлены фонетические тексты из южнорусского и севернорусского региона, из Сибири, как территории позднего заселения, а также локальные варианты стандарта. Испытуемые (студенты в возрасте 18-23 лет) должны были охарактеризовать услышанное с точки зрения близости к собственному варианту языка/речи и оценить эмоционально (приемлемо ~ неприемлемо) с позиций употребляемой ими формы стандарта. Среди полученных выводов можно отметить следующие. Севернорусские диалекты у всех испытуемых имеют скорее негативный имидж - они оцениваются как неприемлемые и далекие

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы "История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте" (10002-251/ОИФН-01/242-239/110703-1047).

от стандарта. Южнорусские диалекты, напротив, обнаруживают в основном позитивный имидж. Они воспринимаются как близкие стандарту и индифферентны в отношении "приемлемо ~ неприемлемо". Характерно, что негативное отношение к севернорусским диалектам обнаруживают участники эксперимента по происхождению из северных регионов (Киров), в то время как "южане" (Курск) оценивают южный диалект, особенно курский, позитивно. Авторы доклада используют понятие "ментальная карта", которая предположительно должна накладываться на карты лингвогеографические с тем, чтобы показать, как на территории языка распределяется отношение его носителей к диалектным формам. Но такой опыт в докладе отсутствует - результаты проведенного эксперимента представлены в виде таблиц.

В докладе **З. Греля** (Польша) "Влияние этнической и региональной идентификации на коммуникативную ситуацию в многокодовых общностях пограничья (на примере Цешинской Силезии)" показаны результаты анкетирования польского населения пограничной зоны в Польше и Чехии с точки зрения его региональной и национальной идентификации, а также языкового поведения. Автор делает следующие выводы. Коммуникативные общности пограничья смешанного этнично-языкового состава и с сильным различием в региональном самоощущении являются пространством многокодового (= мультилингвального) общения. Это создает проблемы в взаимопонимании в том случае, если сосуществующие коды сильно различаются. Упрощение ситуации может быть достигнуто или устранением иерархически более низких кодов, или слиянием разных кодов вплоть до образования новых идиомов типа язык/диалект. Степень устойчивости кодов зависит от многих обстоятельств. Среди них важной является оценка кодов (ценностей с ними связанных) со стороны их носителей: чем сильнее отдельные личности и группы связаны психически с регионом, тем устойчивее код как его символ и тем медленнее происходят процессы устранения кодов или их слияния.

Пафос доклада **А. Зелинской** (Польша) "О сочетании социолингвистических и диалектологических методов в изучении польского языка Литвы и Белоруссии" состоит в утверждении, что принятые в диалектологии методы обследования диалектов в применении к "кресовым" польским диалектам не могут быть достаточно эффективными. Гетерогенность и неавтохтонность этих диалектов требует использования социолингвистических методов при отборе информаторов и организации вопросной процедуры. Как пример удачного исследования "кресового" диалекта автор приводит свою монографию, в которой дан анализ речи трех групп информаторов, различающихся общественным положением. Идиомы, присущие этим группам, достигают статуса "социолекта". Можно отметить, что автору свойственно несколько предвзятое представление о работе диалектолога с информаторами. Нарисованная А. Зелинской картина взаимного непонимания и скованности при работе с информаторами по вопросу/программе не соответствует работе профессионального диалектолога.

Аналогичная тематика обсуждается в докладе **Б. Вимера** (Германия), **А. Зелинской** (Польша) "О связи диалектологических и социолингвистических методов в изучении языковых контактов (на примере балто-славянского пограничья)". Указывается на необходимость использования в диалектологии социолингвистических методов и приемов. Только такой подход позволяет оценить инвентарь вариантов языковых форм и их соотношение и устанавливать типологию самих форм контактирования в указанной области по ряду параметров (би- и мультилингвизм, характер диглоссии, престижность отдельных идиомов и др.).

Доклад **И. Стоянова**, **Э. Стояновой** (Украина) "Пути развития устной и письменной формы болгарского языка в Украине" посвящен анализу в синхронном и диахроническом плане той языковой ситуации, в которую были включены болгары, переселившиеся в Северное Причерноморье. Авторы констатируют, что в результате почти двухвекового пребывания болгарских переселенцев на юге Украины произошло определенное сближение различных типов болгарских диалектов, которые существовали в речи первых поколений колонистов, а также создание "бессарабского койне", были разработаны и нормы местного варианта болгарского литературного

языка и др. При этом устная форма указанного идиома не только служила средством общения членов диаспоры между собой, но и играла интегрирующую роль во взаимодействии с русским, румынским, украинским языками. В настоящее время в болгарской языковой среде сильна ориентация на нормированные формы современного болгарского языка, чему способствует доступность обучения на этом языке.

В. Ващенко (Румыния) в своем докладе "О типологической классификации народных говоров (русского и иного ареала)" отходит от традиционного понимания диалектной классификации, как группировки диалектов по тождеству лингвистических признаков. Автор справедливо полагает, что диалект может быть охарактеризован по типу вхождения в языковую ситуацию. Это достигается включением диалекта в систему таких имеющих диагностическое значение бинарных признаков, как 1) лингвистическая однородность - чему соответствует оппозиция гомогенность ~ смешанность; 2) лингвистический континуум - сплошные ~ островные говоры; 3) лингвистическая филиация - первичные, т.е. исходные ~ вторичные (образовавшиеся на базе первичных) говоры; 4) территориальная принадлежность - эксхлав ~ анклав; говоры обоих типов ощущаются окружением как чужеродные; 5) лингвистическая конвергенция - конвергентные говоры находятся под выравнивающим влиянием литературного языка ~ дивергентные, напротив, удаляются от стандарта, имея в перспективе или стать самостоятельным языком, или исчезнуть. Отмечается и особая ситуация равноправия диалекта и стандарта, когда их употребление ассоциируется с разными обстоятельствами коммуникации - официальное, бытовое, семейное общение (пример - немецкая языковая ситуация).

В результате распада СФРЮ актуальным стал вопрос языковой идентификации населения вновь выделившихся регионов.

В докладе **С. Реметича** (Сербия и Черногория) "Боснийские сербские говоры в свете диалектной интерференции (лингвистический и социолингвистический аспект)" ставится вопрос о причинах языковой устойчивости идиома вопреки условиям, способствовавшим интерференции. Такую ситуацию демонстрируют сербы (носители восточногерцеговинского диалекта), жившие в бывшей Республике Босния и Герцеговина (в составе СФРЮ) и находившиеся в постоянном контакте с носителями диалектов другого типа. Можно полагать, что сопротивление сближению с другими диалектами основано на комбинации структурноязыковых особенностей с психолингвистическими и социолингвистическими факторами. В качестве примера этого автор называет такие особенности, как отсутствие *x* и система просодии в языке сербов. Стабильность этих черт обусловлена не только тем, что отказ от них влечет за собою серьезную перестройку языковой структуры. Существенно и то, что в сознании боснийских сербов эти черты обрели признаки психолингвистической оценки и стали фактором, подчеркивающим национальную самоидентификацию.

Проблема языковой идентификации в связи с разработкой литературной нормы затронута в докладе **Н. Валевац** (Босния и Герцеговина) "Боснийско-герцеговинский диалектный комплекс и боснийская стандартноязыковая норма". В Боснии и Герцеговине официально используются три иерархически неравноценных языка - боснийский, хорватский и сербский. Из них именно боснийский не выходит за пределы Боснии и Герцеговины. Между тем этот язык, имеющий свою диалектную основу и определенную книжную традицию, требует, по мнению автора, расширения его функций и нормирования. Это необходимо, чтобы язык мог стать одним из символов боснийской нации. В то же время автор видит опасность чрезмерной изоляции от влияния хорватского и сербского языков, особенно в лексике.

Й. Раеке (Германия) представил доклад "Шлагбаум в языковом континууме - как диалектная граница превращается в языковую (на примере хорватской и словенской кайкавщины). К проблеме исторически установленной по языку этнической идентичности". Прохождение государственной границы между Словенией и Хорватией по территории кайкавских диалектов порождает вопрос - следует ли констатировать в кайкавском континууме два национальных языка или два разных диалекта. В

соответствии с этим автор считает, что единство нации обеспечивается не столько языком, сколько этнической самоидентификацией членов нации.

Г. Бенедек (Венгрия) посвятил свой доклад "Диалект или язык? (Лингвистические и этнолингвистические критерии на материале неславянских и славянских языков)" важной в теоретическом и практическом отношении проблеме изменения статуса диалекта и превращения его в самостоятельный язык.

В докладе **К. Клепча** (Польша) "Заимствования из немецкого в силезских говорах" рассмотрены историко-культурные, общественно-политические и другие условия усвоения указанных иноязычных элементов. Изучению корпуса германизмов будет способствовать создающийся в настоящее время Силезский диалектный словарь, значительную часть словника которого составляют именно лексические заимствования из немецкого. Актуальной является и проблема функционирования последних в современной народной речи, для описания которого необходимо использование социолингвистических методов исследования.

Л. Бартко, Н. Дзэндзелевская, Ш. Липтак (Словакия) в докладе "Словацкие диалекты на Закарпатской Украине в свете языковых контактов" излагают некоторые результаты многолетних систематических обследований словацко-украинских взаимодействий с учетом современного статуса словацкого языка в разных населенных пунктах Закарпатья. Так, авторы приходят к выводу, что ныне словацкие идиомы в этой зоне являются типичными переселенческими говорами смешанного типа. При этом, несмотря на существование в настоящее время довольно благоприятных условий сохранения словацкого языка и национальной идентичности (благодаря тесным связям с метрополией), в результате интенсивных контактов с украинским и венгерским населением области процессы ассимиляции носителей словацкого языка заметно усиливаются. Об этом свидетельствует сокращение числа горящих на словацком, сужение сферы его функционирования и под. В целом будущее словацких говоров анклава оценивается авторами весьма пессимистично. Именно поэтому, по их мнению, необходимы интенсивные обследования данных говоров, чтобы возможно полнее зафиксировать их современное состояние.

В докладе **М. Кирай, В. Нистора** (Румыния) "Социолингвистические и психолингвистические аспекты билингвизма" были сопоставлены два типа двуязычия: русско-румынское в русских говорах "липован" Румынии и румынско-русское у населения Республики Молдова.

Я. Ригер (Польша) в своем докладе "Заимствования и их функции в языке меньшинств (на примере польских говоров в Украине и украинских в Польше)" описывает некоторые типологически сходные факторы, как способствующие увеличению числа заимствований, так и препятствующие этому. К первым относятся: характер лексических групп, время пребывания носителя вне родного говора (ср. последствия "депортации"), сфера использования идиома и др. Ко вторым - фонетические особенности соответствующих идиомов (ср., например, различия в рефлексации *ǣ, *č, *e, *a, *o и др.).

Закономерно достаточно большое внимание в докладах, представленных на съезде, было уделено лингвогеографическим и ареалогическим штудиям.

Доклад **Т.И. Вендиной** (Россия) "Лексика и семантика на картах Общеславянского лингвистического атласа" построен на материале первых трех лексико-словообразовательных выпусков ОЛА. Автор исходит из того, что лексические изоглоссы в пределах Славии не только более многочисленны, чем фонетические, но и имеют большее диагностическое значение для создания адекватного представления о диалектной дифференциации праславянского языка и о последующих изменениях в славянском диалектном континууме. Актуальна тенденция к сужению ареалов праславянских лексем за счет распространения локальных диалектизмов. Регионы, в которых фиксируется архаическая лексика, образуют, по словам автора, "пояс архаики", протянувшийся от южной части севернорусских говоров до македонских. Что касается лексической специфики отдельных славянских языков/диалектов, то она характеризуется по-разному в зависимости от того, в каком контексте рассматриваются выбранные лексе-

мы - в общеславянском или в рамках родственных языков. Анализ лексических материалов ОЛА позволяет: 1) эксплицировать заметную лексическую специфику отдельных языков (ср., например, определенное обособление украинского внутри восточнославянской языковой группы, самобытность лексики русского языка в масштабах всей Славии и др.); 2) выявить степень диалектной гомогенности различных зон - так, восточнославянский диалектный континуум в целом отличается большим единством, а южно- и западнославянскому региону свойственна "исключительная гетерогенность"; 3) установить меру вариативности на уровне цельнолексемных номинаций, корней и аффиксов. Лексические материалы ОЛА уже на данном этапе имеют большое значение для сравнительно-исторических и этимологических разысканий. Таким образом, доклад Т.И. Вендиной представляет собою один из первых опытов синхронного и диахронического обобщения той ареальной информации, которую предлагают карты ОЛА.

Высокая оценка славянской лингвогеографии как составной части славянского языкознания дана также в докладе **П. Грищенко, В. Колесник** (Украина) "Эвристический потенциал славянской лингвистической географии". Особенно подчеркивается значение Общеславянского лингвистического атласа. Большой и сопоставимый материал этого атласа позволяет по-новому решать вопросы генезиса славянских языков, ареальных отношений между славянскими языками, определить степень их типологической близости в синхронии, ставить вопрос о направлении и интенсивности межславянских и неславянских влияний.

Ареалогической интерпретации подвергается материал лексических выпусков ОЛА и в докладах **А. Ференчиковой** (Словакия) и **Я. Сятковского** (Польша). В первом из них - "Сельскохозяйственная лексика в ОЛА" - анализируются единицы, входящие в указанную лексико-семантическую группу. Обосновывается точка зрения, согласно которой мера дифференцированности славянского языкового пространства весьма различна и зависит как от генезиса отдельных лексем (исконных, заимствованных), так и от интенсивности языковых, культурных, политических и других контактов. Во втором докладе - "Иноязычные заимствования в ОЛА", на основе материалов четырех лексических выпусков ОЛА устанавливается величина ареалов заимствований из немецкого языка (зафиксированы в многочисленных фонетических и под. вариантах), из тюркских (противопоставлены говоры южной Славии, где языком-источником является преимущественно турецкий, и северной Славии, в которых отмечаются лексемы, пришедшие из других языков указанной семьи), из греческого и др. Эти данные синхронического характера, с учетом историко-языковых материалов, являются основой изучения славяно-неславянских контактов и взаимодействий.

В последние десятилетия отмечается интенсивное развитие таких направлений ареально-типологической лингвистики, как карпатистика, балканистика и др. Они ориентированы на изучение тенденций конвергентного развития славянских идиомов. Так, в докладе **Г.Л. Клепиковой** (Россия) "Карпатологический аспект славянской лингвогеографии" приводятся ареалогические аргументы из сферы лексики и семантики, основанные преимущественно на данных "Общекарпатского диалектологического атласа" (= ОКДА), в пользу существования карпатской (= карпато-балканской) языковой общности генетически гетерогенной по своему характеру. Дается анализ ареалогически значимых ситуаций, который показывает выделенность карпатской лингвистической зоны в пространстве Славии по признаку фиксации лишь в ней 1) многочисленных заимствований из румынского, венгерского и др. языков и 2) локализмов-эксклюзивов исконного происхождения. При этом отмечается значительная дифференциация зоны по указанным лексическим элементам.

Материал ОКДА лежит и в основе доклада **Л. Балога, Я. Банчеровского** (Венгрия) "Славянские заимствования в восточных венгерских говорах на основе VI тома ОКДА", в котором, наряду с общей характеристикой контактов венгерских диалектов с иными диалектами зоны Карпат, рассмотрена судьба ряда конкретных иноязычных заимствований (*bdrany, riskajerke, kanca* и др.).

А.Н. Соболев (Россия), широко используя материал "Малого диалектологического атласа балканских языков" (= МДАБЯ), в докладе "Южнославянские языки в балканском ареале" приходит к выводу, что балканское языковое/диалектное пространство представляет собою континуум. Это создает основу для констатации существования особой языковой общности конвергентного типа (= "союза"), которая реализуется на фонетическом и лексическом уровнях. Карты атласа свидетельствуют и о разделении лингвистической балканской зоны на "запад" (восток Сербии, запад Болгарии, некоторые македонские, а также албанские и арумунские говоры) и "восток/юго-восток" (греческо-болгарско-восточномакедонская область). При этом, по мнению автора, установленное членение зоны может быть соотнесено с иллиро-фракийской, греческо-латинской оппозицией в прошлом, а также и с противопоставленностью современных турецких диалектов. В дискуссии по этому докладу, как это было и ранее, высказывалось сомнение: достаточна ли сетка атласа, состоящая из 15 пунктов, для выводов обобщающего характера.

Доклад **А.А. Плотниковой** (Россия) "Южнославянская этнокультурная лексика в ареальном аспекте" построен на материале полевых обследований по специальной этно-лингвистической программе МДАБЯ и на эксерпциях из большого числа диалектных словарей, этнографических описаний и др. Это дает возможность автору использовать варьирующуюся, но достаточно густую сетку пунктов и установить точную географию соответствующих лексем, а также мотивирующих их контекстов функционирования, семантики и символики разных групп терминологии традиционной духовной культуры. Анализ и сопоставление изоглосс позволяет выявить в пространстве Южной Славии несколько типов ареалов: глобальное противопоставление (запад - восток, центр - периферия), обособление небольших зон и др.

В докладе **Р. Коссутты** (Словения) "Словенский диалектологический атлас зоны Копра. Традиции и инновации" содержится общая информация о работе над словенскими региональными атласами области Истрия и специально - о принципах создания названного атласа и некоторых полученных результатах (ср. издание его в виде книги и CD-rom).

Диалектологическая тематика предполагала интерпретацию разного объема сведений об особенностях отдельных диалектов и их совокупностей.

В докладе **Л.Э. Кальный** (Россия) "Фонетическая программа слова как инструмент типологической классификации славянских диалектов" предлагается опыт создания динамической модели фонетической синтагматики славянских диалектов. Славянские языки/диалекты, получив после падения редуцированных сходное праславянское наследие, в дальнейшем существенно разошлись именно на уровне фонетической синтагматики. Актуализировалась новая синтагматически значимая рамочная единица - вместо слога такой единицей стало фонетическое слово, а правила развертывания звуковой последовательности определялись фонетической программой слова. В программе конкурируют унаследованные от праславянского состояния контактные связи между звуками (произносительная инерция) и вновь формирующиеся дистактные (антиципация) - эти типы связи хронологически маркированы и лежат в основе прогрессивно и регрессивно направленных фонетических изменений. Результаты использования указанных параметров в рассмотрении правил сочетания согласных разного места и способа образования в разных славянских диалектах переформулированы в типологические характеристики на уровне фонетической синтагматики. Ориентация звуковых изменений на контактный тип связи в звуковой последовательности (прогрессивное направление) репрезентует более архаический тип синтагматики и представлен в диалектах южной Славии (особенно македонские), а на западе - в серболужицких. Сравнительно более низкая частота регрессивного изменения согласных является знаком сопротивления внедрению в звуковую синтагматику инновации в виде дистактных связей, что свойственно тем же диалектам, которые по принципу контактных связей отнесены к архаическому типу. В диалектах южных регионов, а фрагментарно и в серболужицких, известна и такая особенность, как организация консонатной после-

довательности в соответствии с естественным направлением шумопрохождения ($d_1 I > > g, k$ перед я, /; $sc > xc$, $s? > xd$, $\aleph > x\aleph$). Эта фонетическая черта, которая не покрывается только понятием "диссимиляция", является проявлением особого синтагматического типа.

Доклад **Р.Ф. Касаткиной, Л.Л. Касаткина** (Россия) "Прародина оregonских старообрядцев-турчан по данным их говоров" является результатом наблюдения авторов над речью старообрядцев, переселившихся в разное время в США. По своим языковым характеристикам обследованная группа старообрядцев распадается на два говора. Выявленные черты фонетики, морфологии, синтаксиса, по мнению авторов, сближают говоры с русской юго-западной диалектной зоной. Хотя можно заметить, что недопустимость финальных мягких губных, сочетания *кы, гы, в* > широко присутствуют и в севернорусских говорах. Из фонетических черт особое значение авторы придают менее шипящих и свистящих спирантов, видя в этом указание на то, что прародиной оregonских старообрядцев мог быть регион Пскова. В докладе приводятся данные о лексике старообрядцев, которая в разных своих частях обнаруживает сходство с лексикой различных областей России и в то же время демонстрирует результаты контактов с другими языками. Лингвистическая характеристика говора предваряется информацией о перипетиях судьбы и передвижениях старообрядцев, оказавшихся в конечном итоге в штате Орегон.

М. Земляк, В. Смоле (Словения) предложили доклад "Частота и длительность исходно о-гласных в некоторых словенских акающих и укающих говорах". Полевой диалектный материал был подвергнут инструментально-акустическому анализу. Исследованы три говора - акающий (доленский), позиционно акающе-укающий (восточнодоленский) и преимущественно укающий (штаерский посавский). Результаты анализа частоты и длительности безударных гласных показаны в таблицах, включенных в доклад.

М. Колетник (Словения) в докладе "Фонетическое развитие словенскогоршкого наречия" рассматривает динамику явлений вокализма и консонантизма, образующую специфику названного диалекта. Автор располагает большим материалом, поскольку им написана монография (SlovenskogoriSko nareCje. Maribor, 2001), посвященная описанию именно этого наречия.

М. Флайер (США) в докладе "О редкой инновации в восточнославянском глаголе: пример белорусской диалектной формы типа *идом* 'идём'" появление формы *ргаes* I рi типа *идом*, *несом* связывает со специфическим набором фонетико-фонологических признаков, свойственных некоторым белорусским диалектам. Установлен четкий ареал бытования указанной формы - центрально-южные и юго-восточные говоры Беларуси.

С.Л. Николаев (Россия) в докладе "Новые данные о фонетике и просодии восточнославянских говоров" предлагает свой взгляд на явления, имеющие в славистике традиционно принятую интерпретацию. Это касается констатации разной рефлексии *ми *а в некоторых говорах карпатоукраинского ареала. Кроме того, автор вновь возвращается к теме, не раз обсуждавшейся им ранее, а именно о наличии тонового ударения (интонаций) в восточнославянских диалектах, конкретно - в черниговских полесских говорах.

В докладе **О. Ковач** (Венгрия) "Акцентологические и фонетические архаизмы в изолированных украинских говорах Венгрии и Румынии" интерпретируется полевой материал, собранный по специальной программе. Объектом исследования является судьба праславянских акцентных парадигм *a, b, c* разных именных и глагольных основ. Для говоров с постоянным ударением реконструируется архаическое состояние на материале фактов сохранения подвижного ударения. Цель доклада - установить зависимость поздних инновационных процессов от характера корневого гласного, а также сопоставление систем инновационных изменений исследуемых говоров.

В докладе **М. Йовановича** (Сербия и Черногория) "Континуанты старого гласного ять в говорах Черногории" рассматриваются особенности рефлексии краткого и долгого **ě* и факты нарушения отношений к количеству слога.

Ю. Накаджима (Япония) ("Опыт прагматического анализа местоименных форм в македонском языке"), используя данные македонского диалектологического атласа и материалы собственных наблюдений, устанавливает зоны противопоставления форм личных местоимений (с удвоением и без него), "синтетического" (*тебе те, тебе ти, нему му / него му* и др.) и "аналитического" (*на тебе те, на нему му / на него [му]* и др.) типов, - последние отмечаются, с разной фреквентностью, в восточных говорах Македонии. Запись диалектной речи в свободной беседе на определенную тему (в данном случае была выбрана тема "свадебная церемония") позволяет более точно описать функционирование разных форм и соотношение вариантов.

Л. Антонова-Василева (Болгария) в докладе "Семантические особенности вторичных имперфективов в болгарских диалектах в сопоставительном плане", изучая некоторые особенности функционирования указанных форм и их семантики в диалектах и литературном языке, приходит к уточненному пониманию глагольного вида как чисто грамматической категории и места признака итеративности в глагольной системе болгарского языка.

Р. Бенаккио (Италия) посвятила свой доклад "Употребление лексемы *ta* в пространственно-временных обстоятельствах в словенских диалектах Фриулии: еще раз о славяно-романских контактах" обоснованию версии происхождения в некоторых словенских говорах частицы-энклитики *ta* (в сочетании с рядом предлогов - *na*, *w* и др.) из славянского наречия **tamo* (> *tam-na* > *tan-na* > *ta-na* и др.). При этом, однако, отмечается и возможное влияние типологически сходных конструкций, существующих в соседних итальянских говорах.

С. Танасич (Сербия и Черногория) в докладе "Синтаксис падежей в говоре Вучияка в свете контактов с соседними икавскими говорами" анализирует, с одной стороны, синтаксические черты, отличающие указанные говоры от остальных, принадлежащих к той же, восточногерцеговинской, диалектной группе (ср. особенности употребления ряда предложно-падежных конструкций), а, с другой, - черты, четко ограничивающие исследуемый идиом от соседних ийекавских/икавских говоров хорватского языка (ср. отсутствие в говоре микрозоны Вучияк конструкций типа *k[a]* + дат. п.).

В. Астрэйка (Беларусь) в докладе "Бал*го-восточнославянское зональное взаимодействие", на основании ряда конфигурационно близких изоглосс на северо-западе и севере Беларуси, манифестирующих лексико-семантические инновационные явления, уточняет (по сравнению с более ранними исследованиями) область активных белорусско-балтийских контактов.

В докладе А.Ф. Журавлева (Россия) "Диалектный словарь и культурные реконструкции" при этимологизировании некоторых слов широко используются диалектные словари и этнографические работы, содержащие детальные описания народных обрядов, верований и др. Ср., например, обоснование автором новой версии происхождения названия птицы *Cuculus canopus* 'кукушка' как переносного. Первичным, по мнению автора, для этого слова является значение 'фигурка, кукла и под.' в русских диалектах, которое отражено в названиях народного обычая *крещение* и *похороны кукушки*.

В.В. Нимчук (Украина) в докладе "Проблема карпатоукраинско-южнославянских лексических параллелей" показывает, что и на современном этапе развития карпатского языкознания сохраняет актуальность такое его направление, как поиск и изучение элементов, общих для карпатоукраинских и южнославянских говоров, и иллюстрирует это положение на примере укр. диалектн. *авет, аведа* (Закарпатье) и параллелей в сербских диалектах.

Вопросы диалектной лексикографии рассматривались в докладах польских лингвистов В. Борыся и Г. Поповской-Таборской, а также И. Оконёвой. Первый из них, "Задачи и методы создания этимологических словарей небольших славянских зон", посвящен изложению принципов создания и ходу работы над Этимологическим словарем кашубских говоров. Авторы полагают, что создание подобных словарей является важной задачей славистики, поскольку это будет способствовать решению проблем славянского этногенеза. Второй доклад - "Состояние изучения и перспективы лексикографических

исследований в области польского языка Подгаля", содержит информацию об основных трудах, касающихся изучения указанного региона, изданных в Польше.

Здесь же упомянем доклад **Е. Русека** (Польша) "Словарь балканизмов в южнославянских языках", в котором содержится подробная характеристика указанного Словаря, подготовленного автором доклада и состоящего примерно из 2000 словарных статей. Важным его компонентом, наряду с данными общими и историческими словарей и иных источников, является диалектный материал балканославянских языков. Е. Русек определяет Словарь балканизмов как сопоставительный по своему характеру.

Вопросы исторической диалектологии также явились предметом рассмотрения на данном съезде, однако эта тематика оказалась представленной в небольшом числе докладов.

Эти вопросы, в связи с решением более общих, историко-культурных (resp. социокультурных) проблем отражены в докладах **Вяч.Вс. Иванова** (Россия) и **И.П. Климова** (Беларусь). В первом из них, "Славянские диалекты в соотношении с другими языками Великого Княжества Литовского", содержится детальное описание особенностей функционирования в XIV-XVII вв. славянских языков в их устной и письменной форме и дается характеристика, с одной стороны, западных восточнославянских говоров [= (старо)белорусского и/или (старо)украинского языка], которые использовались основной массой населения в повседневном общении (и вместе с иными языковыми идиомами явились базой главного письменного языка Княжества). Исследования показали, что в XIV-XV вв. в славянских говорах преобладали черты украинского типа (ср. развитие рефлекса **ě* > /), затем отмечается рост числа черт белорусского типа (смещение рефлексов **ě* и **e*, аканье, цоканье и под.). С другой стороны, автор указывает, что в ситуации функционального многоязычия определенное место занимали и диалекты "восточнорусского" языка, расположенные как на территории Княжества, так и за его пределами, на территории исторически связанной с балтийскими языками, что нашло отражение в существовании соответствующих параллелей в их фонетическом развитии (ср., например, **dl* > **gl* и др.).

В своем докладе "Реформация в истории литературных языков славян. Вклад польско-белорусского и словенско-хорватского протестантизма" **И.П. Климов** рассматривает проблему выбора того или иного диалекта (= диалектного койне) при создании в Южной и Северной Славии в XVI в. переводов библейских книг с целью облегчения пропаганды протестантских идей на народном (разговорном) языке. Автор обращает внимание на общие и специфические факторы в сфере переводческой деятельности в двух указанных центрах.

Отношение к современным диалектам как важнейшему источнику истории языка отличает доклад **Н.Е. Анянцевой** (Россия) "Роль данных глагольного словообразования в современных западнославянских диалектах для изучения исторических процессов славянской глагольной деривации". Автор, анализируя в современных диалектах (прежде всего польских - малопольских, силезских и др.) префиксальные дериваты с различным акциональным значением и сопоставляя эти данные с показаниями памятников письменности, выявляет как архаичные черты в современных диалектах (ср. сохранение перфективирующей функции приставок *do-o-/ob[e]-*), так и многочисленные инновации (ср. функционирование в разных диалектных зонах "вторичных" дистрибутивов типа *pozwybierac*, неитеративных дистрибутивов типа *pospisać* и под.). Подобное направление исследований позволяет уточнять исторические тенденции развития таких явлений, которые на стадии их становления отражены в памятниках письменности.

Й. Лисац (Хорватия) в докладе "Возникновение и развитие юго-западного истрийского диалекта" анализирует отдельные особенности диалекта и приходит к выводу, что он по своему происхождению является штокавским, но по мере продвижения к Истрии приобрел многие черты чакавизма.

Интересную информацию содержит доклад **С. Халиловича** (Босния и Герцеговина) "Боснийскогерцеговинские говоры конца XIX в. (в свете Анкеты о говоре простого народа 1897 г.)". Автор сообщает об анкете обследования диалектов, подго-

товленной М. Решетаром и опубликованной в Сараеве в 1897 г. Она предназначалась для изучения боснийскогерцеговинских говоров с тем, чтобы 1) установить их основные особенности, 2) связать их с конфессиональной принадлежностью носителей диалектов, 3) установить различие между говорами и стандартом того времени. Материал ответов на эту программу дает информацию о диалектной картине центральной штокавской территории конца XIX в. Используя эти данные, автор реконструирует ряд боснийскогерцеговинских изоглосс.

Л. Коленич (Хорватия) в докладе "Славонский диалект в отношении к другим хорватским диалектам" характеризует этот идиом как штокавский архаический тип, что проявляется в акцентной системе и в морфологических особенностях. В то же время диалект имеет общие черты с архаическими диалектами кайкавского и особенно чакавского наречия. Автор, учитывая это, ставит задачу дать свое понимание развития хорватских диалектов.

Ж. Милин, М. Радан (Румыния) в докладе «О едином происхождении некоторых архаических сербских говоров на территории Румынского Баната (карашевского, свиначского и "банатско-черногорского")», анализируя основные фонетико-морфологические, синтаксические и лексические особенности каждого говора, приходят к следующим выводам: 1) все говоры принадлежат к некогда единому архаическому штокавскому диалекту экавского типа, который был распространен от юго-западной части Сербии и соседних областей Черногории до областей Славония и Банат; миграционные процессы XIV-XVIII вв. нарушили это изначальное единство; 2) современное состояние указанных говоров указывает на известную близость их к некоторым говорам косовско-ресавской зоны; 3) сербское происхождение изученных говоров не может быть подвергнуто сомнению, несмотря на заметное влияние на них соседних болгарских диалектов.

Доклад **И. Шаллерта** (Канада) "Рефлексы общеслав. **nogbtb* 'ноготь, коготь' в болгарских диалектах" представляет собой опыт диахронической интерпретации диалектных вариантов, отраженных в Болгарском диалектном атласе в виде достаточно четких ареалов разной величины: *nokbt* ~ *nekbtf* ~ *пъкы* и др.

М. Маркович (Македония), основываясь на материалах ОЛА, в докладе "К славянской этимологии (общее название одежды)" рассматривает некоторые обозначения данной реалии в славянских и иных индоевропейских языках и показывает сходство глубинных (= мотивационных) признаков, определяющих типологическую близость различных номинаций.

Тематика влияния славянских языков на неславянские представлены двумя докладами. **Дж. Левин** (США) ("Севернославянско-литовские контакты: взаимное влияние и сопротивление") полагает, что лишь на части указанной контактной зоны (юго-восток Литвы - северо-восток Беларуси) можно допускать славянское влияние в сфере фонетики, а точнее - говорить об определенной общности ряда фонетических процессов ($\text{£} > \text{с}$, аффрикатизация *t*, *d* перед передними гласными, сдвиг артикуляции /, *e* > *ы*, £ , появление протетического *h* и под.). При этом ареалы отдельных явлений не совпадают. На остальной части зоны процессы фонетических изменений в литовском шли независимо от славянского.

Р. Сырбу (Румыния) в докладе "Актуальные тенденции в истрорумынском диалекте (влияние хорватского языка)" определяет ситуацию в говоре с. Жеяни (Истрия) как асимметричный билингвизм. Указывается на ассимилирующую роль хорватских диалектов и хорватского литературного языка, что отражается в существовании большого числа вариантов и дублетов в лексике и семантике, в возникновении новых грамматико-словообразовательных форм и др.

В предлагаемом обзоре необходимо отметить, что диалектологическая проблематика отразилась и в докладах, подготовленных российскими лингвистами к МСС, но не включенных в его программу. Они были прочитаны на Московской конференции, посвященной МСС (июнь 2002 г.), и опубликованы отдельным изданием (см. Приложение). Это следующие доклады.

В докладе **СВ. Князева** "О формировании важнейших типов аканья и яканья в русском языке" предложен вариант решения проблемы, традиционно являющейся дискуссионной в руссистику. По мнению автора, аканье в русских говорах возникло после падения редуцированных и имело в своей основе разную длительность гласных в ударном и предударном слогах. В этой ситуации предударные гласные (кроме самых кратких, какими были *u*, *ы*, *у*) сокращались до степени *ɤ/ʌ*, в чем видится тот же механизм, который действовал при сокращении **ɔ*, **ɔ̄* перед слогом с гласными полного образования. Особые отношения между предударным и ударным слогом реализовались в тех говорах, где они объединялись в "просодическое ядро" слова (в говорах, сохранивших различие предударных гласных неверхнего подъема, "просодическое ядро" отсутствовало). В дальнейшем в рамках "просодического ядра" предударный гласный подвергался изменениям в зависимости от собственной длительности ударного гласного. На этом основано многообразие моделей предударного вокализма русских акающих/якающих говоров.

Вопросам изученности русского диалектного континуума методами лингвогеографии посвящен доклад **С.К. Пожарицкой** "Говоры северных территорий и их место в диалектном членении русского языка". Отсутствие в ДАРЯ территории севернее 62 параллели вывело за пределы изучения важную для характеристики русского диалектного континуума группу говоров, традиционно именуемую Поморской в рамках севернорусского наречия. Анализируя ряд языковых особенностей этих говоров в Архангельской обл., автор приходит к выводу, что выделение особой Поморской группы говоров имеет объективные основания и без учета этого картина диалектного членения русского языка не может быть полной.

И.А. Букринская, О.Е. Кармакова в докладе "Противопоставление центральных и периферийных ареалов в восточнославянской лингвогеографической традиции" рассмотрели проблему соотношения этих ареалов в пределах Европейской части русской языковой территории. Авторы на основании большого числа преимущественно лексико-семантических изоглосс, отраженных на картах "Диалектологического атласа русского языка", предлагают условную локализацию "центра". Это - говоры вокруг Москвы и в Волго-Клязьминском междуречье. Говоры же вологодской и рязанской зон они относят к "периферии". В то же время обращается внимание на относительный характер данного соотношения. Уже в рамках восточной Славии указанный континуум "центральных" говоров может рассматриваться как "восток", противопоставленный "западу" (= западная часть русских говоров, говоры украинского и белорусского языков), а в масштабах всей Славии - как "периферия", где обнаруживается значительное число черт, зафиксированных в говорах другой "периферийной" области, а именно южнославянской.

В докладе **С.А. Мызникова** "Субстратный языковой ландшафт русских говоров Северо-Запада", построенном на материале его "Атласа субстратной и заимствованной лексики русских говоров" (СПб., 2003), ареалогический метод характеризуется как наиболее эффективный при изучении заимствований. Автор в сфере, определяемой им как "субстратная лексика", стремится разграничить (хронологически стратифицировать) явления различного типа (ср. "полный"/"неполный" субстрат, "адстратный" субстрат и под.). Кроме того, констатируется наличие в русских говорах Северо-Запада и таких лексических единиц, которые имеют иную природу (= "адстратные проникновения"). Теоретические положения доклада проиллюстрированы на примере анализа карты, посвященной названиям картофельной ботвы.

Анализ диалектологической проблематики, отраженной в докладах, которые были подготовлены к XIII Международному съезду славистов, позволяет сделать некоторые выводы.

Славянские диалекты, как специфическая форма функционирования национальных языков, продолжают привлекать внимание лингвистов. Диалекты исследуются в разных аспектах. Традиционно популярными остаются описания особенностей диа-

лектов и их лингвогеографическая интерпретация. Однако диалектная карта обретает и новое значение, которое уже не сводится только к изображению дифференциации картографируемой территории с помощью изоглосс. Важное место занимает ареалогическая характеристика картографируемого пространства, когда выявленные зоны рассматриваются как аргумент в решении проблем генезиса и развития отдельных славянских языков и их групп, помогают понять специфику синхронных отношений между разными диалектами/языками.

Накопление знаний об отдельных языковых особенностях славянских диалектов создает базу для построения типологических обобщений. Закономерным результатом этого является построение типологической классификации славянских диалектов/языков на разных уровнях (такой опыт продемонстрирован на уровне фонетики).

В то же время необходимо отметить, что в докладах по диалектологии был широко представлен социолингвистический аспект. Диалекты рассматриваются как идиомы, существующие в рамках определенной языковой ситуации, а также вступающие в контакты с окружающей языковой средой. Социально маркированный статус диалектов определяет не только динамику их развития в рамках национального языка, но и придает определенную окраску общей картине национального языка. Такое представление о диалектах складывается в том случае, когда в исследовании на фоне знаний о "внутрилингвистических" свойствах идиома приоритет отдается факторам "внешнелингвистическим", а также "экстралингвистическим". Установление социолингвистических характеристик в диалектологии требует разработки специальных методов и техники обследования диалектов. Надо отметить, что значительные успехи в этом направлении продемонстрировали доклады зарубежных лингвистов. К сожалению, этот аспект диалектологии не нашел отражения в российских докладах. Можно надеяться, что в дальнейшем социолингвистическая проблематика займет достойное место в трудах отечественных славистов.

Приложение

Рассмотренные доклады отражены в следующих изданиях:

1. МАНУ. Отделение за лингвистика и литературна наука. XXVII. 1-2. Реферати на македонските слависти за XIII Меѓународен славистички конгрес во Љубљана, 2003. Скопје, 2003.
2. Мовознаўства. Штэратура. Культуралогіі. Фалькларыстыка. XIII Міжнародны з'езд слаўктаў (Љубляна 2003). Доклады беларускай дэлегацыі. Мінск, 2003.
3. Мовознавство. № 2-3. XIII Міжнародний з'їзд славістів. Доповіді української делегації. Київ, 2003.
4. Славянска филологія. 23. София, 2003.
5. Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. *Любляна 2003 г.* Доклады российской делегации. М., 2003.
6. Славянское языкознание. Материалы конференции (Москва, июнь 2002 г.). К XIII Международному съезду славистов. М., 2003.
7. American contributions to the XIII International congress of Slavists (Ljubljana, 2003). V. 1: Linguistics. Bloomington, 2003.
8. Contributi italiani al XIII congresso internazionale degli slavisti (Ljubljana 15-21 agosto 2003). Pisa, 2003.
9. XIII Mednarodni slavistični kongres. Ljubljana 15-21 avgust 2003. Zbornik povzetkov. 1. del. Jezikoslovje. Ljubljana, 2003.
10. XIII Mednarodni slavistični kongres (Ljubljana 15-21 avgust 2003). Program. Ljubljana, 2003.
11. Príspevky slovenských slavistov. XIII medzinárodný zjazd slavistov v Ľubľane. Bratislava, 2003.
12. Romanoslavica XXXVIII. Referate și comunicări prezentate la cel de-al XHI-lea congres internațional al Slaviștilor (Ljubljana 15-21 august 2003). București, 2002.
13. Slavistična revija. Letnik 51. Zbornik referatov za Trinajsti mednarodni slavistični kongres. Ljubljana, 2003.
14. Z polskich studiów slawistycznych. Seria 10. Językoznawstwo. Prace na XIII Międzynarodowy kongres slawistów w Lublanie 2003. Warszawa, 2002.
15. Zeitschrift für Slawistik. B. 48. Hft. 2. 2003.

РЕЦЕНЗИИ

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции /
 Отв. ред. чл.-корр. РАН Э.Р. Тенишев. РАН Ин-т языкознания. М.: Наука, 2002. 767 с.

Пятая книга коллективного труда "Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков" продолжает серию, начатую работами "Фонетика" (1984), "Синтаксис" (1986), "Морфология" (1988) и "Лексика" (1997).

В создании данного труда приняли участие видные российские тюркологи Э.Р. Тенишев, Г.Ф. Благова, Э.А. Грунина, А.В. Дыбо, И.В. Кормушин, Л.С. Левитская, Д.М. Насилов, О.А. Мудрак, К.М. Мусаев и А.А. Чеченов. Ими была предпринята попытка создать реконструкцию праязыков отдельных языковых групп тюркской семьи: огузской, кыпчакской, карлукско-уйгурской, кыргызской, тобаской, якутской и болгарской.

Структурно книга состоит из предисловия; 7 глав, посвященных соответственно реконструкции праязыков огузской, кыпчакской, карлукско-уйгурской, кыргызской, тобаской, якутской и болгарской групп; главы, посвященной морфологической лингвостатистике тюркских языков; списка сокращений; библиографии и списка языков и диалектов.

Разделение на главы отражает классификацию тюркских языков, принятую авторами книги и подтверждаемую проведенной реконструкцией (необходимо отметить, что общепринятой классификации тюркских языков на настоящий момент нет).

Авторы ограничились только реконструкцией фонетической и морфологической систем, практически не затронув вопросы реконструкции синтаксиса и лексики. Тем не менее, реконструкция фонетического и морфологического уровня праязыков групп тюркских языков, проведенная на основе сравнительно-исторического метода с применением приемов лингвостатистики, создает надежную основу для ступенчатой реконструкции общетюркского праязыка и позволяет более полно выявить историю тюркских языков.

В современной тюркологии имеются работы, посвященные реконструкции тюркского праязыка или отдельных его аспектов,

однако большинство этих работ рассматривает все тюркские подгруппы одновременно, не проводя внутригрупповой реконструкции. Безусловно, логичней было бы сначала провести внутригрупповую реконструкцию, а затем - общепратюркскую, однако наука не всегда развивается последовательно. Рецензируемая работа заполняет собой давно пустующую лауну в тюркологических исследованиях. Появление добротной сделанной на обширном языковом и диалектном материале реконструкции групп позволяет внести ряд дополнений в имеющиеся представления о тюркском праязыке, верифицировать полученную ранее картину.

К сожалению, в книге отсутствует обобщающая глава, посвященная реконструкции тюркского праязыка (или хотя бы его морфологии и фонетики), сделанной на основе предложенных реконструкций подгрупп тюркской семьи. Несомненно, в некоторых частях такая реконструкция должна отличаться от предлагавшихся ранее В.А. Богородицким, Б.А. Серебренниковым и Н.З. Гаджиевой, Н.А. Баскаковым, А.М. Щербаком и другими тюркологами, а также самими авторами в предыдущих томах своей сравнительно-исторической грамматики, так как проведенная реконструкция на уровне подгрупп позволила получить новые важные результаты [ср., например, обоснование реконструкции дательного падежа **ja* для праогузского и пратюркского (с. 141-142), реконструкцию для пратюркского гласных **a*, **d*, **e*, **ë* (с. 677) и т.д.].

Необходимо отметить, что при реконструкции фонетики и морфологических категорий той или иной подгруппы авторы не ограничивают себя узкими рамками внутригрупповой реконструкции, активно используя данные из других групп тюркской семьи, а также критически разбирая имеющиеся варианты реконструкции пратюркского состояния, приведенные в работах предшественни-

ков - см., например, подробный разбор падежной парадигмы пратюркского языка (с. 635-638) в главе "Тобаская группа", очерк пратюркского консонантизма (с. 689-693) в главе "Булгарская группа" (с привлечением данных праалтайского языка) и т.д.

Как указывается в предисловии, авторами "осуществляется независимый отбор объектов рассмотрения, который определялся в первую очередь репрезентативностью материала в плане реконструкции, но в отдельных случаях и субъективными авторскими предпочтениями". Это в ряде случаев приводит к неравномерности описания: так, например, очень подробное описание фонетики чувашского языка (глава "Булгарская группа") резко контрастирует с предельно кратким описанием его морфологии.

Довольно сильно различаются схемы изложения материала у разных авторов, из-за чего несколько страдает целостность книги и создается впечатление тематического сборника статей.

Надо заметить, что терминология названий подгрупп в книге не унифицирована и отличается у разных ее авторов, что несколько затрудняет чтение работы. Так, например, кыпчакские языки разделяются, по терминологии, используемой К.М. Мусаевым, на западную, северную и центральную подгруппы (с. 217), а по терминологии, используемой А.А. Чеченовым, - на куманскую, канглийскую, уральскую и периферийную подгруппы (с. 219).

Особый интерес представляет помещенная в конце тома глава "Об уточнении классификации тюркских языков с помощью морфологической лингвостатистики". Автор данной главы, О.А. Мудрак, предлагает новую методику определения времени распада языков на основе списка из 83 вопросов по исторической фонетике и морфологии тюркских языков. Выбор вопросов для каждой языковой семьи должен быть индивидуален. Тюркский список пригоден только для тюркской семьи. Тем не менее данная глава имеет и большое общелингвистическое значение, поскольку сама методика морфологической и фонетической лингвостатистики *mutatis mutandis* может быть применена для относительной датировки распада языков любой семьи. Ее применение может дополнять и верифицировать лексическую глоттохронологию, повышая тем самым надежность глоттохронологических методов.

Среди вопросов, вошедших в список: назализация **ʙ* перед носовыми (есть/нет), развитие пратюркского **ʙ* (совпадение с **j* / совпадение с **d* или свистящий дентальный ре-

флекс / совпадение с **ʒ*), наличие архаичного АЫ. на *-*ʎ* в склонении имен, или хотя бы в омертвевших наречных образованиях (да/нет), причастие будущего времени (-*(*j*)ar/*-*asu*), личное местоимение ISgDat (передний ряд/задний ряд), форма вопросительного местоимения (kim/kem) и т.д. Для ответов на вопросы привлечены данные сорока двух тюркских языков и диалектов. После этого рассматриваются процентные схождения между языками, что позволяет выявить общие инновации ряда тюркских языков, уточнить структуру генеалогического дерева и постулировать относительное время распада тюркских языков. Полученные данные сами по себе достаточно важны и представляют собой ценный материал для исследования вероятного диалектного членения тюркского праязыка, взаимодействия тюркских диалектов и обоснования классификации тюркских языков. Однако автор не останавливается на достигнутом, а пытается установить абсолютное время распада тюркских языков. Для выявления абсолютного времени распада используется формула, аналогичная формуле, предложенной С.А. Старостиным (1991) для лексикостатистики.

$$t = \frac{\sqrt{n(Nn(t)/N_0)}}{-n\lambda\sqrt{Nn(t)}}$$

При этом коэффициент скорости изменения *X* определяется заново. Разделения тюркских языков связываются с определенными историческими изменениями. В частности, одинаковый процент совпадений (85-86%) у кумыкского и карачаево-балкарского языков, ногайского и казахско-каракалпакской общности, узбекского и уйгурского и некоторых других указывает на мощные исторические сдвиги на территории проживания тюркских народов. О.А. Мудрак связывает это разделение языков с эпохой Тимура и, исходя из даты 1380 г., вычисляет коэффициент *X* и соотносит дивергенцию тюркских языков с теми или иными известными событиями истории тюркских народов. На наш взгляд, такое соотношение лингвистических и экстралингвистических событий нуждается в дополнительном обосновании. Уместно было бы привести в данной главе и сведения о том, какие даты разделения тюркских языков получаются по лексической глоттохронологии.

Данная книга может служить расширенным введением в тюркологию. В ней собран воедино громадный диалектологический материал, приведены точки зрения многих тюркологов на важные проблемы тюркской сравнительно-исторической и синхронной

лингвистики, дан подробный анализ важнейших морфологических категорий имени и глагола, описаны фонетические системы современных тюркских языков и диалектов, приведена краткая история формирования тюркских племенных объединений, соответствующих генетическим группам тюркских языков.

Работа такого масштаба является пионерской в мировой тюркологии и несомненно займет достойное место на полках всех ученых, занимающихся историей тюркских языков.

И.А. Грунтов

G.G. Corbett. Number. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. xx + 358 pp.

В 2000 году увидела свет книга "Число", написанная известным британским славистом и типологом Г. Корбеттом. Книга предназначена для широкого круга читателей. Заявленная как университетский учебник серии "Cambridge textbooks in linguistics", она в равной мере может быть полезна исследователям конкретных языков и типологам, так как представляет собой исчерпывающий и в высшей степени систематизированный свод современных знаний о грамматической категории (ГК) числа.

Книга состоит из девяти глав. В вводной 1-й главе автор развеивает предрассудки, связанные с представлением о числе: что число - это только противопоставление единственного и множественного; что все релевантные единицы маркируют число; что все слова, маркирующие число, делают это одинаковым образом; что число выражается обязательно; и что это именная категория. Тем не менее, большая часть книги (главы 2-7) посвящена как раз именному числу. Последовательно рассматриваются а) семантические противопоставления по числу; б) единицы, которые могут быть вовлечены в систему числовых противопоставлений; в) типология сочетания этих двух параметров, т.е. для каких именных единиц какие значения числа возможны; г) средства выражения числа; д) синтаксис числа; е) особые виды употреблений числа (множественное вежливости и др.). В главе 8 рассматривается значительно более редкое явление глагольного числа, а в заключительной 9-й главе дается краткий обзор теории развития числовых систем в диахроническом аспекте, взаимодействие числа с другими категориями и излагаются некоторые новые идеи в изучении ГК числа.

Во 2-й и 3-й главах семантическая типология числа рассматривается в двух измерениях: с точки зрения того, какие вообще грамматические числовые значения выражаются в языках, и того, какая часть имен из всей лексической именной системы может маркировать число. В первую очередь, автор фокусирует внимание на противопоставлении

числовых граммем внутри различных типологических схем. Отталкиваясь от известной универсалии Дж. Гринберга "Нет языка, в котором было бы тройственное число, и не было бы двойственного. Нет языка, в котором было бы двойственное число, и не было бы множественного" [Greenberg 1963: универсалия № 34] (singular > plural > dual > trial), Г. Корбетт переходит к деревьям бинарных противопоставлений (см., например, на с. 41 рис. 1):

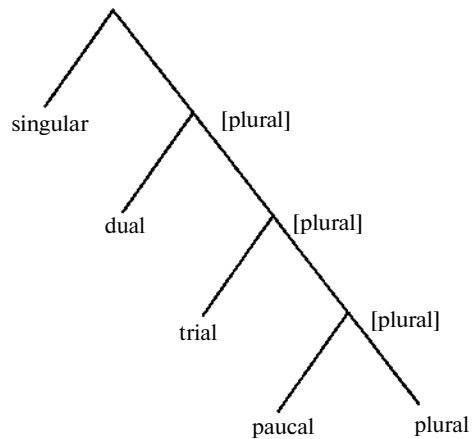


Рис. 1. Система числа в языке лихир (океанич), независимые местоимения

Это позволяет ему расположить в числовой иерархии значения паукального числа, называющего небольшое количество предметов; "большого" паукального числа ('greater paucal'), выделяемого в языках с двумя паукальными формами и называющего количество, большее чем то, которое обозначается обычным паукальным числом, но меньшее чем то, которое обозначается множественным числом; "большого" множественного числа ('greater plural', со значением избыточного количества или всеобщности); а также т. наз. значение общего числа ('general number'), подразумевающего, что объект коли-

чественно не охарактеризован [пример из байсо (кушитск.): *ШBan foofe* 'я увидел льва / львов (одного или более одного)', с. 11]. Приводимый материал доказывает, что значение общего числа - достаточно распространенное явление, причем оно может выражаться либо уникальным показателем (например, в кушитском языке байсо), либо так же, как значение ед. числа (например, в японском языке), либо, что гораздо реже, так же, как значение мн. числа (например, у части имен кушитского языка арбор) - в последнем случае форма общего / мн. числа противопоставлена форме ед. числа. Отдельный вопрос - существуют ли в языках мира формы со значением 'четыре'. Исследуя "кандидатов" на эту роль, Г. Корбетт приходит к выводу, что в реальных текстах они все-таки получают значение паукального числа, а значение 'четыре' реконструируется у них только этимологически. Таким образом, показано, что в самых развитых системах существует не более пяти противопоставленных граммем.

Во второй части главы 2 рассматриваются понятие факультативного числа и языка без числа (к таковым относятся язык пираха, на котором говорят в бассейне Амазонки, язык кави (старо-яванский), а также, как принято считать, классический китайский язык).

В основу главы 3, посвященной существительным и местоимениям, у которых допускается выражение категории числа, положена иерархия одушевленности [Smith-Stark 1974]:

1-st person > 2-nd person > 3-rd person >
> kin > human > animate > inanimate.

Утверждается, что если в языке слово, относящееся к некоторому сегменту иерархии, маркирует число, то любое слово, относящееся к сегменту иерархии, расположенному слева от данного, также допускает выражение числа. Например, в австралийском языке маяли существительные, обозначающие людей, различают ед. и мн. число с помощью глагольного согласования, но это неверно для имен, обозначающих животных и неодушевленные объекты. Таким образом, противопоставление числовых форм всегда затрагивает верхнюю часть иерархии одушевленности, и, например, противопоставление пяти граммем числа, как было показано ранее, возможно только в системе местоимений.

В 4-й главе делается попытка распространить правило иерархии одушевленности на системы, насчитывающие три и более числовые граммемы. В соответствии с общими принципами, круг имен, маркирующих двой-

ственное (паукальное) число, не может быть шире, чем круг имен, маркирующих множественное число; аналогично, для языков, в которых противопоставляются двойственное и паукальное число, круг имен, имеющих формы паукального числа, не может быть шире, чем круг имен, имеющих формы двойственного числа. С некоторыми оговорками, это правило можно распространить и на системы с факультативным числом. Однако закон иерархии одушевленности бессилён, если речь идет о "минорных" формах числа, которые выражаются у очень ограниченного числа лексем (разд. 4.2 и 4.5.5). Например, в современном иврите насчитывается порядка десяти слов с формами двойственного числа, называющих некоторые (но не все) отрезки времени и другие неодушевленные сущности, т. е. относящихся к нижней части иерархии одушевленности. Точно таким же исключением становятся и формы экзотического "совокупного" числа ('mass number'), которые зафиксированы в северо-западных диалектах испанского языка, ср. *pilu* [sg] ~ *pelos* [pj] ~ *pelo* [mass] 'волос'.

В продолжение темы взаимодействия лексической и грамматической систем языка, в разд. 4.3 и 4.4 рассматриваются нестандартные значения "стандартных" числовых форм, а именно, ассоциативное, дистрибутивное и собирательное. В разделе 4.5 изучается феномен "совмещенных чисел" ('conflated numbers'): так, в отомангском языке паме неодушевленные существительные выражают значение ед. и дв. числа одной формой, в то время как одушевленные имена их противопоставляют. Как видно, полученная картина не укладывается ни в одну из допустимых типологических схем (см. гл. 2). В связи с этим Г. Корбетт выдвигает идею выделять для таких, сложных случаев первичную и вторичную системы числа: одну - для вершины иерархии одушевленности, а другую - для нижних сегментов этой иерархии.

В главе 5 автор переходит от семантики числа к способам его выражения. Наряду с широко распространенными показателями числа, такими как флексия, сдвиг ударения, чередование, внутренняя модификация, редупликация основы, супплетивизм и т.п., рассматриваются и менее обычные средства выражения - аналитические показатели числа ('number words', встречаемые в языке тагалог), инвертированное (полярное) число (например, в языке кива, Ю.-З. Оклахома), составленное число ('constructed number', ср. язык хопи, в котором дв. число выражается комбинацией показателем мн. числа при мес-

тоимении и ед. числа при глаголе), а также явление двойного маркирования.

В 6-й главе, озаглавленной "Синтаксис числа", в качестве ключевых средств описания выступают традиционные понятия "контролера" и "мишени" согласования, а также понятия семантического и синтаксического согласования. По тому, где в предложении выражается именное число, языки делятся на три класса: те, у которых оно маркируется только при именной группе (например, лезгинский язык); те, у которых оно маркируется как при именной группе, так и при глаголе (ср. русский язык); и те, у которых оно маркируется только при глаголе (например, папуасский язык амеле). Если в предыдущей главе о средствах выражения числа автор, скорее, систематизировал хорошо разработанные в типологии понятия, то здесь у него появляется гораздо больше поводов для дискуссии, в частности, при описании колебаний в согласовании по числу глагола с сочиненными и комитативными группами, а также имени с числительным.

В 7-й главе Г. Корбетт возвращается к плану содержания грамматической категории, а именно, рассматривает вторичные функции числовых форм. Многие формы используются для достижения определенных коммуникативных задач. Так, весьма распространено в языках мира употребление местоимений в форме мн. числа для выражения уважения к адресату (в русском языке ту же функцию может выполнять и глагол мн. числа, не согласованный с подлежащим ед. числа, например, *маменька плачут*) или для обозначения личной скромности говорящего (*нетто мы не понимаем?*). Другие любопытные употребления отмечены лишь для отдельных языков, ср. наблюдение за тем, что в русских командах, обращенных к множеству солдат, используется форма ед. числа (ср. *становись! разойдись!*), в языке паама та же форма используется, напротив, для завоевания доверия аудитории. Для того чтобы выразить и свои эмоции и привлечь внимание адресата к сообщаемому, используются разного рода аффективы (эмфатические, гиперболические и т. п. употребления мн. числа существительных).

Иного рода вторичные значения относятся к модальной рамке высказывания. Например, в австралийском языке ндьеббана в генерализованных суждениях о нормальном течении событий множество людей может быть обозначено ед. числом (или даже особой "двойственной" формой). В различных языках мира употребление мн. числа вместо "ожидаемого" единственного привносит оттенок аппроксимативности, ср. турецкие формы *burada* *здесь'

(букв. 'в этом месте', ед. ч.) - *bur alar da* 'где-то здесь' (букв. 'в этих местах', мн. ч.); догон. *ibe yaew yo, isu mbe nie mbe bawie* 'если ты пойдешь на рынок, купи рыбу, масло и тому подобное' (букв. 'рыбы-масла'). Эвазивные употребления мн. числа встречаются в языках с категорией рода и служат для того, чтобы избежать обозначения пола человека (например, если речь идет о неродившемся ребенке).

К сожалению, глава о неколичественных употреблениях форм числа не производит того впечатления целостности и структурированности, которое выгодно отличало предыдущее изложение. Здесь, скорее, перечисляются те немногие интересные факты, которые удастся почерпнуть из существующих грамматических описаний. Возможно, причиной тому - некоторая "маргинальность" описываемых явлений по отношению к категории в целом. То же самое можно сказать и про следующую, 8-ю главу, которая посвящена глагольному числу. Это гораздо менее исследованная подкатегория ГК числа, принципиально отличная от согласовательной категории глагольного числа. Один тип выражаемых семантической категорией значений во многом можно трактовать как аспектуальный, т. к. обозначаются повторяющиеся события; так, пример из хауса *naa a'aikée su* 'Я послал / посылал их' можно трактовать как а) 'Я послал их в одно время в разные места', б) 'Я посылал их в разное время в одно место' или с) 'Я посылал их в разное время в разные места'. Другой тип значений передает число вовлеченных в ситуацию участников (в русском языке соответствующие значения выражаются только лексически, ср. *уничтожить ~ истребить, болезнь ~ эпидемия* и др. [Плунгян 2000: 283-284]). Сравнивая глагольное и именное число, Г. Корбетт приходит к выводу, что они во многом различны, как по количеству выражаемых значений и вовлеченных в категорию лексем, так и по месту маркирования числа в предложении, и по богатству морфологических средств.

В последней главе книги, озаглавленной как "Заключение и новые задачи", автор останавливается на тех моментах, которые оказались вне основной темы исследования, но все же из соображений системности должны быть освещены в описании ГК числа. В разделе 9.1 обобщаются представления о том, как развиваются и разрушаются системы числа. Очевидно, что книга задумана как преимущественно синхронное исследование ГК числа; автор не скрывает, что он обладает недостаточным количеством "диахронических" дан-

ных, а потому в разделе доминируют предположительные интонации. Развитие числа может рассматриваться как пример грамматикализации [Lehmann 1995: 56-59]. Наиболее вероятным источником морфологических показателей числа являются аналитические показатели числа (*number words*), в свою очередь, восходящие к собирательным именам, местоимениям и указательным словам. Кроме того, в языках с уже устоявшейся системой числовых противопоставлений маркер мн. числа может замещаться маркерами дистрибутивности (например, в языке квилиут) и собирательности (ср. славянские основы мн. числа, восходящие к праславянским основам с собирательным суффиксом), а в различных языках Северной Америки показатель мн. числа восходит к показателю неидентифицированных участников. Что касается показателей двойственного, тройственного и паукального числа, то они, как правило, происходят от числительных "два", "три" и "четыре". Если в языке развиваются несколько показателей некоторого числа, то они, скорее всего, будут противопоставлены в соответствии с иерархией одушевленности (т.е. будут различаться, к примеру, 'некоторое количество людей' и 'некоторое количество животных').

Семантическая система числа эволюционирует от противопоставления типа "общее/ед. число vs. мн. число" к обязательному противопоставлению типа "ед. число vs. мн. число". Дальнейшие изменения и распад системы числа связаны не только с потерей числовых показателей, но и с их семантической реинтерпретацией. В качестве наиболее интересных отметим случаи замещения показателей мн. числа показателями двойственного, тройственного и т.п. числа. Так, в микронезийском языке мокил формы со значением 'три' и 'четыре' получили значение обычного множественного числа - на фоне того, что формы мн. числа стали обозначать еще большее количество (т. наз. 'remote plural'). В исландском языке местоимения мн. числа взяли на себя функцию форм вежливости, в то время как в качестве показателей мн. числа стали выступать старые местоимения дв. числа. Падение числовых значений может оставлять любопытные следы в морфологии и синтаксисе, ср., например, русские счетные формы типа (два) *часá* и особые правила согласования с числительными "два", "три", "четыре".

В разделе 9.2 автор освещает (к сожалению, весьма кратко) вопросы взаимодействия категории числа с категориями рода, падежа, лица и определенности. Категория рода зависит от числа, в том смысле, что "в

языке не может быть больше противопоставлений по роду в не-единственных числах, чем в единственном" (универсалия № 37 Дж. Гринберга [Greenberg 1963]). Г. Корбетт развивает идею Гринберга, утверждая, что "если различаются значения множественного и других не-единственных чисел, то в этих других значениях мы не можем ожидать больше противопоставлений по роду, чем во множественном числе" (с. 272); так, словенский глагол прошедшего времени различает три родовые формы в ед. и мн. числе, но не различает формы женского и среднего рода в дв. числе. Категория падежа сама может влиять на числовую дифференциацию (например, факультативное множественное (в нивхском и корякском языках) или факультативное двойственное (в др.-греческом) чаще опускается в косвенных падежах, чем в номинативе), хотя возможна и обратная зависимость - падежа от числа (например, в словенском языке, не различающем в дв. числе дательный и творительный падежи существительных). Зависимость категории числа от категории лица подробно обсуждалась в главе 3; в заключительной главе автор приводит редкий пример противоположного влияния: в языке хуа и некоторых других языках Папуа-Новой Гвинеи свободные местоимения 2-го и 3-го лица различаются только в ед. числе. По-видимому, наиболее однозначна зависимость между категорией числа и категорией определенности: в самых разнообразных языках мира различие по числу допускается только в определенных именных группах, а неопределенные именные группы не могут дифференцироваться по числу. В конце раздела упоминаются еще более экзотические случаи взаимодействия числа с другими категориями: логофоричностью, переклещением референции и поссессивностью.

В разделе 9.3 речь идет об употреблении форм числа в тексте, главным образом, об их статистическом распределении и нерегулярности. Как правило, в текстах одного языка количество форм ед. числа существенно превышает количество форм мн. числа (автор приводит данные различных и.-е. языков). Впрочем, если разобрать статистику более внимательно, выясняется, что глоссы типа "рука" или "зуб" значительно чаще встречаются в форме мн. (или дв.) числа (т. наз. 'plural dominant' или 'dual dominant'). Более того, можно ожидать, что слова с высокой частотностью употребления во мн. числе с большей вероятностью будут иметь нерегулярные формы мн. числа (ср. русскую форму *уши* вместо регулярной формы **уха*). Однако нерегулярность - явление относительное, и для

нее Г. Корбетт разрабатывает следующую шкалу (с. 289):

супплетивизм > *pluralia tantum* > приращение основы > сегментное чередование в основе >

чередование ударений в основе > сегментная нерегулярность во флексии >

перенос ударения (на флексию в ед. или во мн. числе) > полная регулярность.

В ходе весьма любопытного эксперимента, выполненного Surrey Morphology Group (которой Г. Корбетт руководит) на русском материале, выяснилось, что в частном случае нерегулярности, связанном с чередованием в основе или с нестандартным приращением в формах мн. или же ед. числа (ср. *болгар-ин-0 ~ болгар-ы*), формы мн. числа употребляются чаще, чем формы ед. числа той же лексемы (по сравнению с типичным для данного языка статистическим соотношением форм мн. и ед. числа). Если же меняется только тип ударения (на основе vs. на окончании), то, как правило, высокой частотностью отличаются формы как множественного, так и единственного числа рассматриваемой лексемы.

В двух скромных, но содержательных разделах 9.4 и 9.5 читатель может получить основные сведения о работах в области усвоения числа (прежде всего, детьми) и психолингвистики этой категории. Как подчеркивает автор, все темы, обсуждаемые в последней главе, обрисованы лишь в общих чертах и нуждаются в более детальном документировании, а главное - в объяснении.

Автор замечает, что получившаяся картина собрана из кусочков. Книга поражает обилием библиографических ссылок, и более того, едва ли не половина примечаний посвящена сведениям, полученным автором от исследователей самых невероятных языков в ходе персональной коммуникации. Работу отличает четкое использование терминологии и высокая теоретическая проработанность вопросов - и в то же время она максимально приближена к конкретному языковому мате-

риалу (исследование выполнено с привлечением более 300 языков). Русскому читателю приятно видеть, что многие положения книги иллюстрируются на примере русского языка (см. разд. 6.7 о согласовании с числительными "два", "три", "четыре"; 7.1 о вежливом вы; 7.2.2 о конструкциях типа *мы с Алейшей*; 13 о гиперболическом мн. числе; 9.3 о нерегулярных формах числа и мн. др.).

Заключая наш обзор, хотим подчеркнуть, что перед нами фактически первое фундаментальное исследование категории числа, где эта категория рассматривается не только с точки зрения выражаемых значений и возможных средств выражения, но и в третьем измерении - с точки зрения лексических средств, которые затронуты числовым противопоставлением, и где, кроме того, содержится объяснение механизмов взаимодействия разных грамматико-семантических, лексико-семантических, поверхностно-морфологических и т.п. факторов при выборе числовых значений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Плунгян 2000 - В.А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
- Greenberg 1963 - / Greenberg. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements / J.H. Greenberg (ed.). Universals of language. Cambridge (Mass.), 1963.
- Lehmann 1995 - C. Lehmann. Thoughts on Grammaticalization. Munich, 1995.
- Smith-Stark 1974 - T. C Smith-Stark. The plurality split / M.W. La Galy, R.A. Fox, An.Bruck (eds.). Papers from the tenth regional meeting, Chicago linguistic society, april 19-21, 1974. Chicago, 1974.

О.Н. Ляшевская

Reported discourse. A meeting ground for different linguistic domains / Ed. by T. Gtildemann, M. von Roncador. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002. - xi, 423 p.

За термином *reported discourse*, давшим название рецензируемой книге, в русском языке закрепился перевод *косвенная речь*. Однако отождествление двух понятий не совсем корректно. В современной англоязычной лингвистической литературе термин *reported discourse* используется для обозначения любого способа воспроизведения чужой речи, т.е. не только косвенной речи, но и

традиционно противопоставляемой ей прямой речи. Соответственно, содержание термина *reported discourse* значительно шире, чем понятия *косвенная речь*. Более точным английским аналогом русского понятия *косвенная речь* является словосочетание *indirect discourse*. Стоящее за этим явление, как следует из вышесказанного, представляет собой частный случай *reported discourse*. В силу пе-

риферийности проблематики прямой и косвенной речи в современной русскоязычной лингвистике мы, к сожалению, не располагаем устойчивым обобщающим термином, который бы покрывал весь спектр явлений, связанных с передачей речи. В этом значении представляется возможным использование понятия *чужая речь*, которое встречается в ряде специальных исследований, хотя и не обладает пока терминологическим статусом.

Изучение воспроизведения чужой речи имеет долгую научную традицию, связанные с этим проблемы привлекали внимание исследователей разных областей гуманитарного знания. Начиная с античности, философы обращались к вопросу о различии сфер реального и сказанного (*de re vs. de dicto*). Предметом изучения литературоведов часто становились особенности представления речи и мыслей героев и, в частности, стилистический прием несобственно-прямой речи. В лингвистическом аспекте это явление подробно рассмотрено в недавней работе Е.В. Падучевой [Падучева 1996: 335-361]. В практических грамматиках различных языков специальные разделы традиционно посвящаются построению конструкций с косвенной речью. Однако в современных лингвистических исследованиях чужая речь в целом не относится к числу тем, пользующихся повышенным вниманием. Но все же особый интерес данного явления для лингвистики заключается в том, что в его рамках прослеживается действие самых различных механизмов языковой системы, таких как построение сложных предложений, ролевой, временной и пространственной дейксис, выражение эвиденциальности. Широкий спектр проблем, связанных с воспроизведением чужой речи, и рассматривается в рецензируемом сборнике. Он был составлен по итогам состоявшегося в 1998 году в г. Халле (Германия) "круглого стола", посвященного функциональным и формальным свойствам передачи речи. Отличительной особенностью данного собрания статей является анализ характеристик чужой речи в их соотношении с различными аспектами грамматической системы языка.

Особо следует подчеркнуть типологическую направленность обсуждаемой книги. Большинство существующих исследований описывает грамматические характеристики прямой и/или косвенной речи в одном или нескольких языках или ее функциональную нагрузку в определенном типе текстов одного языка. Однако в силу многогранности феномена чужой речи несомненный интерес представляет его рассмотрение в более широкой типологической перспективе. Хотя каждая

из статей рецензируемого сборника основана на данных одного языка или группы генетически или ареально близких языков, их объединение в одном томе, охватывающем таким образом материал европейских, азиатских, африканских языков различной генетической принадлежности, а также содержащиеся в ряде статей указания на сходство описываемых явлений с фактами, обнаруживаемыми в других языках, создает определенную типологическую картину изучаемого феномена.

Важной отличительной чертой рецензируемого издания является также его внимание к диахроническому аспекту конструкций, воспроизводящих чужую речь. Как неоднократно подчеркивалось в лингвистической литературе последних десятилетий, диахроническая перспектива часто открывает новые возможности для объяснения наблюдаемых языковых фактов.

Рецензируемый сборник состоит из введения, четырех тематически организованных разделов, включающих в общей сложности 15 статей, и пятого раздела, содержащего обширную (более чем пятидесятистраничную) библиографию по различным проблемам, связанным с воспроизведением чужой речи.

Первый раздел - "Категории чужой речи и их использование" - посвящен центральному для теоретических работ в данной области вопросу о различных типах передачи чужой речи. Классическими являются два ее типа - прямая и косвенная речь. При этом основания для их определения и проведения границы между ними изменялись с течением времени. Для более ранних исследований характерно их разграничение в терминах наличия/отсутствия синтаксической зависимости. Эта точка зрения до сих пор преобладает в нашей стране, по крайней мере в исследованиях на материале русского языка. Другое возможное основание для различения прямой и косвенной речи - отношение воспроизводимого текста к тексту первоисточника. Такой подход принимается в большинстве современных исследований, в том числе и в рецензируемом издании. Однако все многообразие способов передачи чужой речи не сводится к бинарной оппозиции. Как отмечают в предисловии редакторы сборника (с. viii), прямая и косвенная речь представляют собой крайние полюса континуальной шкалы, отражающей различную степень удаления от дейктического центра исходной ситуации. В статьях первого раздела описываются свойства прямой и косвенной речи в ряде языков, но особое внимание уделяется промежуточным случаям, реже рассматривавшимся в ли-

татуре, их формальным характеристикам и особенностям функционирования в речи.

Во втором разделе - "Время, аспект и эвиденциальность" - обсуждается использование особых глагольных форм в косвенной речи. Изменение формы глагола - один из частотных типов преобразований, которые претерпевает исходное высказывание при его переводе в косвенную речь. Модификация временного значения глагола и появление эвиденциальных показателей легко объяснимы: во-первых, с изменением точки отсчета может измениться и положение по отношению к ней передаваемой ситуации (или же абсолютное время может смениться относительным), во-вторых, воспроизведение чужих слов - это сообщение опосредованной информации. Не вполне понятно, почему в названии второго раздела фигурирует также термин *аспект*. Не будучи связанной с какой-либо точкой отсчета, характеризующая внутреннюю структуру ситуации, аспектальная форма, как представляется, не должна подвергаться изменениям при преобразовании высказывания в косвенную речь. Впрочем, в статьях данного раздела модификации аспектальных характеристик глаголов при преобразовании исходного текста практически и не обсуждаются.

Тема третьего раздела - "Логофоричность" - связана с проблемой идентификации референта местоименной группы. Данный раздел посвящен средствам выражения кореферентности субъекта при глаголе, вводящем чужую речь, и участника описываемой в ней ситуации.

Наконец, в четвертом разделе - "Форма и история цитативных конструкций" - рассматриваются грамматические показатели, маркирующие косвенную речь, и их лексические источники. Характерной особенностью данных показателей является их употребление не только для введения косвенной речи, но и в ряде других функций. Попытки объяснить их многофункциональность на синхронном уровне осуществляются посредством восстановления возможных путей их диахронического развития.

Объединение статей в одном разделе не исключает возможности значительного расхождения их тематики. Остановимся подробнее на содержании самих статей. Первый раздел включает в себя шесть статей. Две из них посвящены особенностям синтаксического оформления конструкций, соответствующих различным типам передачи чужой речи. В статье Винфрида Бёдера "Представление речи и мысли в картвельских (южнокавказских) языках" на материале древнегрузинского, современного грузинского и сванского языков

рассматриваются формальные свойства прямой и косвенной, а также полукосвенной (*semi-indirect*) речи (последний тип передачи чужой речи автор выделяет в сванском языке) - употребление личных местоимений, подчинительных союзов, катафорических местоимений, отсылающих к содержанию речи. Изменение временных форм встречается редко, глагол при несобственно косвенной речи в сванском (реже при косвенной речи в грузинском) маркируется эвиденциальными показателями. Наиболее интересным в статье представляется анализ цитативных частиц. Некоторые из них являются застывшими формами глагола *сказать', причем исходное грамматическое значение этих форм отразилось на правилах их употребления в современном языке. Автор прослеживает развитие этих показателей, расширение возможных контекстов их употребления, мотивированное прагматическими факторами, вытеснение ими более древних показателей с аналогичной функцией. Функциональная нагрузка разных типов передачи чужой речи в статье не обсуждается, отмечается лишь, что косвенная речь менее характерна для древнего, чем для современного грузинского языка. В сванском же наиболее частотным вариантом является несобственно косвенная речь.

В статье Сэнфорда Б. Стивера "Прямая и косвенная речь в тамильском языке" содержится подробное описание синтаксических различий двух типов передачи чужой речи, которое наряду со стандартными механизмами различия включает в себя, например, недопустимость в случае косвенной речи ряда аналитических глагольных форм с оценочным значением. Возможность промежуточных случаев между прямой и косвенной речью обсуждается лишь кратко. Косвенная речь противопоставляется конструкциям с эвиденциальным показателем, также выражающим опосредованный характер информации, но не предполагающим конкретного лица, сообщившего ее ('говорят, что').

Статья Ясуи Судзуки «Адаптация "несобственно-прямой речи": изменение способа представления мысли в японском языке» посвящена формальным особенностям и функционированию одного типа конструкций, представляющего наиболее известное промежуточное явление между прямой и косвенной речью. Несобственно-прямая речь (*free indirect discourse* - стилистический прием, использующийся для описания мыслей героев и чрезвычайно характерный для европейской литературы) теряла свои особенности при переводе на японский, поскольку для воспроизведения чужой речи в японском характер-

но сохранение личных местоимений и временных форм исходного высказывания. Однако под влиянием европейских авторов в японской литературе развился прием, сопоставимый с несобственно-прямой речью: постепенно стала допустимой замена в воспроизводимом сообщении местоимения первого лица на местоимение третьего лица. При использовании последнего в сочетании с глагольной формой непршедшего времени возникает эффект соединения объективного и субъективного способа представления мысли, что и сближает данную конструкцию с несобственно-прямой речью. Статья анализирует частную проблему, порожденную желанием усилить стилистическую выразительность, однако интересно было бы проследить, отразились ли каким-то образом произошедшие изменения на функционировании конструкций, содержащих чужую речь, за пределами литературных произведений.

Остальные статьи первого раздела посвящены особенностям функционирования конструкций, соответствующих различным типам передачи чужой речи. В статье "Прямая и косвенная речь в нарративном дискурсе языка черма" Иван Лёве и Рут Херлиман доказывают, что выбор одного из двух способов воспроизведения чужой речи в рассматриваемом типе текстов обусловлен дискурсивной значимостью данной ситуации речи для повествования в целом. Прямая речь в языке черма (или кирма; семья гур, Кот-д'Ивуар) используется как средство дискурсивного выделения и, соответственно, служит для описания ситуаций, участвующих в развитии сюжета. Косвенная же речь соответствует ситуациям, представляющим собой фон для развития сюжета (к таким ситуациям относятся, например, ментальные процессы). Кроме того, прямая речью наделены дискурсивно более значимые персонажи (облеченные большей властью или в большей степени одобряемые рассказчиком).

Другой род текстов анализируется в статье Вима ван дер Вурфа "Прямой, косвенный и другие типы передачи речи в бенгальских газетах". Основываясь на классификации, разработанной Дж. Личем и М. Шортом для исследования английской художественной прозы, автор обнаруживает те же типы представления речи в бенгальском и рассчитывает их относительную частотность в двух выпусках разных газет, одна из которых представляет более популярное, другая - более солидное издание. Полученные результаты вполне предсказуемы и сходны с результатами аналогичного исследования английских газет, проведенного М. Шортом и его колле-

гами: в популярном издании преобладают конструкции с прямой речью, в более серьезном - косвенная речь. Предпочтение прямой речи в популярной прессе объясняется большей "наглядностью" данного способа представления информации.

Андреа Голато в статье "Самоцитирование в немецком: сообщения о принятых ранее решениях" анализирует функции редкого способа воспроизведения речи в одном тематическом типе контекстов - при изложении проблемы и ее решения. Сценарий такого диалога представляется в виде определенной последовательности реплик: сначала первый участник описывает проблему, затем его собеседник признает наличие проблемы, первый участник излагает ранее принятое решение в форме прямой речи (я решил: "я поступлю так"), тем самым как бы делая слушателя соучастником принятия решения и вынуждая его одобрить данное решение. Аналогичные явления автор обнаруживает также в греческом и английском языках.

Второй раздел включает в себя две статьи. Герда Хасслер в статье "Эвиденциальность и косвенная речь в романских языках" описывает различные средства, используемые во французском и испанском языках для выражения эвиденциальных и эпистемических значений. Так, автор отмечает, что французская конструкция *n dit* 'он говорит' - наиболее нейтральный способ воспроизведения чужой речи - в разговорной речи значительно расширила возможные контексты употребления, она может вводить слова, высказанные лицом женского пола, группой людей и т.д. Параллельно с этим наблюдается ее фонетическая редукция до формы [idi]. Таким образом, словосочетание развивается в эвиденциальный показатель. Сходное значение развивается у испанской имперфектной формы глагола.

На периферийность вводящей прямую или косвенную речь клаузы указывает и Томоко И. Сакита в статье "Дискурсивный взгляд на выбор временной формы в косвенной речи в разговорном английском". Автор показывает, что традиционно рассматривавшиеся в литературе правила согласования времен не всегда соблюдаются в разговорном языке. Точкой отсчета для говорящего, как правило, является не некоторая ситуация (тем более что вводящие косвенную речь клаузы вследствие своей необязательности, второстепенной роли в дискурсе не могут выполнять эту функцию), а момент речи. Вследствие этого, например, редко используется форма *past perfect*, служащая для выра-

жения предшествования по отношению к некоторой ситуации в прошлом.

Две статьи, образующие третий раздел, анализируют близкие явления на материале разных языков. В первой из них - "Логофорическая иерархия и варианты языка догон" - Кристофер Кьюли обсуждает разработанную им в предшествующих работах имплицитивную иерархию предикатов, допускающих логофорические местоимения. Самую высокую позицию в ней занимают предикаты, при которых наиболее часто выступают логофорические местоимения, - предикаты речи, за ними следуют предикаты мысли, нефактивного восприятия (например, 'слышать, что'), знания и, наконец, прямого восприятия. Целью статьи является проверка иерархии на материале речи различных носителей одного из диалектов языка догон (Мали). Хотя в речи разных носителей правила употребления логофорических местоимений совпадают не полностью, каждый из наблюдавшихся случаев подчиняется логофорической иерархии.

Янь Хуан в статье "Логофорическое маркирование в языках Восточной Азии" также обращается к иерархии предикатов. В логофорической функции в китайском, японском и корейском языках используются рефлексивные местоимения. Они допустимы в контексте всех типов предикатов, представленных в иерархии Кьюли. Ряд других свойств описываемых рефлексивов роднит их с логофорическими местоимениями в африканских языках. Единственная отличительная черта показателей в языках восточноазиатского ареала - возможность их употребления в контексте предикатов, обозначающих движение по направлению к дейктическому центру ('приходить', 'приносить'). За счет данного типа предикатов автор предлагает расширить существующую логофорическую иерархию.

Четвертый раздел включает в себя пять статей. В первой из них - "Грамматикализация глаголов 'говорить' и 'делать': ареальное явление в Восточной Африке" - Давид Коэн, Мари-Клод Симеон-Сенель и Мартина Ванхове исследуют функционирование вспомогательных глаголов как словообразовательных показателей. Как отмечают авторы, для различных языков данного ареала характерно использование перифрастических глаголов, состоящих из вспомогательного глагола со значением 'говорить' или 'делать' и некоторой смысловой части, в позиции которой может выступать глагол, существительное, идеофон, а также и другие элементы. Языки отличаются степенью грамматикализованности данной словообразовательной модели. Превращение вспомогательного глагола в про-

дуктивный словообразовательный аффикс может привести к изменению системы спряжения в языке. На ранних этапах грамматикализации использование перифрастических глаголов, как правило, сопряжено с повышенной экспрессивностью высказывания. Хотелось бы добавить, что менее известным фактом, который не отмечается в обсуждаемой статье, является возможность выражения ими перфективной семантики. Такое значение конструкции с глаголами 'говорить' и 'делать' засвидетельствовано в ряде эфиосемитских языков и является, по всей вероятности, следующей стадией их грамматикализации. В целом же использование глаголов 'говорить' и 'делать' как деривационных глагольных показателей, названное в статье ареальным явлением, довольно широко представлено в языках мира. Сходные явления можно обнаружить, например, в тюркских, северокавказских, папуасских и австралийских языках.

Основное внимание в статье "Передача чужой речи в египетском: формы, типы и история" Франка Каммершеллы и Карстена Пойста уделяется описанию различных типов воспроизведения речи и их формальным характеристикам на разных стадиях развития египетского языка.

Оставшиеся три статьи четвертой главы посвящены грамматикализации и особенностям функционирования цитативных показателей. В статье "Когда 'сказать' не значит *сказать*: многофункциональность цитативного показателя *n* в языках банту (на материале языка шона)" Том Гюльдеман на основании анализа различных употреблений самостоятельной лексемы и грамматического показателя *г/* приходит к выводу о том, что диахроническим источником *й* является не глагол со значением 'говорить', а местоимение типа 'так, таким образом' (англ. *thus*). Автор прослеживает эволюцию исходного значения, результатом которой стало функциональное многообразие в современном языке шона. В заключении приводится схема, обобщающая представления автора о возможных источниках и возможных путях дальнейшего развития для цитативного показателя. Схема призвана показать неадекватность отображения путей грамматикализации в виде одномерных цепочек. Нужно однако заметить, что полученный результат - следствие отождествления источников грамматикализации с отдельными лексемами. Как неоднократно указывалось в исследованиях по теории грамматикализации, в частности, в работах Дж. Байби и ее коллег [Bybee et al. 1994], при таком подходе объяснительная сила теории грамматикализации оказывается заниженной. Большая систем-

ность грамматикализационных процессов обнаруживается при рассмотрении в качестве источников не отдельных лексем, а содержащих их конструкций.

Статья Мариан А.Ф. Кламер "Цитативные конструкции в языке камбера (австронезийская семья)" посвящена функциям цитативного показателя *wà*. Как и показатель *fi'* в языках банту, *wà* используется не только для введения чужой речи, его грамматикализация привела к возникновению целого ряда других значений. В конце статьи автор также приводит схему, которая представляет результаты грамматикализации анализируемого показателя в виде сети связанных значений. Несмотря на наличие направленных стрелок, схема, по всей вероятности, отражает не пути диахронического развития значений показателя, а классификацию его функций на синхронном уровне.

В статье "All the same? Возникновение дополнительных союзов в языке бислама" Мириам Майерхофф рассматривает эволюцию двух лексических источников - *se* (от англ. *say*) и *olsem* (от англ. *all the same*). Первый из них дает пример типологически распространенного пути грамматикализации глаголов со значением 'говорить' в подчинительный союз. Особый интерес союза *olsem* заключается в том, что он все еще находится в процессе грамматикализации, позволяя таким образом подробно проследить свою историю - от предлога со сравнительным значением ('как') и указательного местоимения до союза. Характерно, что союз сначала использовался

при неактивных глаголах, а затем распространился и на другие контексты, в том числе и конструкции с глаголами речи.

В целом, несмотря на разный уровень статей, сборник представляет собой удачный опыт комплексного анализа феномена чужой речи. Несколько досадно, что обсуждаемая в предисловии идея градуальной организации шкалы, отражающей различные типы воспроизведения речи, не получила дальнейшего развития. Разработка параметров, позволяющих определить положение той или иной конструкции на подобной шкале, была бы полезной для различных исследований в сфере передачи чужой речи и, в частности, позволила бы устранить терминологическую нечеткость, характерную как для обсуждаемого сборника, так и в некоторой степени для всей данной проблемной области. В любом случае, можно надеяться, что рецензируемая книга стимулирует дальнейшие исследования в этой сфере и будет интересна для самого широкого круга лингвистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Падучева 1996 — *Е.В. Падучева*. Семантические исследования. М., 1996.
Bybee et al. 1994 — *J.L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca*. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.

Т.Н. Резникова

Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х тт. М: Academia, 2001-2002.

В Москве в издательстве "Academia" вышел из печати "Большой академический монгольско-русский словарь" (далее Словарь) в четырех томах¹. Он является плодом совместного многолетнего труда монгольских и российских ученых.

Словарь отличается от всех прежних изданий более полной и качественно новой информацией о монгольском слове, привлечением разнообразного материала из старописьменных памятников, произведений фольклора и литературы.

Словарь рассчитан на широкий круг читателей, но прежде всего на специалистов, ра-

ботающих в разных областях монголоведения, а также на тех, кто изучает монгольский язык как иностранный, на переводчиков, преподавателей, аспирантов и студентов отделений монгольской филологии.

С монгольской стороны в составлении Словаря участвовали сотрудники Института языка и литературы АН Монголии (АНМ) Ё. Баярсайхан - словарные статьи на Н, У, часть статей на С, Х, А, Б, Г, Д, Э, Я; Г. Гантогтох совместно с А. Арвис - статьи на Ц, Ч, Ю, Я и часть статей на Х; Д. Дорж - статьи на И, Й, К, Л, М, П, Р, Ф и часть статей на Х; Г. Мижиддорж - статьи на А, В, Г, Д, Е, Ё, Ж; Б. Сумьянбаатар - статьи на З, часть статей на Б, совместно с Ч. Сайнаа - статьи на Т, У и часть статей на С, Х; О. Сухбаатар совместно с Д. Дорж - статьи на О, 0, Ш, Э и часть статей на Х. Ё. Баярсайхан наряду с авторской работой вела лексикографическую

¹ Издание Словаря осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ); проекты №№ 00-04-16206; 01-04-16140 и 02-04-16019.

обработку материалов Словаря и компьютерный набор. Л. Адьяа занималась научно-техническим обеспечением и распечаткой электронного варианта текста Словаря.

С российской стороны в подготовке данного труда принимали участие сотрудники Института языкознания РАН А.А. Дарбеева, Г.Ц. Пюрбеев (зав. Группой монгольских языков и руководитель проекта РГНФ), В.М. Солнцев (директор Института, координатор темы двустороннего межкаademicеского сотрудничества), З.В. Шевернина.

Монгольская сторона занималась составлением словника, разработкой словарных статей и предварительным переводом материала на русский язык. Работу, связанную с совершенствованием структуры Словаря, повышением качества иллюстративного материала, проверкой правильности переводов, стилистической и орфографической правкой текста выполняла российская сторона. Научные принципы, положенные в основу Словаря, были разработаны академиком АНМ А. Лувсандэндэвом и профессором Г.Д. Санжеевым.

А. Лувсандэндэв начал свою лексикографическую деятельность, будучи еще молодым ученым. Под его редакцией и с его участием в 1957 г. вышел первый Монгольско-русский словарь [МРС 1957] на 22 тысячи слов.

Большой вклад внес А. Лувсандэндэв и в подготовку данного Словаря, являясь до своей безвременной кончины руководителем монгольского авторского коллектива и главным редактором Словаря. Отдавая дань большой организаторской и редакторской работе, а также разработке научной концепции Словаря, авторы посвятили свой труд светлой памяти академика АНМ А. Лувсандэндэва и члена-корреспондента РАН В.М. Солнцева, по инициативе которого была создана при Институте смешанная российско-монгольская группа Словаря.

Большую и ответственную работу по редактированию всего корпуса Словаря провели доктор филологических наук, профессор, зав. Группой монгольских языков Института языкознания РАН Г.Ц. Пюрбеев и доктор филологических наук, профессор Ц. Цэдэндамба.

Перед авторским коллективом была поставлена цель охватить как можно полнее лексическое богатство современного монгольского языка. Являясь на сегодняшний день самым крупным переводным словарем, он максимально полно отражает лексику третьего периода (по определению академика Б.Я. Владимирцова) исторического развития монгольского языка: с XVII в. - по настоящее время. Словарь содержит около 70 тысяч

слов и выражений современного монгольского языка. При его составлении использована богатая словарная картотека Института языка и литературы АН Монголии, а также рукопись "Монгольско-русского словаря" [МРС 1940], которую подготовила еще до войны плеяда советских ученых, являющихся гордостью отечественного монголоведения: А.В. Бурдуков, С.Д. Дылыков, С.А. Козин (академик), Б.И. Панкратов, Н.Н. Поппе (член-корреспондент), Г.Д. Санжеев и К.М. Черемисов.

Работа над "Монгольско-русским словарем", как известно, была закончена к 1940 году и была выпущена в качестве пробного набора брошюра с его материалами.

Машинописная рукопись этого словаря с данными классических трудов О. Ковалевского [Ковалевский 1844—1849], Ф. Голстунского [Голстунский 1894—1898] были использованы авторами Словаря "главным образом в той его части, где получила отражение лексика старописьменного монгольского языка и которая ныне выступает в виде различного рода архаизмов, историзмов, понятий из области шаманской мифологии, буддийской философии, астрологии, религиозных культов и монгольской истории" (т. 2, с. X-XI).

Наряду с лексикой, отражающей особенности национальной культуры, истории, хозяйственного быта, обрядов и обычаев, а также растительного и животного мира Монголии, в Словарь включена современная научная, техническая и общественно-политическая терминология. По сравнению с предыдущими лексикографическими изданиями, в Словарь вошло большое количество диалектных, разговорных и просторечных форм (см. там же, с. X).

Следует особо отметить, что в Словаре после заглавного слова на кириллице приводится его старомонгольское написание, что имеет важное значение в современных условиях, когда классический старописьменный монгольский язык находит все большее применение в Монголии и Бурятии. Надо сказать в связи с этим, что компьютерный набор заглавных слов в старомонгольской графике и работу, связанную с их размещением в словарных статьях, выполнил Д. Дорж, редактирование лексикографического материала на старомонгольском письме осуществили Б. Сумьяабаатар и О. Сухбаатар.

Как уже отмечалось, самым примечательным в данном Словаре является существенное количественное увеличение слов по сравнению с предыдущими лексикографическими трудами. Если в [МРС 1957] содержалось около 22 тысяч слов, а в "Кратком толковом словаре монгольского языка" Я. Цэвэла [Цэвэл 1964] около 30 тысяч слов, то в

этом Словаре насчитывается около 70 тысяч слов.

В монголоведении различную трактовку имеет проблема сложного слова. Наряду с бесспорными сложными словами, компоненты которых подверглись фонетической модификации, в монгольских языках наличествуют композитные образования, по структуре не отличающиеся от словосочетаний. Одни монголоеды относят их к словосочетаниям, другие - к фразеологизмам, третьи - к сложным словам. Ведущие монголоеды нашего времени разделяют третью точку зрения. Так, Г.Ц. Пюрбеев к композитам относит аффиксированное сложение основ, например, *чулуу бутлууур* "камнедробилка", *шороо сорогч* "пылесос", *мод бэлтгэл* "лесозаготовка", *СУН тэжээлтэн* "млекопитающие". По мнению Г.Ц. Пюрбеева, подобного рода образования должны трактоваться как сложные слова, и отличие их от соответствующих свободных словосочетаний состоит в том, что такое сложное слово объединяется общим аффиксом, см. [Пюрбеев 1984].

К этому же типу автор относит и сложные слова, в которых в роли аффиксов выступают терминологические элементы типа *байдал* "положение, вид", *еэ* "закон, порядок", *газар* "земля" и др. Например: *ангийн нанар* "классовость", *бодит байдал* "действительность, реальность", *феодалын еэ* "феодализм", *эмнэлгийн газар* "лечебное учреждение", *номын сан* "библиотека".

К сложным словам, образованным посредством морфолого-синтаксического способа, автор причисляет также парные слова: *нэр алдар* "репутация, авторитет, известность", *УЗЭЛ суртал* "идеология", *эрх чөлөө* "свобода".

Наконец, к этому же виду Г.Ц. Пюрбеев относит словосложение подчинительного типа, когда зависимость первого компонента выражается либо чисто позиционно (примыкание), либо морфологически, падежной формой (управление). Например: *ухэр буу* "пушка, орудие", *тэмээн хараацай* "стриж", *ухрийн нуд* "смородина (черная)", *улаан хоолой* "пищевод", *хар нэрс* "черника".

Если бы авторы Словаря согласились с такой трактовкой сложных слов и выделили их в качестве заглавных слов, то количество охваченных Словарем лексических единиц значительно увеличилось бы, ибо таких слов очень много. Однако авторы Словаря предпочли традиционный путь, когда сложные слова размещаются внутри словарной статьи одного из компонентов, вперемешку со словосочетаниями, внешне сходными со сложными словами.

Поскольку Словарь издан относительно небольшим тиражом (2000 экз.; ср. 52000 экз. [МРС 1957]), можно предположить, что через некоторое время встанет вопрос о втором издании. В связи с этим следует выразить желание, чтобы к этому времени был продуман и разработан вопрос о подаче в Словаре сложных или сложносоставных слов. Может быть, следует их давать в составе тех же словарных статей, что и сейчас, но с пометами, например: *төмөр замч* суш., сост. "железнодорожник"; *бутээц ихтэй* прил. сост. "высокопроизводительный". В Словаре некоторые из таких сложносоставных слов выделены в самостоятельные словарные статьи, например, *санчномын санч* "библиотекарь", *эмийн санч* "аптекарь", *сайнтай* "обладающий чем-л. хорошим", *чанар сайнтай* "обладающий хорошими качествами, доброкачественный". Однако этот принцип последовательно не проведен. К тому же в приведенных уже примерах нарушено единообразие. В частности, и во втором случае следовало вынести *сайнтай* в начало статьи и после него поставить двоеточие. Необходимо сказать, что в монгольских языках наличествует не только много сложных существительных, но и сложносоставных прилагательных, наречий, послелогов и других частей речи.

Концепция Словаря состоит в том, чтобы не дробить семантику слова на многие лексико-семантические варианты. Это также традиционный подход. Так, в [МРС 1957] выделяется в слове *гэр* два значения: 1) "юрта, дом; домашний очаг; семья"; 2) "чехол, футляр, оболочка". В новом Словаре выделены эти же значения и добавлено специальное значение - "созвездие". Однако объем статьи увеличился в несколько раз благодаря охвату большого количества видовых названий: *эсгий гэр* "войлочная юрта", *таван ханатай гэр* "пястиренная юрта", *чулуун гэр* "каменный дом", *идээни гэр* устар. "столовая", *галын гэр* "кухня", *зайсийн гэр* "дом правительства, правительственное здание", *ергөө гэр* "ставка, дворец", *пин гэр* "навес", *сангийн гэр а)* "казенная юрта"; б) перен. "казначейство"; *улаан гэр* ист. "красный уголок" (доел, "красная юрта"); *уудний гэр* "привратничья", *халуун усны гэр* "баня" и т.д.

К.М. Черемисов в "Бурятско-русском словаре" в аналогичном слове выделяет два частеречных значения, и в первом - шесть подзначений, причем юрту и дом дает в разных значениях, см. [Черемисов 1973]. Видимо, следует подумать, в каком плане дифференцировать значения в подобных случаях. Например, *улс гэр* парн. "государство; нация", *улс гэрийн* "государственный", *шувууны гэр* "клетка для птиц", *гэр балгас* парн. "населен-

ный пункт; город, дворец", *гэр бараа* собир. "имущество (движимое и недвижимое, за исключением скота)", "юрта со всем имуществом" не соответствуют выделенным при главном слове значениям.

Следует отметить, что иллюстративный материал часто дается в статьях без особой системы. Так, в обозреваемой статье при *гэр* имеем такие значения: "юрта, дом, домашний очаг" и т.д. Казалось бы, что в такой последовательности будет располагаться иллюстративный материал: *эсгийн гэр*, *таван ханатай гэр* и т.д. Однако сначала почему-то даются парные сочетания: *айл гэр* парн. "семья, домашний очаг; дом, двор", *айл гэр болох* "обзаводиться семьей, жениться" и т.д.

В [РСС 1957] в слове *онгоц(он)* выделено 6 значений, в рецензируемом Словаре добавлено еще одно значение. Под пятым значением даны "лодка, челнок". Можно ожидать, что здесь будут перечислены небольшие, обычно гребные судна: двухвесельная лодка, парусная лодка, моторная лодка, надувная лодка. Но они отсутствуют. Дается лишь *хабтагай ероолтой онгоц* "дошаник" и здесь же приводится *шумбагн онгоц/тунадаг онгоц* "подводная лодка". Под шестым значением "судно, корабль, пароход" приведено довольно много названий: *галта онгоц/уурын онгоц* "пароход"; *гувчуурт онгоц! торт онгоц* "тральщик"; *далбаат онгоц* "шхуна, парусное судно"; *давруулт том онгоц* "яхта", *усан онгоц /холер онгоц* парн. "судно, корабль, пароход", *худалдааны хэвгэ онгоц* "торговое судно", *халмч онгоц* "китобой, китобойной судно", *байлдааны хвнген онгоц* "катер", *хуягт онгоц* "дредноут, броненосец". Кажется, что названия некоторых приведенных здесь небольших судов следовало дать под предыдущим, пятым значением, может быть, выделив в отдельное значение "пароход".

В этой же данной словарной статье хорошо было бы указать то, как выражаются в монгольском языке сложные слова русского языка, образованные с участием слова *судо-*: *судомеханик*, *судооборот*, *судосборочный*, *судоотправитель*, *судопропускник*, *судорядист*, *судоремонт* и др. Под седьмым значением "самолет" перечислено большое количество современных самолетов: *нисэх онгоц* "самолет", *бвмбвдвгч онгоц* "бомбардировщик", *дайрагч онгоц* "штурмовик", *дуунас хурдан онгоц* "сверхзвуковой самолет", *свнвгч нисэх онгоц* "истребитель", *амдан (угтан) свнвгч онгоц* "истребитель-перехватчик", *суудлын нисэх онгоц* "пассажирский", *тээврийн нисэх онгоц* "транспортный самолет", *у сны нисэх онгоц* "гидроплан", *тийрэлтэт онгоц* "реактивный самолет".

Под первым значением ("водопойная колода") в этой словарной статье дано иноязычное название *онгоц баригч уул* Потала (резиденция Далай-ламы). Может быть, следовало выделить здесь самостоятельное значение "рай", ибо эта одна из главных святынь Тибета названа в честь рая бодхисаттвы Авалокитешвары и следовало привести дословный перевод "гора, держащая лодку".

Как сказано в статье "От редакционной коллегии", "в Словаре нашли свое место широкоупотребительные иноязычные заимствования и неологизмы, в особенности последнего периода" (с. X). Однако в подаче заимствований трудно уловить какие-то принципы или систему. Ко второму изданию необходимо более основательно проработать этот вопрос. Возможно, следует практиковать отсылку к монгольским словам, если слово переводится. При наличии *телевиз* "1. телевидение; 2. телевизионный" отсутствует слово *телевизор* и читатель не знает: то ли слово пропущено или оно как-то переводится. Если в литературном языке оно переводится, например, сочетанием *зурагт радио*, то необходимо отослать к этой статье: *телевизор* см. *зурагт* II. Особенно такая отсылка нужна иноязычным читателям, ибо Словарем будут пользоваться не только в Монголии, но и в Бурятии, Калмыкии и в других регионах. В данном Словаре в буквах В, И, К отсутствуют слова *видеотелефон*, *видеозапись*, *видеодвойка*, *видеокамера*, *видеокассета*, *видеоэкран*, *видеолента*, *видеомагнитофон*, *видеоплеер*, *видеосвязь*, *видеоотека*, *видеофильм*; *Интернет*, *компьютер*, *компьютеризация* и т.д. Особенно пристального внимания требуют иноязычные, зачастую интернациональные слова, обозначающие реалии современной жизни, в частности рыночной экономики. Представляется, что эта сфера еще не нашла достаточного отражения. Так, при слове *банк* дано только *банкны эзэн* "банкир". Следовало здесь дать еще сочетания: *центральный банк*, *коммерческий банк*, *инвестиционный банк*, *ипотечный банк*, *инновационный банк*, *сберегательный банк*. Нужна информация о том, как выражаются на монгольском языке такие понятия, как: *акция*, *акциз*, *акционерный*, *аукцион*, *банкноты*, *банкротство*, *бизнес*, *бизнесмен*, *бизнес-план*, *валюта*, *дисконт*, *индекс* и много других понятий.

Следовало бы сказать о том, как передаются на монгольский язык этнографические и другие реалии типа *церковь*, *монастырь*, *мечеть*, *синагога*, *поп*, *мулла*, *раввин*, *муэдзин*; *сэр*, *пан*, *месье*, *мадмуазель*, *леди* и др. В [РСС 1982] подобные этнографизмы переводятся главным образом названиями монголь-

ских реалий: *поп* - *хар лам*, *орос лам*, *гэцэл*; церковь - *СУМ*, *дуган* и т.д. Например, в словарной статье *лам* приведенные сочетания, обозначающие попу, отсутствуют.

Касаясь грамматического аспекта, следует отметить, что и в этой части Словарь ориентируется на традицию. Как известно, в монголоведении большие сомнения вызывают слова типа *мод(он)* "дерево", "деревянный", могущие выступать и как существительные, и как прилагательные. В значениях "дерево", "лес", "лес" (материал), "древесина", "бревно", "палка", "деревяшка" слово *мод(он)* в категориальном лексико-грамматическом плане ничем не отличается от собственно существительных: склоняется по всем падежам, может употребляться во множественном числе, принимает частицы притяжания, выступает в функции подлежащего и дополнения.

В то же время данное слово в значениях "деревянный", "дошчатый", "палочный" ведет себя точно так же, как и собственно относительное прилагательное: отвечает на вопрос *ямар!* "какой?" например, *модон аяга* "деревянная чашка", характеризуется семантической определенностью со значением имени существительного, т.е. как и любое относительное прилагательное его можно "вернуть" в лоно существительных: *модон аяга* "деревянная чашка" — *модоор хийсэн аяга* "чашка сделанная из дерева", им не свойственны форма интенсива, форма усиления и ослабления признака, степени сравнения.

Монголоеды все более склонны причислять их в указанном значении к относительным прилагательным, обозначающим материал, из которого сделан предмет: бур. *шэл* "стеклянный", *зэд* "медный", *шабар* "глиняный", *торгон* "шелковый" и т.д. Примечательно, что при выражении значения "состоящий, сделанный из того, что названо производящей основой", заимствованные из русского языка слова также употребляются в форме основы: *хирпицэ гэр* "кирпичный дом", *кирзэ сабхи* "кирзовые сапоги", *капрон оймИон* "капроновые чулки", *пластмасса аяга* "пластмассовая чашка".

Традиционно такие слова разрабатываются в одной словарной статье, но каждая из частей речи выделяется арабской цифрой, которая набирается полужирным шрифтом. Например, слово *мод* (он) в [МРС 1957] дается так: **мод(он) 1.1** дерево; лес; древесина, бревно; **мод огтолох** "рубить лес" ... 2. деревянный; **модон байшин** "деревянный дом"... В новом Словаре сохранен этот же порядок.

Представляется, что до осуществления второго издания Словаря необходимо решить вопрос о признании этих слов во вто-

ром значении относительными прилагательными и зафиксировать это в Словаре с соответствующей пометой. Например, тот же **мод(он)** дать так: 2. прил. относит., **модон** "деревянный". В связи с этим отметим, что в научной грамматике калмыцкого языка (см. [Грамматика 1983]) слова этого типа в указанном значении признаются относительными прилагательными.

Довольно значительную группу относительных прилагательных составляют слова, внешне совпадающие с формой род. п. К.М. Черемисов, В.Н. Надеяев и некоторые другие монголоеды считают их относительными прилагательными с омонимичными аффиксами род. п. существительного, например: бур. *мориной* "конский", *модондой* "древесный", *шэлэй* "стеклянный", *гарай* "ручной" и др.

Традиционно эти слова разрабатываются в самостоятельных словарных статьях, как и в данном Словаре, сопровождаются пометой *род. п.* В дальнейшем ее необходимо заменить пометой - *прил. относит.* Для более четкого различения род. п. и омонимичного ему относительного прилагательного следует пользоваться вопросами. Так, имя существительное в род. п. отвечает на вопросы *хэнэй!* "кого?", *юунэй!* "чего?", а если это прилагательное, то - на вопрос *ямар!* "какой?" Ср.: *модондой холтопон* "кора дерева" и *модондой сабуун* "столярный клей"; *шэлэй хэлтэрхэй* "обломок стекла" и *шэлэй завод* "стеклянный завод".

Также обстоит дело и с суффиксом прилагательного *-тай*, омонимичного окончанию совм. п. существительных. Существительное в совм. п. отвечает на вопрос *хэнтэй!* "с кем?", *юунтэй!* *юутэй!* "с чем?", а прилагательное - на вопрос *ямар!* "какой?". Ср.: *эльгэнтэй оохэ холёод шараха* "жарить печень с жиром" и *Энэ бидэндэ эльгэнтэй ХҮН* "ЭТО чөлвек, симпатизирующий нам". Формы на *-тай* со значением прилагательного традиционно даются самостоятельной словарной статьей и без помет, например, *махтай* I 1) "мясной, приготовленный из мяса, содержащий много мяса...".

В новом издании следует четко разграничить формы совм. и род. п. существительных и омонимичные им относительные прилагательные, пока же в Словаре иногда смешиваются. Например, *ажилтай* 1) "имеющий работу..." отвечает на вопрос *юутэй!* и является формой совм. п. К *ажилтай* приведено еще слово "занятый". Однако в русском языке литературной формой является прилагательное "занятый" со значением "имеющий много работы, много дел", но таким значением монгольское слово не обладает, поэтому его сле-

дует дать в ряду составных слов со вторым компонентом *ажилтай*: *мал ажилтай* "скотоводческий", *их ажилтай* "занятой" и т. Страдательное причастие прошедшего времени "занятый", как известно, употребляется в значении прилагательного только в краткой форме, например: *вчера Дорж был занят*.

В словарной статье *махны харьяал* "мясной" ... приведено словосочетание *махны эрхэм* "наилучший кусок мяса". В этом сочетании *махны* отвечает на вопрос *юуны!* и является формой род. п., то есть должно быть помещено в статье *мах(ан)* "мясо", так же как, например, *сарын* дается в статье *сар* "месяц" или *сарны* в статье *сар(ан)*.

В Словаре встречаются случаи, когда омонимичное форме род. п. прилагательное не выделено в самостоятельную статью. Например, следовало выделить прилагательное *магнитофоны* "магнитофонный", но словосочетание *магнитофоны бичлэг* "магнитофонная запись" дано в статье *магнитофон*. Попутно отметим, что словосочетание *хоёр замтай магнитофон* переведено как "двухдорожный магнитофон", вместо "двухдорожный магнитофон".

В статье *машины* "машинный", наряду со словосочетаниями, которое должны быть представлены в этой статье (*машины орчуулга* "машинный перевод", *машины тос* "машинное масло, смазка для машины", *машины уйдвэр* "машинная промышленность, индустрия"), помещены сочетания, которые должны быть квалифицированы как составные (сложные) слова или лексикализованные единицы (по В.М. Надеяеву) и должны найти место в других статьях. В частности, *машины бичээч* "машинистка", *машины жолооч* "шофер" находим в статьях *бичээч* (*машины бичээч* "машинистка"; только это составное слово следовало дать с пометой: сущ. сост. *машины бичээч*) и в статье *жолооч* (только здесь оно представлено в виде *машины жолооч* "водитель, шофер"). Это сочетание следует дать как составное слово в ряду с представленными там словами: *нисэх онгоцны жолооч* "пилот, штурман", *усны онгоцны жолооч* "штурман", здесь в скобках следовало дать пояснения: ("специалист по вождению надводных и подводных кораблей"); *тракторын жолооч* "тракторист".

Следует отметить, что в Словаре нашли отражение в качестве заглавных многие слова, которые в предыдущих лексикографических изданиях идентифицировались с формами слов или вообще избегались. К ним можно отнести:

1) имена существительные с аффиксом *-хуй*, (*~ХҮУ*), обозначающие абстрактные дей-

вия: *гуйбалзахуй* "качание, раскачивание, покачивание", *санаачрахуй* "озабоченность, задумчивость", *бичихт* "писание, написание", *харлахуй* "затемнение" и др. (жаль только, что эти слова, как правило, даны без иллюстраций);

2) старомонгольские формы существительных: *ХҮМҮҮН* "человек", *ХҮМҮҮС* "люди, население";

3) отрицательные прилагательные: *сургуульгүй* "необразованный, неграмотный, необученный", *сурталгүй* "безыдейный";

4) наречия с аффиксом *-аар*: *багаар* "мало, немного, понемногу, слегка", *атаархагаар* "завистливо, с завистью";

5) наречия с показателем, омонимичным аффиксам разных падежей: *багад*: *мини багад* "в моем детстве", *багадаа* "в детстве", *багаасаа* "с детства, с малых лет";

6) старомонгольские формы: *аху* "быть, находиться, иметься", *бвлБее* "был, было, были".

Теперь следует несколько слов сказать о лексической омонимии. В отличие от грамматической омонимии лексическая представлена в Словаре очень полно. К примеру, в [МРС 1957] отсутствуют омонимы к слову *амгай* "удила", авторы же данного Словаря с этим словом выделяют три омонима: **амгай I** "удила"; **амгай II** "охотничий рог, вабик, рожок, манок" (для приманивания оленя), последнее слово ошибочно дано в виде "олени"; **амгай III** *амгай яр* мед. "прыщ, сыпь (в углах рта)". К слову *жин*, *жин(г)* выделено 11 омонимов и в некоторых случаях возникают сомнения. Например, в качестве первых трех омонимов выделены: **жин(г) I** "вес"; **жин(г) II** "безмен, весы"; **жин(г) III** "джин" (мера веса, равная приблизительно 0,6 кг).

Для разграничения омонимов применяется, например, семантический критерий, который связан с подбором одинаковых или близких по значению слов к каждому из омонимов: **грохот I** "шум"; **грохот II** "решето". В приведенных трех случаях слово *жин(г)* можно заменить словом *чигнуур*. Авторы считают омонимами слова **сар I** "месяц" (календарный) и **сар(ан) II** "луна, месяц". Представляется, что в этих словах наличествуют интегральные семы. По-видимому, ко второму изданию Словаря необходимо как следует продумать и этот вопрос.

Требуется дополнительной разработки выделение и подача фразеологизмов. Кажется, что иногда не выделены явные фразеологизмы. Например, выражение *нохойн дууд сонсдох* (или *ойртох*) "приближаться к концу, завершаться (о чём-л.)"; доел, "собачий лай слышаться (приближаться)" считается фра-

зеологизмом, но в Словаре в статье *нохойн* не выделено ни одного фразеологизма.

В статье "О пользе словаря" сказано: "Идиоматические выражения и примеры, не относящиеся ни к одному из приведенных в словаре значений, даются в конце словарной статьи за знаком ромба" (с. XXII). Однако в статье *долоо(н)* фразеологизмы даны не за ромбом, а с пометой *хэлц* (хэлц УГ - фразеологизм). Ни один из предыдущих авторов не выделяет к слову *долоо(н)* фразеологизмы. В довольно большой статье *гарын* некоторые примеры, квалифицированные как фразеологизмы, вызывают сомнение. Например, *гарын дор байх* а) быть послушным; б) быть подвластным, зависимым, доел, "быть под рукой", в [МРС 1957] помещается среди обычных примеров. Все это, видимо, свидетельствует о том, что необходимо разработать для словаря более четкие критерии выделения фразеологизмов.

Переводы слов, словосочетаний и предложений в большинстве своем добротны, приведено множество возможных вариантов перевода. Но при внимательном просмотре материала можно и здесь обнаружить неточности и искажения. Так, *Европ шив* передается как "Европа, Европейский континент, материк". Здесь слово *тив* должно семантизироваться как "часть света", ибо Европа вместе с Азией составляют один континент - Евразию. Выделенное как фразеологизм сочетание *зул сар* устар. переводится как "первый зимний месяц (декабрь)". Я. Цэвэл в своем словаре указывает, что так называется этот месяц по лунному календарю. Но, как известно, по этому календарю зима наступает в ноябре, а весна - в феврале. Слово *гэцэл* переводится как "послушник", чему соответствует *шавь*, а *гэцэл* означает "вторую ступень монашеского посвящения".

Как отмечено редколлегией, "по своему типу Словарь является не только переводным: он в определенной степени сочетает черты толкового, историко-этимологического и энциклопедического словарей" (с. XI). Так, к слову *хорхог* (*хорхог*) в скобках дается такое пояснение: "чаще мясное блюдо, приготовляемое на раскаленных камнях в плотно закрытой посуде; иногда готовят, вынув из туши через горло все кости и набив полость тела раскаленными камнями". Следовало еще указать, что в основном так готовится деликатес из туши тарбагана - степного сурка.

При доработке следует обратить внимание на пометы и орфографирование слов. Как кажется, некоторые необходимые пометы отсутствуют, а некоторые воспринимаются как излишние. Так, к сочетанию *терел ентгэх* "переродиться", следовало дать помету *ша-*

шин - религия. Часто к словам, обозначающим реалии советского времени, поставлена помета *хуунир*. — устаревшее, что не всегда обосновано.

Следует вернуться к орфографированию композитных образований: одни пишутся слитно (например, *хуулзүй* "закон", *газарзүй* "география", *радиоидэвх* "радиоактивность"), а другие - раздельно (например, *учир зүй* "оправдание; суть, сущность", *зүй бус* "незаконный", *зүй бусаар* "незаконно", *радио долгион* "радиоволна"). Название *богд лам* в русском переводе дается как "святой лама, Богдо-лама". Почему-то монгольское название пишется без дефиса, а в русском - Богдо пишется с прописной буквы.

Как можно было видеть, наши замечания касаются главным образом принципов подачи и лексикографического описания монгольского слова. Желательно, чтобы они были приняты во внимание и учтены при переиздании Словаря. В целом же считаем настоящий труд крупным вкладом в монгольскую лексикографию. Он представляет большой научный интерес для монголоведов всех специальностей и ученых смежных дисциплин: тюркологов, тунгусо-маньчжуроведов и шире - алтаистов. Авторами Словаря и его редакторами проделана огромная работа, которая заслуживает самой высокой оценки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голстунский 1894—1898 - Ф. Голстунский. Монголо-русский словарь: В 3-х тт. СПб., 1894-1898.
- Грамматика 1983 - Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста, 1983.
- Ковалевский 1844-1849 - О. Ковалевский. Монгольско-русско-французский словарь: В 3-х тт. Казань, 1844-1849.
- МРС 1940 - Монгольско-русский словарь. Рукопись. Л., 1940. Хранится в секторе восточных рукописей Архива востоковедов АН СССР. Шифр РЛ Оп. 3. № 62.
- МРС 1957 - Монгольско-русский словарь / Под ред. А. Лувсандэндэва. М., 1957.
- МРС 1982 - А. Лувсандэндэв, Ц. Дамдинсурэн. Русско-монгольский словарь. Улан-Батор, 1982.
- Пюрбеев 1984 - Г. Ц. Пюрбеев. Современная монгольская терминология. М., 1984.
- Цэвэл 1964 - Я. Цэвэл. Краткий толковый словарь монгольского языка (Монгол хэлний товч таилбар толь). Улан-Батор, 1964.
- Черемисов 1973 - КМ. Черемисов. Бурятско-русский словарь. М., 1973.

Л.Д. Шагдаров, У.-Ж.Ш. Дондуков

Книга американского морфолога Грегори Стампа "Словоизменительная морфология. Теория структуры парадигм" является полным и единообразным изложением оригинальной теории словоизменительной морфологии, которую автор разрабатывал в течение последнего десятилетия (см. такие работы, как [Stump 1991; 1993a; 1993b; 1995]). Эта теория, в отличие от некоторых других зарубежных концепций морфологии - например, "естественной морфологии" (*natural morphology*, см. [Dressier et al. 1987]), "распределенной морфологии" (*distributed morphology*, см. [Halle, Marantz 1993; Harley, Noyer 1999]), "сетевой морфологии" (*network morphology*, см. [Corbett, Fraser 1993; 1995; Корбет, Фрэзер 1997]) - не имеет пока большого числа последователей, хотя интерес к ней имеется, см., например [Booij et al. (eds.) 2003]. Тем не менее, вне всякого сомнения, теория Г. Стампа является значительным явлением в современной морфологии и не может не представлять интереса для российских лингвистов.

В книге очень сжато, но при этом ясным языком и с предельно четкой аргументацией и богатым иллюстративным материалом из различных языков Г. Стамп излагает основные положения своей теории и те явления, которые, как он показывает, она описывает лучше, чем другие концепции морфологии. Нельзя не отметить, что развитой формализм теории Стампа, который на первый взгляд может отпугнуть неподготовленного читателя, при более подробном рассмотрении оказывается понятным и логичным. Необходимо подчеркнуть, что формальный аппарат своей концепции Г. Стамп рассматривает лишь в качестве удобного и наглядного средства проверки и доказательства делаемых утверждений, а не в качестве самоцели. Все содержательные положения теории Г. Стампа можно сформулировать, и не прибегая к столь громоздким формальным средствам записи.

Излагаемая в книге теория относится к классу формальных теорий, широко распространенных в зарубежной морфологии. Формальные теории ставят своей задачей создание единообразных правил, с помощью которых можно породить все существующие словоформы некоторого языка; однако основная их цель - сформулировать универсальные принципы, регулирующие формат и способ применения таких правил. Эти принципы призваны объяснять, почему из многих логически возможных в естественных языках

морфологических структур реально зафиксированы лишь некоторые. При том, что формальный подход к описанию и объяснению морфологических фактов может вызывать серьезные претензии (см., например [Плунгян 1998]), его несомненным достоинством является возможность непосредственной эмпирической проверки всех утверждений теории, которая не всегда возможна при нечетких и расплывчатых формулировках.

Концепция, излагаемая в книге, называется "Теорией парадигматических функций" (*paradigm function morphology*, далее PFM); центральные ее понятия - (словоизменительная) парадигма, определяемая как множество пар вида <словоформа, множество граммем¹, и парадигматическая функция (*paradigm function*) вида $PF(X, a) = (F, o)$, где X - основа некоторой лексемы, a - некоторая грамматическая характеристика (множество граммем), а Y - словоформа этой лексемы, имеющая данную грамматическую характеристику. Основная задача книги - показать, что понятия парадигмы и парадигматической функции не могут быть устранены из теории словоизменения, претендующей на простое, непротиворечивое и полное описание фактов естественных языков. Кроме того, другая важная цель исследования заключается в том, чтобы сформулировать ряд универсальных принципов, накладывающих строгие ограничения на структуру парадигм и парадигматических функций; без таких ограничений теория попросту не имела бы объяснительной силы.

Подобный взгляд на словоизменительную морфологию, ставящий во главу угла понятие парадигмы, а, например, не морфемы, не нов (хотя и не общепринят); разные версии так называемой "словесно-парадигматической" теории (*word-and-paradigm theory*) интенсивно разрабатывались в лингвистике начиная с конца 1960-х гг.; из основных зарубежных работ можно называть [Matthews 1972; Thomas-Flinders, ed. 1981; Carstairs 1987; Anderson 1992; Aronoff 1994]; из русских - [Зализняк 1967]. Важное отличие "словесно-парадигматических" теорий от других концепций словоизменения заключается в скептическом отношении приверженцев первых к универсальной значимости понятий "морфема",

¹ Термином "граммема" я перевожу английский термин *morphosyntactic property*.

"структура слова", "морфемное членение", поскольку эти понятия неодинаково легко применимы к агглютинативным языкам типа турецкого и флективным языкам типа русского или латыни. Именно языки второго типа служат традиционным "полигоном" для "словесно-парадигматических" теорий. В основе этих теорий лежит понятие словоформы, которая рассматривается не как комбинация линейно вычленимых знаков-морфем с четкими значениями, а как результат действия определенного набора так называемых реализационных правил (*realization rules*), служащих для выражения (*exponence*) некоторого набора граммем. Вопрос о том, какое выражение имеет данная грамма и с какими граммами соотносится данное выражение, в "словесно-парадигматических" теориях либо не ставится вовсе, либо является второстепенным (ср., однако [Carstairs 1987]). На первый план выходят проблемы упорядочения и взаимодействия реализационных правил друг с другом и с иными типами правил, например, с морфонологическими - как и вообще все вопросы, касающиеся сходств и различий между словоформами, не сводимых к поиску формальных коррелятов семантических сущностей.

Концепция, излагаемая в рецензируемой книге, во многих аспектах отличается от классического "мейнстрима" "словесно-парадигматических" теорий как по степени формализации, так и содержательно, и потому заслуживает особого внимания.

Книга состоит из восьми глав. В первой, **вводной главе** (*Inferential realizational morphology*) автор определяет место своей концепции в распространенной в формальной морфологии классификации морфологических теорий. Согласно этой классификации, теории делятся на лексические (*lexical*), центральным понятием которых является морфема - полноправная единица словаря, имеющая определенные форму и значение, и инференциальные (*inferential*), в основе которых лежит более общее понятие морфологического правила. И лексические, и инференциальные теории подразделяются на два подтипа. Теории, относящиеся к подтипу инкрементальных (*incremental*), утверждают, что словоформа имеет грамматическую характеристику не изначально, а приобретает ее по мере присоединения аффиксов или действия других морфологических процессов. Напротив, реализационные (*realizational*) теории утверждают, что морфологические процессы могут применяться к слову лишь постольку, поскольку того требует уже имеющаяся у данного слова грамматическая характери-

ка; важным следствием из этого является отсутствие в реализационных теориях непосредственного семиотического отношения между граммами и словоизменительными средствами.

Затем Г. Стамп приводит разнообразные аргументы в пользу того, что инференциально-реализационные (= "словесно-парадигматические") теории - к которым относится и PFM - есть наиболее адекватное средство описания морфологических явлений. Так, только эти теории могут без проблем "справиться" с таким частым явлением, как множественное **выражение** (*extended exponence*) грамматической характеристики в данной словоформе. В первой главе также формулируется несколько базовых положений, свойственных всем инференциально-реализационным теориям, в частности:

- "нет никакого теоретически значимого различия между аффиксальным и неаффиксальным словоизменением" (с. 9);
- "морфологическая структура слова, не являющегося композитом, не отличается от его фонологической формы" (с. 12).

Оба эти утверждения требуют некоторых комментариев; смысл первого из них заключается в том, что для теории не имеет никакого значения, чем именно выражается данная грамма: аффиксом или чередованием. Это различие, напротив, является очень важным в лексических теориях, которые подчас не признают несегментных словоизменительных средств. При том, что с формальной точки зрения различие между аффиксальным и неаффиксальным словоизменением действительно нерелевантно, есть серьезные основания полагать, что это противопоставление тем не менее является существенным и позволяет сделать некоторые важные обобщения (ср. [Carstairs 1987; Carstairs-McCarthy 1994]). Второе утверждение касается проблемы внутренней структуры слова и морфемного членения, в частности, вопроса о том, может ли реализационное правило апеллировать к элементам, меньшим, чем основа, поступающая ему на вход (например, может ли реализационное правило иметь такой вид: "множественное число выражается с помощью аффикса X, если основа содержит аффикс У, и с помощью аффикса X в прочих случаях"). Решение этого вопроса в рамках "словесно-парадигматических" теорий обычно было отрицательным (ср. [Anderson 1992]), что вызвало резкую критику ввиду наличия множества явных контрпримеров (см. [Carstairs-McCarthy 1992]); Г. Стамп дает менее жесткую формулировку этого принципа, разрешая реализа-

ционными правилами обращаться к внутренней структуре композитов.

Во второй главе ("Paradigm functions") формулируются основные принципы собственно PFM и вводится понятие парадигматической функции, которое затем эксплицируется на примере подробного анализа глагольного словоизменения болгарского языка. Парадигматическая функция конкретного языка определяется с помощью реализационных правил, необходимых для порождения словоформы с данной грамматической характеристикой от основы данной лексемы. Существует два основных типа реализационных правил, различие которых восходит еще к знаменитой статье [Zwicky 1985]: правила, вводящие показатели тех или иных граммем (*rules of exponence*) и "ссылочные правила"² (*rules of referral*), сообщающие о том, что данное множество граммем имеет ту же реализацию, что и некоторое другое множество граммем. Ссылочные правила являются основным средством описания разнообразных явлений синкретизма или омонимии словоформ, однако применяются и в других случаях (см. ниже). Реализационные правила организуются в блоки (*blocks*) таким образом, что "правила, принадлежащие одному блоку, конкурируют (*compete*) за то, чтобы занять одну и ту же позицию в последовательности правил, определяющих словоизменительную форму слова" (с. 44). Проблемы выбора между конкурирующими правилами подробно рассматриваются в главе 3.

Помимо собственно реализационных правил, для правильного порождения всех словоформ данного языка необходимы также и морфонологические правила (*morphophonological rules*), не выражающие никаких граммем, но лишь преобразующие результат действия реализационных правил. В PFM морфонологические правила непосредственно связаны с реализационными правилами при помощи так называемых "морфологических метаобобщений" (*morphological metageneralizations*): "для любого реализационного правила R существует неупорядоченное множество Φ_R морфонологических правил, ограничивающих значение R в любом случае его применения" (с. 47). Фонологическая форма результата применения R изменяется при помощи всех применимых к ней правил из Φ_R . Тем самым, решаются многие проблемы, с которыми не могли справиться порождаю-

щие теории морфологии, оперировавшие понятием "упорядочения аффиксов" (*affix-ordering generalisation*), требовавшего прямого соответствия между порядком применения морфонологических правил и порядком аффиксов в словоформе, что является слишком сильным требованием, опровергаемым большим числом языковых данных (см. с. 47).

Как уже было отмечено, парадигматическая функция данного языка определяется при помощи реализационных правил. Парадигматическая функция должна быть устроена так, чтобы она была применима к любой паре вида <основа, полное множество граммем³> и при этом позволяла, чтобы

(i) "словоформы, занимающие одинаковые клетки в разных парадигмах (т. е., относящиеся к разным лексемам. — П.Л.), порождались в результате применения различных реализационных правил" (с. 51);

(ii) сходство словоформ, занимающих различные клетки в одной парадигме, не выглядело как случайное совпадение.

Оба эти условия выполняются при помощи так называемого "принципа Панини", гласящего, что

"значение парадигматической функции для произвольной пары <основа, множество граммем> всегда является результатом применения наиболее специального (*narrowest*) правила из каждого блока правил" (с. 52).

Реализационное правило R_x является более специальным, чем реализационное правило R_y , если выполняется хотя бы одно из следующих условий:

(i) множество граммем, реализуемое при помощи R_y является собственным подмножеством множества граммем, реализуемых при помощи R_x

(ii) класс лексем, к которому применимо R_y , является собственным подмножеством класса лексем, к которому применимо R_x .

Такой способ построения парадигматической функции предполагает, что для любой пары вида <основа, множество граммем> в любом блоке правил существует одно и только одно правило, которое, во-первых, применимо к этой паре, а во-вторых, является наиболее специальным из всех правил, применимых к этой паре. В тех же ситуациях, когда такого правила не оказывается, применяется универсальное тождественное правило (*identityfunction default*), являющееся

² Перевод этого термина на русский язык предложен в статье [Корбет, Фрэйзер 1997].

³ Полным (*complete*) называется множество граммем, составляющее исчерпывающую грамматическую характеристику словоформы.

наименее специальным из всех реализационных правил; результатом его применения к произвольной паре $\langle X, \text{множество граммем} \rangle$ является, по определению, та же самая пара. Построенная таким образом парадигматическая функция обеспечивает правильное порождение всех словоформ всех лексем данного языка. В последующих главах книги обсуждаются более частные вопросы, связанные с различными ограничениями, накладываемыми на устройство парадигматических функций, а также с некоторыми морфологическими проблемами.

Третья глава книги ("*Rule competition*") посвящена проблеме выбора конкретного реализационного правила в ситуации конкуренции правил. Из двух возможных способов выбора - непосредственного линейного упорядочения правил, принятого в более ранних версиях "словесно-парадигматических" теорий, или же применения принципа Панини, выделяющего наиболее специальное правило, - автор следует второму. Не вдаваясь в подробности аргументации Г. Стампа и приводимых им примеров (систем глагольного согласования алгонкинского языка патаватами и грузинского языка), укажу основное и несомненное достоинство избранного им подхода: вместо произвольного упорядочения реализационных правил для каждого блока правил в каждом языке PFM содержит простой и универсальный принцип, накладывающий очень строгие ограничения на структуру реализационных правил, в частности, следующее (с. 73):

если Q и R - реализационные правила, принадлежащие к одному блоку B , то для любого выражения X и любой грамматической характеристики a , либо ни g , ни R не применимы к паре $\langle X, a \rangle$, либо Q и R оба применимы к $\langle X, a \rangle$ и либо одно из них более специально, чем другое, либо в блоке B существует третье правило S , такое что S применимо к $\langle X, a \rangle$ и S более специально, чем $QYLR$.

Это ограничение на реализационные правила существенно сужает варьирование возможных грамматик, построенных в терминах PFM.

В четвертой главе ("*Headedness*") рассматривается явление "вершинного маркирования" (*head marking*)* грамматической

характеристики у производных слов, т. е., несколько изменяя формулировку, точного наследования производной лексемой словоизменительного типа производящего слова; к кругу проблем, связанных с вершинным маркированием, относятся, в частности, такие вопросы, как описание словоизменения приставочных глаголов в английском и немецком языках и известное явление "словоизменения внутри словообразования". Основная проблема, которую вершинное маркирование ставит перед PFM, заключается в том, что это явление явным образом противоречит тезису об отсутствии внутренней морфологической структуры слова. Например, как можно объяснить, почему форма прошедшего времени от английского глагола *understand* 'понимать' выглядит как *understood* (ср. *stand* - *stood* 'стоять'), а не **understanded*, не позволяя реализационному правилу примениться непосредственно к корню-вершине слова, как бы "не замечая" префикса? Цель автора - разработать такую теорию вершинного маркирования, которая бы адекватно решала эту проблему. Г. Станп отвергает как неадекватную реальным фактам выдвигавшуюся ранее гипотезу о вершинных операциях (*head operation hypothesis*), заключающуюся в том, что свойство вершинного маркирования приписывается конкретным реализационным правилам; прямым следствием этой гипотезы является предположение о том, что результатом применения некоторого реализационного правила всегда будет либо наличие вершинного маркирования, либо его отсутствие, что неверно для многих языков. Взамен автор выдвигает принцип введения вершины (*head application principle*, с. 115):

если вершиной основы Y является основа Z , и Y является основой с вершинным маркированием, то вершиной любой словоформы в парадигме Y является соответствующая словоформа в парадигме Z .

Тем самым, сущность понятия вершинного маркирования в PFM заключается в том, что деривационное правило применяется фактически не к основе производящей лексемы, от которой затем образуются словоформы производного слова, а к каждой словоформе производящего слова. Принцип введения вершины не требует обращения к внутренней структуре сложного слова, позволяя сформулировать следующее ограничение на реализационные правила:

"реализационное правило, применимое к сложному выражению X , не может быть определено так, чтобы действовать на собственной части $X-a$ " (с. 135).

⁴ Термин *head marking* в понимании Г. Стампа не следует смешивать с омонимичным термином, обозначающим выражение синтаксического отношения при вершине словосочетания, см. [Nichols 1986].

Не останавливаясь на разборе Г. Стампом возможных контрпримеров к разработанной им теории вершинного маркирования, укажу один класс явлений, с которыми, по-моему, она не справляется и которые все же требуют признать реальность внутренней морфологической структуры (сложного) слова. Рассмотрим русские возвратные глаголы, не имеющие невозвратного коррелята: *бояться, смеяться, улыбаться* и т. д. Они вне всякого сомнения обладают свойством вершинного маркирования (ср. хотя бы пару *смеяться ~ высмеять*, имеющие тождественные словозначительные свойства), но никаким образом не могут быть получены при помощи принципа введения вершины ввиду того, что для них не существует производящих лексем, из словоформ которых можно было бы получить соответствующие словоформы возвратных глаголов. Можно с уверенностью предполагать, что подобные явления не являются редкостью в языках мира (ср. хотя бы аналогичные и даже более сложные явления в литовском языке), и потому для их адекватного описания необходимо модифицировать принцип введения вершины и признать существование морфологической структуры слова.

Пятая глава ("*Rule blocks*") посвящена различным проблемам, возникающим при объединении правил в блоки и упорядочении этих блоков. К таким проблемам относятся: существование "портманто"-блоков (*portmanteau rule blocks*), вводящих аффиксы, одновременно относящиеся к нескольким смежным позиционным классам; параллельные блоки, вводящие аффиксы, одинаковые по форме и при этом реализующие разные граммемы; обратимые блоки, не связанные ни с какой конкретной аффиксальной позицией в словоформе. Отказ от непосредственной связи конкретного блока реализационных правил с той или иной аффиксальной позицией позволяет дать адекватное решение в каждом из описанных случаев, для чего широко используются ссылочные правила, которые, как видно, нужны не только для описания омонимии в парадигмах.

В шестой главе ("*Stem alternations*") Г. Стамп рассматривает вопросы, связанные с так называемым "морфомным" (*morphomic*, см. [Aronoff 1994: 25]) распределением основ внутри парадигмы: морфомным называется такое "различие в распределении основ", которое "не следует ни из какого систематического различия в значении или грамматической характеристике, ни из фонологических соображений" (с. 169). На примере распределения так называемых "сильных" и "слабых" основ в санскритском склонении, автор пред-

лагает оригинальную теорию чередований основ. В частности, Г. Стамп подробно и убедительно аргументирует необходимость различать и отдельно описывать процессы образования основ и их индексацию (*indexing*), т.е. соотнесение с теми или иными клетками в парадигме. Кроме того, он показывает, что чередования основ в санскрите не могут быть описаны как результат действия фонотактических ограничений, упрощающих труднопроизносимые звукосочетания, но являются сугубо морфологическим феноменом.

Седьмая глава ("*Syncretism*") целиком посвящена явлению синкретизма, т.е. омонимичного выражения различных комбинаций граммем. Г. Стамп выделяет два основных вида синкретизма в зависимости от того, какими типами правил они описываются: направленные (*directional*), возникающие в результате действия ссылочных правил, и ненаправленные (*nondirectional*). Направленные в свою очередь подразделяются на однонаправленные (*unidirectional*), когда ссылка всегда происходит от одного множества граммем к другому, но не наоборот, и двунаправленные (*bidirectional*), когда имеются два контекстно распределенных ссылочных правила противоположной направленности. Ненаправленные случаи синкретизма также бывают двух видов: незаданный (*unstipulated*) синкретизм, возникающий в тех случаях, когда в языке попросту нет таких реализационных правил, которые могли бы различить некоторые множества граммем⁵, и симметричный (*symmetrical*) синкретизм, описываемый при помощи метаправила, устанавливающего ненаправленное отношение тождества между реализациями двух разных множеств граммем.

Важно отметить, что "различие между синкретизмом, затрагивающим целые словоформы (*whole-word syncretisms*) и синкретизмом, затрагивающим только отдельные блоки правил (*block syncretisms*)" (с. 218) не является в PFM теоретически значимым: "можно выдвинуть гипотезу, что синкретизм словоформ является просто таким случаем синкретизма блоков правил, при котором каждый блок следует одной и той же модели синкретизма" (там же). Это положение является вполне разумным и мотивированным с точки зрения PFM, но его никак нельзя признать адекватно отражающим реальные факты ес-

⁵ Все остальные случаи синкретизма, эксплицитно вводимые в описание морфологии данного языка, называются заданными (*stipulated*).

тественных языков; все исследования синкретизма, проводившиеся в последние несколько десятилетий (см., например [Carstairs 1984; 1987; Plank 1979; 1980; 1990; 1991]), исходят из принципиальной разницы между полным совпадением словоформ и совпадением их отдельных частей; в частности, лишь первое имеет вполне определенные диахронические последствия и лишь на первое накладываются довольно строгие синхронные ограничения. То, что эти значимые факты игнорируются PFM, является ее несомненным и серьезным недостатком.

Важная гипотеза Г. Стампа, касающаяся синкретизма, связана с понятием доминанции (*dominance*), введенным еще Л. Ельмслевом [Hjelmslev 1935: 107-109]. Доминантными (*dominant*) называются граммы, общие для омонимичных словоформ, а подчиненными (*subordinate*) - те, что их различают. Г. Стамп накладывает весьма сильное ограничение на допустимые в данном языке типы синкретизма, формулируя принцип упорядочения грамматических категорий (*feature ranking principle*)

"Для любого языка L имеется упорядочение $>$ грамматических категорий в L , удовлетворяющее следующему условию: для любого заданного случая синкретизма S в $L >$ если доминантные граммы S относятся к категории F_a , а подчиненные граммы S относятся к категории F_b , то $F_a > F_b$ " (с. 239).

Из этого принципа вытекает, что если в некотором языке есть синкретизм падежей при доминантной граммеме числа, то в этом языке невозможен синкретизм чисел при доминантной граммеме падежа. Это безусловно интересное обобщение требует строгой эмпирической проверки; по крайней мере, мне известны данные, которые, возможно, могли бы противоречить *feature ranking principle*, например, древнеанглийское склонение, в котором наблюдается как падежный, так и числовой синкретизм, см., например [Plank 1987; 1990].

В заключительной восьмой главе ("*Conclusions, extensions, and alternatives*") Г. Стамп предлагает краткое резюме основных положений разрабатываемой им теории, а также рассматривает возможные расширения ее применения, в частности, вопрос о существовании словообразовательных парадигм, устройство которых регулировалось бы теми же принципами, что и структура словоизменяемых парадигм. Помимо этого, Г. Стамп проводит подробное сравнение PFM с другой инференциально-реализационной теорией - так называемой сетевой морфологией (см. выше) - и показывает, что при определенных весьма существенных различиях две концеп-

ции весьма близки друг к другу, что позволяет автору утверждать: "концептуальная близость PFM и сетевой морфологии показывает, что мы уже чего-то достигли в нашем понимании фундаментальных принципов, регулирующих словоизменение в естественных языках" (с. 276).

Центральное достоинство концепции, основные положения которой я попытался кратко изложить выше, заключается, на мой взгляд, в том, что, анализируя разнообразнейший и сложнейший языковой материал (достаточно лишь перечислить некоторые языки, на примерах из которых автор строит свое изложение: болгарский, русский, бретонский, санскрит, патаватомы, грузинский, лингала, берберский), Г. Стамп показывает, что словоизменяемая морфология и структура парадигм в языках мира организованы в соответствии со сравнительно небольшим числом универсальных принципов, накладывающих существенные ограничения на допустимые естественные языки и их возможные описания. Более того, все положения PFM, будучи эксплицитно и единообразно сформулированы, допускают непосредственную эмпирическую проверку на соответствие как тем фактам, к которым апеллирует автор, так и тем, которые он не учитывает. Читатель, не испытывающий страха перед формализацией и склонный рассматривать морфологию не как набор случайных фактов и конкретно-языковых особенностей, за которыми не стоит никакая более глубокая реальность, а как полноправный компонент универсальной грамматики, несомненно, получит от чтения книги Г. Стампа не только пользу, но и удовольствие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зализняк 1967 - А.А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967.
 Корбет, Фрэнсер 1997 - Г.Г. Корбет, Н.М. Фрэнсер. Компьютерная лингвистика и типология // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 2.
 Плунгян 1998 - В.А. Плунгян. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях (обзор) // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
 Anderson 1992 - S.R. Anderson. A-Morphous morphology. Cambridge, 1992.
 Aronoff 1994 - М. Aronoff. Morphology by itself: Stems and inflectional classes. Cambridge (MA), 1994.
 Booij et al. (eds.) 2003 - Morphology and linguistic typology. Mediterranean morphology meeting, 4, Catania, September 2003 / Ed. by

- G. Booij, A. Ralli, S. Scalise, S.C. SgROI. Catania, 2003.
- Carstairs 1984 - *A. Carstairs*. Outlines of a constraint on syncretism // *Folia linguistica*. V. 18. 1984.
- Carstairs 1987 - *A. Carstairs*. Allomorphy in inflexion. London, 1987.
- Carstairs-McCarthy 1992 - *A. Carstairs-McCarthy*. Morphology without word-internal constituents: a review of Stephen R. Anderson's *A-Morphous morphology I I* Yearbook of morphology 1992 / Ed. by G. Booij, J. van Marie. Dordrecht, 1993.
- Carstairs-McCarthy 1994 - *Jl. Carstairs-McCarthy*. Inflection classes, gender, and principle of contrast // *Language*. V. 70. 1994. № 4.
- Corbett, Fraser 1993 - *G.G. Corbett, N. Fraser*. Network morphology: A DATR account of Russian nominal inflection // *Journal of linguistics*. V. 29. 1993.
- Corbett, Fraser 1995 - *G.G. Corbett, N. Fraser*. Gender, animacy, and declension class assignment: a unified account of Russian // *Yearbook of morphology 1994* / Ed. by G. Booij, J. Van Marie. Dordrecht, 1995.
- Dressier et al. 1987 - *W.U. Dressier, W. Mayerthaler, O. Panagl, W.U. Wurzel*. Leitmotifs in natural morphology. Amsterdam; Philadelphia, 1987.
- Halle, Marantz 1993 - *M. Halle, A. Marantz*. Distributed morphology and the pieces of inflection // *The View from building 20: Essays in linguistics in honor of Sylvian Bromberger* / Ed. by K. Hale, S. Keyser. Cambridge (MA), 1993.
- Harley, Noyer 1999 - *H. Harley, R. Noyer*. State-of-the-article: Distributed morphology // *GLOT 4.4*. 1999.
- Hjelmslev 1935 - *L. Hjelmslev*. La categorie des cas. Pt. I. Aarhus, 1935.
- Matthews 1972 - *P.H. Matthews*. Inflectional morphology: A theoretical study based on aspects of Latin verb conjugation. Cambridge, 1972.
- Nichols 1986 - *J. Nichols*. Head-marking and depending-marking grammar // *Language*. V. 62, 1986.
- Plank 1979 - *F. Plank*. The functional basis of case systems and declension classes: from Latin to Old French // *Linguistics*. V. 17. 1979. № 7/8.
- Plank 1980 - *F. Plank*. Encoding grammatical relations: Acceptable and unacceptable non-distinctness // *Historical morphology* / Ed. by J. Fisiak. The Hague, 1980.
- Plank 1987 - *F. Plank*. Number neutralization in Old English: failure of functionalism? // *Explanation and linguistic change* / Ed. by W. Koopman, F. van der Leek, O. Fischer, R. Eaton. Amsterdam; Philadelphia, 1987.
- Plank 1990 - *F. Plank*. Paradigm arrangement and inflectional homonymy: Old English case // *Papers from the 5th International conference on English historical linguistics* / Ed. by S. Adamson, V.A. Law, N. Vincent, S. Wright. Amsterdam; Philadelphia, 1990.
- Plank 1991 - *F. Plank*. Rasmus Rask's dilemma // *Paradigms: The economy of inflection* / Ed. by F. Plank. Berlin, 1991.
- Stump 1991 - *G.T. Stump*. A paradigm-based theory of morphosemantic mismatches // *Language*. V. 67. 1991.
- Stump 1993a - *G.T. Stump*. On rules of referral // *Language*. V. 69. 1993.
- Stump 1993b - *G.T. Stump*. Position classes and morphological theory // *Yearbook of morphology 1992* / Ed. by G. Booij, J. van Marie. Dordrecht, 1993.
- Stump 1995 - *G.T. Stump*. The uniformity of head marking in inflectional morphology // *Yearbook of morphology 1994* / Ed. by G. Booij, J. van Marie. Dordrecht, 1995.
- Thomas-Flinders, ed. 1981 - *Thomas-Flinders*. Introduction to the extended word-and-paradigm theory / Ed. by T. Thomas-Flinders. UCLA occasional papers № 4: Working papers in morphology. 1981.
- Zwicky 1985 - *A.M. Zwicky*. How to describe inflection // *Proceedings of the 11th annual meeting of the Berkeley linguistics society*. Berkeley, 1985.

П.М. Аркадьев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

22-23 мая 2003 г. в Волгограде состоялся Международный симпозиум "Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста". В современной культурологии XXI век получил название Века Информатики, и можно сказать, что изучение "фигур знания" (Ю.Н. Караулов) является актуальной задачей современной лингвистики, определяя одну из ведущих ее парадигм - когнитивную. Волгоградский педагогический университет - один из региональных центров лингвистического концептуализма, о чем свидетельствует, в частности, организация систематических чтений по лингвокогнитологии на базе его филологического факультета.

Желание принять участие в форуме выразили 174 ученых России, Италии, Китая, Венгрии, Казахстана, Украины, Белоруссии. Со-^{*}стоялось два пленарных заседания, работало 7 секций. Было заслушано около 80 докладов и сообщений.

Открыл симпозиум ректор Волгоградского педагогического университета проф. В.И. Данильчук. Он рассказал о научных достижениях вуза, основанного в 1931 г. и стабильно занимающего первые строчки в рейтинге педагогических вузов страны.

В докладах, заслушанных на двух пленарных заседаниях, поднимались вопросы когнитивной базы концептуализации, ее языковых, речевых и текстовых форм, концептуальной системности и динамики.

В докладе Н.Ф. Алефиренко (Волгоград) "Вербализация концепта и смысловая синергетика языкового знака" рассмотрены четыре этапа вербализации концепта: соотношение концепта с этимологом соответствующего слова, формирование внутренней формы - смыслового центра концепта-образа, символизация значения (*земля* *материк*: *Желание уехать на большую землю*), мифологизация концепта как действие символа в парадигме культуры. Иными словами, концепт это и исходная точка смыслогенеза, и

когнитивный предел смыслового насыщения языкового знака. В докладе У. Перси (Италия) «"Русский лес" Л. Леонова: идеология, риторика, экология в лекции профессора Вихрова» проанализированы этимология слова *лес* и его мифологизация, восприятие леса латинянами, германцами и славянами, история создания романа и его значение в качестве образа "экологической" литературы. Роман Л. Леонова - блестящий пример концептуальной динамики и дискурсивной реализации концепта '*лес*'. В романе он тесно взаимодействует с концептом '*русский народ*', поскольку война, грозя народу, грозит и источникам его существования, лесу в том числе. Ярко выраженная тройная словесная инструментовка: идеология - риторика - экология - способствовала укреплению экологического сознания народа, добавив концепту '*лес*' новые слои смысла. Р. Казари (Италия) в докладе «"Плач по Иргизу" в контексте плачей и слов о гибели русской земли» охарактеризовала памятник старообрядческой литературы в контексте традиции. Рассматривая эволюцию концепта '*мать-земля*' как рождающего лона в процессе христианизации в девственную весеннюю '*мать-пустыню*', оставленную обитель как исчезнувший Эдем, изгнание с родных мест - как вавилонское изгнание, разрушенное родное место - как град Иерусалим, *ностальгическое обаяние* как ностальгию по потерянной красоте, докладчик сделал вывод о библейских прообразах исследуемого текста.

Концепты отражают динамику и расчлененность национального и группового мировоззрения, различия социальной практики и духовной активности социума, - отметил в докладе "Проблема варьирования культурных концептов" В.Е. Гольдин (Саратов). Автор представил анализ ассоциативных реакций младших и старших школьников Саратова и Саратовской области на стимул *деньги* с учетом частотного, аксиологического, смыслового векторов, а также тендерного

фактора. Так, в ответах старшеклассников увеличивается количество репрезентантов концепта (*рубль, монеты, баксы*), негативные реакции сменяются на позитивные. Типичной реакцией мальчиков на стимул *деньги* является *банк*, девочек - *магазин*. Таким образом, фреймовая структура концепта инвариантна, заполнение же узлов фрейма вариативно. А.В. Полонский (Италия) в докладе «Русская "орк-культура": модификация концепта *'человек'* охарактеризовал современную российскую речевую культуру с установкой на снижение статуса слова, культуры и человека как культуру орков из известного романа Толкиена. Языковая экспликация концепта *'человек'* рассмотрена автором в новейшем социокультурном контексте. Так, исконное семантическое содержание слов *человек, муж* - 'мудрый и трудолюбивый пахарь' в дальнейшем послужило деривационной базой значений 'свободный человек', 'почтенный человек' и 'супруг'. Семантический палином *мужчина* - *мужик* позднее представлял собой сопоставленные как бытие и быт два взгляда человека на мир: сверху (*мужчина*) и снизу (*мужик*). В современном содержании концепта *'человек'* исходная оппозиция духовности и приземленности акцентирует приземленность. Инверсия оценки в содержании концепта и задает языковую стратегию. Доклад Г.В. Токарева (Тула) "Специфика концептуализации труда в религиозном дискурсе" посвящен православной христианской трактовке труда. В исконной библейской интерпретации труд был последствием греха. Труд же признается одним из путей единения с Богом и главной добродетелью. Концептуализация труда в религиозном дискурсе идет по линии стратификации форм труда. Постепенно расходятся в ценностном отношении труд духовный (высокий) и физический (как более низкого качества, направленный на создание земных благ). Основной разновидностью труда духовного является молитва. На пути к постижению Бога труд материальный должен обязательно чередоваться с молитвой, делающей труд целенаправленным. Христианская таксономия трудовой деятельности отличает православный дискурс от других религиозных дискурсов. Итак, труд - основной закон добродетельной жизни, обеспечивающей духовное единение верующих. В докладе Л.А. Шестака (Волгоград) "Фреймовая семантика языка и текста" фрейм представлен в качестве метаязыка гуманитарных описаний. Фреймовая семантика языка и текста рассмотрена в генезисе (фрейм как генетический обряд). Культурная трансляция инвари-

антных частей фрейма и заполняющих их слотов дана как в синхронном функционировании (алломорфы символа - *ворон, лис, щут* как 'трикстер'), так и в диахронных напластованиях (*мать-Земля* - *Богородица*). Понятие концепта как ценностно осмысленного традиционного знания иллюстрировалось схемой механизма концептуализации фрагмента действительности и называющего его знака. В качестве матрицы заполнения слотов фрейма рассматривались базовые метафоры (ЗВЕРЬ, ЗЛАК, ВЕЩЬ) как генетические мировоззрения, отражающие эпохи человечества. По мнению автора, фреймовый подход к текстам культуры является терминологическим инструментарием описания гуманитарного знания (образ - мотив - стиль - эпоха) на единых основаниях.

Широкий спектр проблем когнитивной лингвистики обсуждался на секционных заседаниях симпозиума. В рамках секции "**Общие проблемы вербализации концептов**" рассматривались генетические аспекты концептуализации (этимология концепта, концепт и мифологема), механизм концептуализации, структура и типология концептов. В докладе В.И. Карасика (Волгоград) "Транслируемость концептов" представлена типология концептов: когнитивные и культурные, яркие и неяркие, исчезающие и появляющиеся, транслируемые пассивно и активно, переводимые и непереводаемые. Стабильные концепты обнаруживают склонность к стереотипизации. Применительно к различным видам дискурса можно говорить о разнонаправленных тенденциях концептосферы - тенденции к стабилизации концептов в сознании для религиозного, политического, рекламного, педагогического дискурса и о тенденции к дестабилизации, уточнения для научного. Транслируемость проиллюстрирована концептом *'программирование'*, заимствованным политиками из информатики. В докладе В.И. Шаховского (Волгоград) "Эмоции и когниция: концептуализация и лексикализация эмоций (вопросы теории)" рассмотрена роль слова в процессе концептуализации знания об эмоциональном мире человека. При всем различии прагматик общающихся знак лексикализованной эмоции не препятствует опознанию зоны эмоций и даже конкретной эмоции. Знания об эмоциях формируются линейно и включают в концептуальную структуру базовые знания-рецепторы и различные знания-ретуши, формирующие ментальный конструкт лексикализованной эмоции. Поэтом слово - код эмоциональных знаний *Nomo sentiens*, входящих в его эмотивную и эмоциональную компетенцию. Эмоции культурно обусловлены и навязываются этносу когнитивными сцена-

риями. Ш.К. Жаркынбекова (Алматы) в докладе "О концептуальном основании языковых категорий" охарактеризовала концептуализацию цветových кодов в казахской и русской лингвокультурах. На основании анализа универсальных и специфических национально-языковых особенностей концептов 'белый! ак' и 'черный! кара' на широком культурологическом фоне автор доказывает, что восприятие мира казахами ближе к китайскому, нежели к дуалистическому греческому и христианскому. База когнитивных процессов, в которых задействованы цветообозначения, оценивается как конфигурация социально и этнически осмысленной цветосимволики в ее связи с философией, историей и культурой народа.

На заседаниях секции "**Лексические средства выражения и актуализации концептов**" в центре внимания находились лексико-фразеологические особенности объективации концептов, место и роль отдельных ментальных сущностей в национально-языковой картине мира. Ю.В. Федосов (Волгоград) в докладе "Антонимо-синонимические объединения как средство вербализации концептов" охарактеризовал подобные объединения как многомерные смысловые образования, в которых выделяются ценностная, образная и понятийная стороны, благодаря чему антонимо-синонимические блоки способны выступать как одно из средств репрезентации концептов. В докладе М.А. Хизовой (Краснодар) "Семантический прототип концепта дружбы в этической парадигме" раскрыто лингвокультурологическое и философско-этическое содержание данной ментальной сущности. По мнению автора, концепт дружбы является базовым образованием, характеризующим языковую личность. Эссенциальная семантика концепта включает различия: а) по содержанию мотивов дружбы (гедонистические, эпикурейские, разумно-эгоистические и пр.); б) по типу партнеров; в) по характеру отношений.

В рамках секции "**Лингвокультурологические аспекты вербализации концептов**" были освещены проблемы взаимодействия языка и культуры, национально-культурные и социокультурные особенности объективации концептов, рассмотрены системы концептов, актуальных для различных субкультур. В докладе В.И. Супруна (Волгоград) "Концепт мата в русском языковом сознании" дан анализ процесса экспансии обсценной лексики в современной речи. Докладчик оценивает мат как псевдоконцепт русского этноязыкового сознания. Выделено три волны активизации обсценной лексики: 1) период после октябрьского переворота; 2) время "хрущевской оттепели"; 3) период с 1990-х гг. XX в. по настоящее время. Установлены причины экс-

пансии мата в русской речи (криминализация общества, социальная активность маргиналов и др.). Сообщение Ян Лэй (Китай) "Особенности черного и белого цвета в русской и китайской национальной культуре" было посвящено выявлению универсальных характеристик и национально-языковой специфики цветовой символики.

На заседаниях секции "**Концепт и проблемы вторичной номинации**" обсуждались когнитивные аспекты формирования фразеологических единиц, анализировалась когнитивная база метафор и паремий. Е.В. Брыкина (Волгоград) в докладе "Идиотические основы концепта 'время' в донском казачьем диалекте" осветила проблему вербализации средствами диалектной фраземики одного из важнейших компонентов этнического сознания народа - его представление о времени. Автор представил универсальное и идиотическое в структуре описываемого концепта, обратив особое внимание на этнокультурную специфику средств и способов его объективации. В докладе Л.П. Гашевой (Челябинск) "Манифестация концептов 'изменение социального статуса' и 'социальная деятельность лица' в русской фраземике" был представлен анализ процессуальных фразеологических единиц, указывающих на ухудшение или улучшение социального статуса (типа *перебиваться с хлеба на квас - выходить/выйти в люди*) и на социальную деятельность лица (государственную, политическую, трудовую и т. д.).

Е.А. Добрыднева (Волгоград) в докладе "Фразеологические средства и способы вербализации эмоциональных концептов в языке и речи" заострила внимание на том, что в самой природе фразеологического значения, которое возникает в результате ассоциативно-образного переосмысления свободного сочетания слов, заложена потенциальная возможность варьирования оценочного и эмотивного содержания, что приводит к фразеологической полиэмотивности - способности фразем в различных коммуникативных ситуациях передавать различные эмоции.

На секции "**Грамматические средства выражения и актуализации концептов**" рассматривались когнитивные аспекты морфологических и синтаксических явлений и категорий как в синхронии, так и в диахронии.

Сообщение Т.К. Бардиной (Астрахань) "Лексико-грамматическая переходность в аспекте перекатегоризации" было посвящено анализу когнитивной специфики явления переходности в системе частей речи. Основное внимание уделено процессу перекатегоризации - нейтрализации одних категориальных признаков и актуализации других. Т.П. Дмитриева (Тверь) в докладе

"Когнитивная интерпретация системы простых предложений" рассмотрела смысловые отношения, которые устанавливаются между пропозициями. Автор сосредоточил внимание на так называемых прототипических, или базовых, смысловых отношениях, способах их реализации в простом предложении и особенностях развертывания в рамках сложного предложения.

В рамках секции **"Вербализация концептов в художественном дискурсе"** обсуждались актуальные проблемы исследования концептосферы художественного дискурса и вопросы концептуальной специфики творчества отдельных авторов. В докладе И.В. Быдиной (Волгоград) "Способы вербализации концептов в поэтическом тексте" проанализировано межтекстовое ассоциативно-смысловое поле концепта *'душа'* в лирическом цикле В. Сошныры "Пьяный ангел", подробно рассмотрены синтагматические и парадигматические ассоциации, через которые раскрывается содержание исследуемого концепта. Н.С. Ковалев (Волгоград) в докладе "Эволюция концепта в отражении разновременных текстов и оценочных структур" показал, что смысловое развитие концептов и средств их воплощения предполагает а) выявление первичных элементов (эмпирических образов) и б) поиск сходств и различий между типами концептов в текстах русской культуры. Проанализирована эволюция семантической структуры и оценочный потенциал компонентов *"правый/левый"* как базовых составляющих концепта *'пространство'*. В докладе Т.Н. Колокольцевой (Волгоград) "Генерализующий концепт *'солнце'* в идиостиле К. Бальмонта" рассмотрена роль одного из постоянных образов-символов русской поэзии в создании индивидуально-авторской картины мира. На основе анализа ассоциативно-смыслового поля концепта и средств его объективации доказываются, что для лирического героя К. Бальмонта солнце не просто центр мироздания, квинтэссенция жизненного и творческого начал, но и своеобразное второе Я поэта.

На секции **"Проблемы вербализации концептов в различных речевых жанрах"** в центре внимания находилась концептуальная спе-

цифика дискурсов различных типов и жанров. В докладе Е.И. Шейгал (Волгоград) "Жанровое воплощение концепта" рассмотрено жанровое деление политического дискурса с учетом фактора адресанта. Автор выделил 1) жанры, субъектом которых является народ; 2) жанры, идущие от власти; 3) адресантно-амбивалентные жанры. Дана подробная характеристика жанрам первой группы, где концепты *'народ'* и *'власть'* получают разнообразное дискурсивное воплощение.

А.В. Олянич (Волгоград) в сообщении "Драматургия массово-информационного дискурса как способ формирования и реализации базовых культурных концептов" раскрыл способы манипулирования общественным сознанием. По мнению докладчика, власти придерживающиеся с целью развернуть нацию в нужном идеологическом направлении предлагают новые интерпретации базовых концептов (*'свобода'*, *'родина'*, *'закон'*, *'власть'*, *'справедливость'* и др.), а затем через массмедиа целенаправленно внедряют их в массовое сознание.

В докладе М.Р. Желтухиной (Волгоград) "Механизм воздействия: когнитивные структуры и когнитивные операции" дан анализ ментальных структур и операций в цепочке восприятие - представление - мышление - абстрагирование. Выявлены вербальные и невербальные составляющие комического субфрейма массмедиального дискурса, оказывающие эмоциональное воздействие на адресата речи.

Материалы симпозиума опубликованы в сборнике "Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста" (В 2-х частях: Ч. 1 - Научные статьи. Ч. 2 - Тезисы докладов. - Волгоград: "Перемена", 2003).

В заключение симпозиума его участники отметили, что бурное развитие лингвокогнитологии делает насущным регулярное проведение таких форумов, и Волгоградский педагогический университет может стать одним из подобных центров.

*Т.Н. Колокольцева, ЛЛ. Шестак
(Волгоград)*

С 28 по 31 августа 2003 года в Ирландии (Trinity College, Дублин) состоялся двадцатый Международный colloquium по истории лингвистики Общества Генри Свита (Henry Sweet Society 20th Annual Colloquium). Специ-

алисты по истории лингвистики из Ирландии, Великобритании, США, Канады, Германии, Дании, Нидерландов, Франции, Швейцарии, Италии, России, Чехии, Украины, Латвии, Японии и Объединенных Арабских Эмиратов выступили с докладами на английском и французском языках и приняли участие в дис-

куссиях. Всего было заслушано более тридцати докладов.

Открыл конференцию доклад К. Стрэн (Великобритания), в котором говорилось о деятельности Г. Финегла (1760—1819), приехавшего в Дублин в 1813 году и основавшего специальную школу, методы преподавания в которой во многом строились на мнемонических началах. Специфике и педагогической значимости этой передовой для Ирландии девятнадцатого века методике была посвящена отдельная часть доклада. Еще одно сообщение, посвященное лингвистическим исследованиям в Ирландии, было представлено М. Лоч (Великобритания), рассказавшей об изучении речевых расстройств в дублинском Центре медицинских исследований в первой половине девятнадцатого века. Они представляли описания сразу нескольких сторон речевых расстройств (восприятие, понимание и производство речи, чтение и письмо). Доклад вызвал большой интерес собравшихся, ведь традиционной историей исследований афазий связывается, прежде всего, с именами ученых из континентальной части Европы (П. Брока, К. Вернике). Исследовательница в деталях проанализировала работы по афазиям Дж. Осборна и В. Стили, публиковавшиеся в 1830-1840 гг. в дублинском журнале *Dublin journal of medical and chemical science*.

Часть докладов была посвящена специфике современного восприятия и практического использования идей, высказанных известными лингвистами прошлого. Так, Дж. Маат (Нидерланды) рассказал о ведущемся в настоящее время проекте Tulip ("The universal language internet portal"), предполагающем создание специального интернет-сайта. В основу проекта легла схема универсального языка, разработанная еще в 1661 году Дж. Дальгарно (1626-1687). Сама идея проекта, по мнению Дж. Маата, должна позволить научной общественности убедиться в возможности прикладного применения знаний по истории лингвистики в исследованиях, ведущихся в настоящее время. Французская исследовательница Ж. Леон выступила с докладом об исследованиях в области машинного перевода в Великобритании в 1956-1970 гг. и о возрождении, в связи с ними, интереса к универсальным языкам. Ключевой при этом - во многом, как и в XVII веке (времени появления многочисленных работ об универсальных языках) - оставалась проблема полисемии естественных языков и возможных путей ее разрешения в практическом аспекте использования универсальных языковых систем. Один из них предполагал прикладное

использование концепта *семантических примитивов* в работе систем по машинному переводу. При этом работы по машинному переводу, выполненные, в частности, английской группой Cambridge language research unit, опирались на понятие семантических примитивов, непосредственно вытекающее из более ранних схем универсальных языков. Так, к примеру, метод машинного перевода Nude напрямую был связан с концепциями Дж. Дальгарно и Дж. Уилкинса (1609 или 161-4¹1672). О Дж. Уилкинсе речь шла и в докладе президента Общества Генри Свита Дж. Крэма (Великобритания). Исследователь отдельно остановился на взглядах ученого на различия между естественными языками. Показательно, по мнению Дж. Крэма, что Дж. Уилкинс основывал свои рассуждения сразу на двух разных подходах к классификации языков - генетическом и типологическом. Особый интерес Дж. Уилкинса вызывал малайский язык, который он полагал "самым новым языком на свете" и различал при этом "настоящий малайский язык" и его пиджинизированную версию - "торговый малайский" ("merchants or trading language"). В отдельной части доклада рассматривались взгляды Дж. Уилкинса на современный ему английский язык. Еще один доклад, посвященный Дж. Уилкинсу, был представлен исследовательницей из Италии Н. Леонарди. В центре внимания ее сообщения стоял вопрос о связи религиозных и лингвистических воззрений Дж. Уилкинса, отраженных, в частности, в его знаменитом "Essay towards a real character and a philosophical language" (1668).

Несколько докладов было посвящено истории грамматик. О проблемах грамматического описания сослагательного наклонения в английском и немецком языках в XVIII веке (эпоху кодификации языковой нормы в Англии и Австрии) рассказала английская исследовательница А. Ауэр. При этом она особенно подчеркнула влияние моделей описания классических языков на английские и немецкие грамматики, появившиеся в то время, а также обратила внимание на различия в подходах к описанию языковых норм в англо- и немецкоязычных научных традициях того времени и на разницу неизменно присутствующих в грамматиках XVIII века формального и функционального критериев в самом определении сослагательного наклонения. Х. Гвоздек (Германия) выступила с сообщением о школьной грамматике английского языка начала XVI века, известной как "Lily-grammar". Семантическому наполнению концепта местоимение в ранних александрийских грам-

матиках и эпистемологической значимости их специфики в этом отношении был посвящен доклад А. Шмидхаузера (Швейцария). П. Юмель (Франция) рассказала об эмпирических истоках возникновения сравнительного языкознания, восходящих к эпохе Возрождения. Хотя теоретические основы компаративистики можно условно датировать XIX веком, "до-научные" описания древних языков, и прежде всего, древнегреческого (представленные, в частности, в грамматиках), по мнению исследовательницы, изобилуют сравнениями и аллюзиями, превосходящими лучшие методы современного сравнительного языкознания, возведенные в ранг научного описания. Сообщение П. Ванга (Латвия-Швеция) было посвящено анализу различных концепций происхождения и генетических связей между балтийскими языками в XVII-XVIII вв., представленных в написанных в то время грамматиках литовского, латышского и эстонского языков. Интересно, что о родстве соответствующих языков с другими европейскими языками речь при этом шла именно в литовских и латышских, а не в эстонских грамматиках. К. Амане (Нидерланды-Бельгия) посвятил свое выступление неудачным попыткам описания сложных слов типа *smog* (*smoke* + *fog*), *chunnel* (*channel* + *tunnel*) в традиционных грамматиках, а также новым подходам к решению этой проблемы, появившимся в последнее время.

Два доклада были посвящены истории семантики. Украинский лингвист С. Вакуленко рассказал о шведском лингвисте А. Нореене (Нурене) (1854-1925) и понятии *семема* в его работах. Обычно термин "семема" ассоциируется с французской структуралистской семантикой и работами А. Греймаса, либо с теоретическим наследием Л. Блумфилда и его американских последователей. Однако этот термин встречается в работах А. Нореены уже в самом начале двадцатого века. Наряду с определением данного понятия (разительно отличающимся от структуралистского), А. Нореен разработал и детальную классификацию разных типов семем. При этом лингвистический анализ шведского лингвиста основывался на его допущении о существовании параллелизма между материальным и функциональным аспектами в структуре любого языка, а следовательно, и между их описаниями (слово *семема* было образовано по аналогии с *фонемой*). Доклад Е. Вельмезовой (Россия-Швейцария) был посвящен эпистемологической значимости теорий "семантической поляризации" в конце XIX - начале XX века. Докладчица

рассказала, в частности, о влиянии философских идей Г. Спенсера на формирование соответствующих концепций не только в Германии и Франции, но и в России.

В целой серии докладов речь шла об отдельных известных лингвистах и формировании и развитии их концепций. И. Ивановна (Россия-Швейцария) сделала сообщение о Л. Якубинском, члене ОПОЯЗа и исследователе диалога. Основное внимание докладчицы было уделено постепенной трансформации работ Л. Якубинского по поэтике в его оригинальную концепцию диалога, представленную в работе 1923 года "О диалогической речи". Большой интерес вызвал доклад Дж. Джозефа (Великобритания) о влиянии работ А. Пикте (1799-1875) - и прежде всего, его книги "Du beau, dans la nature, l'art et la poesie: Etudes esthétiques" (1856) - на формирование структуралистской концепции Ф. де Соссюра. В отличие от работы А. Пикте "Les origines indo-européenne, ou, les Aryas primitifs: Essais de paléontologie linguistique" (1859-1863), которую Ф. де Соссюр высоко оценивал в своем "Курсе общей лингвистики", значение более ранней работы А. Пикте по поэтике для научного творчества Ф. де Соссюра до сих пор оставалось оцененным в недостаточной степени. С большим интересом участники коллоквиума выслушали и сообщение английской исследовательницы Н. Керечук. Речь в нем шла об основных концептах философии языка А. Поттебни (образ, символ и т.д.), их истоках, развитии и влиянии на формирование традиций лингвистических описаний в Восточной Европе. Н. Керечук рассказала и о трудностях перевода работ А. Поттебни на европейские языки, в частности, на английский. П. Лорендо (Канада) сделал сообщение о взглядах на язык, представленных в философских работах Дж. Локка, подчеркивая значимость изучения всего наследия философа, а не отдельных его фрагментов, речь в которых идет непосредственно о языке. Ф. Вонк (Нидерланды) рассказал о влиянии философии Э. Маха на лингвистические воззрения и работы Ф. Маутнера (1849-1923). Докладчик провел детальное сравнение подходов двух ученых к методике концептуального анализа, ярко представленной в их научном наследии. Японский исследователь М. Мияваки рассказал о концепции языка, представленной в работе Дж. Уоллиса (1616-1703) "Grammatica linguae anglicanae" (1653). Значимость работы Дж. Уоллиса, по мнению исследователя, состоит, во-первых, в системном описании образования звуков речи, а во-вторых, в принятых им попытках описать грамматику английского языка по модели, отличающейся от традиционных моделей описания классиче-

ских языков, в частности, латыни. Оба эти аспекта, по мнению японского исследователя, свидетельствуют об очевидной индуктивно-эмпирической составляющей теоретического наследия Дж. Уоллиса. Значению написанных в 1980-х годах и малоизвестных работ С. Крашена для теорий и методик современного преподавания иностранных языков был посвящен доклад Г. Вилера (Объединенные Арабские Эмираты).

В нескольких докладах речь шла об известном немецком лингвисте В. фон Гумбольдте. Большой интерес вызвал доклад Б. Шютц (Германия), посвященный работе В. фон Гумбольдта "Grundzüge des allgemeinen Sprachtypus", до сих пор остающейся одним из наиболее известных и цитируемых его исследований. Детальная реконструкция исходного замысла В. фон Гумбольдта позволила Б. Шютц сделать вывод о том, что эта работа изначально должна была представлять лишь введение к более глобальному исследованию, в котором философские размышления немецкого лингвиста сопровождалось бы инструкциями по изучению языков, а также детальным описанием нескольких языков американских индейцев. Исследовательница построила доклад на материале архивных, до сих пор не публиковавшихся документов. Влиянию лингвистических концепций немец-

кого ученого на становление американской лингвистики был посвящен доклад Х. Это (Япония). Основной фигурой доклада стал, как это ни парадоксально, "картезианец" Н. Хомский. По мнению японского исследователя, именно Н. Хомский в 1965 "вновь открыл" для Америки В. фон Гумбольдта после долгих лет непонимания теорий последнего, которые последовали за эпохой появления работ У. Уитни и Л. Блумфилда, часто ссылавшихся на В. фон Гумбольдта и нередко его цитировавших. Наконец, еще один доклад, связанный с именем В. фон Гумбольдта, был представлен немецкой исследовательницей К. Шлапс. Речь шла о различных интерпретациях концепта Sprachgeist, его трансформациях и развитии в истории европейской лингвистики.

Во время заключительной дискуссии, следовавшей за общим собранием членов Общества Генри Свита, А. Алквист (Ирландия), Н. Мак-Лелланд (Ирландия), Я. Ноордеграаф (Нидерланды) и Л. Келли (Великобритания) поблагодарили участников конференции и выразили надежду на дальнейшие встречи и научные контакты.

Е. В. Вельмезова (Москва)

Международные конференции по судебной фонетике организуются ежегодно под эгидой Международной Ассоциации по судебной фонетике (IAFP). Председатель Ассоциации - П. Френч (Англия). Президент - Г. Кюнцель (Германия).

В 2002 году конференция подобного рода была организована на базе Московского государственного лингвистического университета. В Вене непосредственным организатором конференции были Институт акустических исследований Австрийской Академии наук и Управление криминалистики Австрии. В работе конференции в Вене в 2003 г. принимали участие представители ряда стран: Австрии, Англии, Германии, Гамбии, Италии, Израиля, Китая, Кореи, Нидерландов, Польши, России, Румынии, Финляндии и Швеции. Всего было заявлено 27 докладов, авторами которых выступили 57 человек (некоторые доклады были представлены группой соавторов).

Тематика конференции, посвященная вопросам идентификации говорящего, охватывала следующие проблемы: вариативность значений частоты основного тона и идентификация говорящего; скорость речевой артикуляции и использование данного параметра в

судебной фонетике; динамика изменения формант на материале дифтонгов; стабильность индивидуальных фонетических характеристик применительно к произносительному стандарту китайского языка; современное состояние судебной фонетики в России; к вопросу о "темном" /l/ в английской речи; "речь улиц" (Англия, 2003); совместные акустико-фонетические и автоматизированно-технические подходы к решению проблемы идентификации говорящего; стилеметрический анализ как средство идентификации говорящего; алгоритм обнаружения и интерполяции GSM импульсов, а также их последующего удаления в целях подготовки фонограмм для проведения слухового идентификационного анализа; сопоставительный анализ параметров цифровых фонограмм, записанных с помощью диктофонов, встроенных в различного рода мобильные телефоны и другие цифровые системы записи; анализ цифровых фонограмм (с учетом критерия несущей частоты электросети); определение локализации звукового источника в затрудненных условиях; определение скорости движения автомобиля по акустическому сигналу; неизвестные эффекты компрессии речи; измерение частоты

формант на спектрально обедненных (редуцированных) речевых сигналах; применение техники улучшения качества изображений, используемой в магнито-оптических исследованиях аудиопленок в целях установления аутентичности материала; программные средства, предназначенные для улучшения качества фонограмм в реальном времени; современная методика подготовки материала, служащего для опознания голосов; вопросы имитации, отбора материала и семантика; слуховое восприятие речи на фонограммах с измененной скоростью записи (применительно к знакомым голосам); акустический анализ и слуховое тестирование речи сестер и использование полученных результатов в судебной фонетике для корейского языка; исследование идентичности жизненных привычек и установок у близнецов (однойщевых, двуящевых); он-лайн-визуализация динамики русской речевой артикуляции, полученная с помощью применения магнитно-резонансных изображений. Новая эталонная база данных, предназначенная для распознавания речи и идентификации говорящего; система обучения фонетике (пакет многоцелевых программ).

Вышеозначенные материалы распадаются на два крупных тематических блока: (1) лингвистические (фонетические, стилистические, семантические) подходы к решению задач идентификации говорящего по голосу и речи; (2) технические (аппаратно-программные, акустические) подходы к решению задач передачи речевого сигнала по каналам связи, установление аутентичности фонограмм, шумоочистки сигнала.

Для первого блока фонетическая специфика представленных материалов включала анализ ряда параметров просодических характеристик (частоты основного тона, длительности во времени), а также спектральных характеристик речевого сигнала (значений формант, их динамики во времени и др.).

Значительное внимание было уделено проблемам фонетической интерференции, например, для Англии - идентификации этнической принадлежности выходцев с Ямайки. Наиболее интересными в рамках блока лингвокриминалистических исследований могут быть названы доклады Ф. Нолана и Я.Х. Шульце (Англия); К. Макдоугалл (Англия); П. Фулкс, Г. Кэррол, С. Хьюгс (Англия); А. Хирсона, М. Барри (Англия); П. Смит, Ги де Йонг (Англия).

Доклад "Вариативность значений частоты основного тона и идентификация говорящего" (Ф. Нолан, Я.Х. Шульце, Англия) содержит материал, полученный в ходе измерений средних значений частоты основного тона (F_0). Исходной гипотезой является предположение, согласно которому индивидуаль-

но маркированным при произнесении является конечное низкое значение F_0 (final low F_0 target). Данный параметр рассматривается как относительно инвариантный признак, характеризующий произнесение индивидуума. В то время, как структурные изменения F_0 во фразе зависят от многих факторов и варьируют в достаточно широких пределах, конечное значение F_0 ("глубина падения F_0 ") наименее подвержено этому влиянию и относительно постоянно для говорящего. Исследование проводилось на материале северо-ирландского диалекта английского языка в целях этнической идентификации говорящего. Для интонации жителей Северной Ирландии главное фразовое ударение ассоциируется с падением F_0 , следующим за высоким уровнем F_0 . Проведенные эксперименты, включающие измерение диапазона F_0 на участке, предшествующем конечному падению F_0 , показали наличие стабильности конечного падения F_0 вне зависимости от внесенных изменений F_0 в рамках предшествующего участка, в одном случае, и повышение F_0 , в другом.

Доклад "Индивидуально обусловленные величины динамики формант (применительно к дифтонгам)" (К. Макдоугалл, Англия) посвящен изучению интра- и интериндивидуальной вариативности траекторий формант F_1 , F_2 и F_3 при произнесении дифтонга /al/ носителями австралийского варианта английского языка. В качестве испытуемых выступали пять информантов-мужчин. Измерялись центральные значения формант и их динамика. При сопоставлении данных применялась нормировка по времени. Были получены обнадеживающие результаты, позволяющие выявить на данном материале интериндивидуальные характеристики говорящих, маркируемые динамикой формантных траекторий.

В докладе "Социолингвистическая и акустическая вариативность заполненных пауз" (П. Фулкс, Г. Кэррол, С. Хьюгс, Англия) представлены результаты исследования заполненных ("звучащих") пауз в английской речи, позволяющих идентифицировать говорящих. Было проанализировано 1.000 вставок ("звучащих" пауз) "eɪ" /э/ и "eɪm" /эт/ на материале произнесений 32 дикторов, распределенных с учетом возраста, пола, социальной принадлежности. Анализировались значения первых трех формант F_1 , F_2 и F_3 . Сопоставлялись величины данного параметра на материале вышеуказанных вставок и соответствующих гласных в составе слов во фразах того же диктора. В результате было установлено, что спектральные параметры вокалических вставок для каждого диктора отличались меньшей вариативностью, нежели параметры соответствующих гласных в составе слов. Вместе с тем удалось обнаружить ин-

териндивидуальные различия в акустической картине анализируемых заполненных пауз.

Доклад "Случай в судебной практике: темное Л" (А. Хирсон, М. Барри, Англия) и доклад "Речь улиц: Англия 2003" (А. Хирсон, Ф. Холмс, Б. Култраст, Англия) могут быть тематически объединены в один доклад, предметом обсуждения в котором является исследование акустических и перцептивных особенностей речи иммигрантов г. Лондона. Цель исследований - установление этнической принадлежности говорящих. Сопоставляются: а) креольский английский (Creole English) / пиджин (Pidgin); б) ямайский английский (Jamaican English) / английский ямайских креолов (British Jamaican Creole); в) английский черного населения Лондона (Black London English) / английский белого населения Лондона (White London English). Анализировалась речь мужчин и женщин. Учитывались такие факторы, как родной/неродной язык, возраст, социальная принадлежность. В докладе освещены результаты исследования консонантизма: [k]; [f ~ t]; [v ~ t]; [l].

В докладе "Стилеметрический анализ: средство идентификации говорящего" (П. Смит, Ги де Йонг, Англия) излагаются теоретические положения и практические рекомендации для проведения стилеметрического анализа текстов, получаемых в результате орфографического транскрибирования в ходе экспертизы. Известно, что спонтанная речь (неподготовленное говорение) отличается от чтения наличием повторов, заполненных пауз, возвратом к начальному пункту говорения и т.д. Орфографическая транскрипция произнесенных (речевых) текстов может содержать специфические признаки говорения индивидуума, полезные для его идентификации. Цель данного пилотного проекта - определить, сможет ли стилеметрический анализ внести свой вклад в решение задачи идентификации говорящего на материале фонограмм, предъявляемых для последующего слухового анализа. Стилеметрический анализ определяется как один из видов квантитативного анализа, направленного на выявление авторства текста и/или хронологии текстов. Данный вид анализа может быть сориентирован на лексический и не лексический методы. Последний включает использование параметра частоты буквенного окружения (контекста), лексический подход - анализ редко встречающихся слов, т. е. слов с малой частотой встречаемости. Данное исследование направлено на определение транскриптов диалогической речи, содержащих признаки, необходимые для идентификации говорящего.

Блок докладов акустического профиля включал исследования речи, выполненные на базе различных аппаратно-программных средств. Так, например, в докладе "Улучше-

ние качества речи в реальном времени программным способом" (К. Миллз, Англия) предложена специальная компьютерная программа шумоочистки речевых сигналов, позволяющая удалять последствия реверберации, шум машин, музыкальное сопровождение и др. Сначала программа определяет тип акустической интерференции, вводятся характеристики слухового восприятия, сравниваются сигналы до и после очистки. При этом улучшение качества сигнала увеличивается вследствие возможности сравнения с образцами, хранящимися в базе данных системы.

Среди докладов следует особо выделить два доклада обзорно-аналитического характера: "Современная судебная фонетика в России" (Р.К. Потапова, В.В. Потапов, Россия) и "Процедура идентификации говорящего - решение различного рода задач опознания" (А. Иивонен, Ю. Кирьявайнен, Т. Ниemi - Лайтинен, Финляндия).

В первом докладе авторы останавливаются на специфике задач идентификации говорящего по голосу и речи в России: имеется в виду многообразие лингвистической картины России. Сложность работы эксперта в области определения этнической принадлежности говорящего заключается в наличии многослойной языковой интерференции, социального разнообразия, количественного фактора и т.д. Многоязычность России характеризуется наличием индоевропейских, кавказских, афро-азиатских, семитских, урало-алтайских, палеоазиатских, тибето-китайских, корейской и др. групп языков.

Анализ существующего положения дел в области судебной фонетики в России показал необходимость широкого фронта работ в области речевой интерференции, увеличения числа специалистов в сфере лингвокриминалистики.

Второй доклад включает программу финских речеведов, поддержанную рядом проектов. Цель программы - развитие направления по разработке автоматического многопараметрического метода опознания говорящего; формирование базы фонетических данных (для 240 дикторов); разработка компьютерной программы автоматической идентификации говорящего (ProMatch).

В целом конференция характеризуется высоким качеством представленного материала, разнообразием тем, свежестью разрабатываемых методик, что имеет большое значение для успешного решения проблемы идентификации личности по голосу и речи. Принято решение провести следующую ежегодную конференцию IAFP-2004 в г. Хельсинки (Финляндия).

Р.К. Потапова

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. **Рукописи** представляются в двух экземплярах: текст и подстрочные примечания **должны быть набраны** через два интервала **на машинке или** через полуторный интервал **в электронном виде**. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес, телефон, E-mail адрес.

1.1. Редакция также принимает электронную версию материалов, полностью идентичную напечатанному оригиналу. В состав электронной версии статьи должны входить: файл, содержащий текст статьи, и файл(ы), содержащий(е) иллюстрации. Если текст статьи вместе с иллюстрациями выполнен в виде одного файла, то необходимо дополнительно представить файлы с иллюстрациями. На дискете желательно продублировать материалы в разных каталогах (на случай брака дискеты). Во избежание технических неполадок запись на дискете рекомендуется тестировать и проверять на вирусы.

1.2. Подготовка электронной версии основного текста.

Желательно представление основного текста статьи в формате Microsoft Word for Windows. При наборе используйте стандартные Windows True Type шрифты (например, Times New Roman, Courier New, Arial и т.п.). Все использованные в статье шрифты с нестандартными знаками желательно сохранить как отдельные файлы на дискете. Размер шрифта - 12.

Обращаем Ваше внимание на то, что строки текста в пределах абзаца не должны разделяться символом возврата каретки (обычно клавиша Enter). Тексты с разделением строк в пределах абзаца символом возврата каретки не могут быть использованы.

1.3. Подготовка электронной версии графического материала.

При подготовке графических файлов мы просим Вас придерживаться следующих рекомендаций:

- для растровых рисунков использовать формат TIF с разрешением 600 dpi, 256 оттенков серого; - векторные рисунки должны представляться в формате программы, в которой они сделаны: CorelDraw (до версии 8.0), Adobe Illustrator (до версии 8.0), FreeHand (до версии 8.0) или в формате EPS.

- для фотографий использовать формат TIF не менее 300 dpi.

Если программа не является распространенной, то желательно дополнительно сохранить файлы рисунков в формате WMF или EPS.

Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы был понятен порядок их расположения. Каждый файл должен содержать один рисунок.

2. **Примеры** в журнале приняты давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значения их в кавычках.

3. **Библиография** в журнале оформляется следующим образом:

3.1. Список использованной литературы дается в конце статьи по алфавиту фамилий авторов и оформляется так:

- "Код работы" (фамилия, год выхода цитируемой работы), тире, инициалы и фамилия автора, название работы. В случае, если авторов больше двух, допустимо указывать только одного автора плюс выражение типа "и др." или "et al." .

- Если это монография, то после точки указываются место и год издания, например: Успенский 1994 - *Б.А. Успенский*. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.). М., 1994.

- Если это статья, то после двойного слэша (//) указывается журнал (допустимы при этом стандартные сокращения) или выходные данные сборника, например:

Трубецкой 1990 - *Н.С. Трубецкой*. Общеславянский элемент в русской культуре // ВЯ. 1990. № 2,3.

- Если это сборник или иное аналогичное издание, то "кодом" является одно из двух:

а) фамилия редактора (или редакторов; допустимы сокращения как и в ссылке на авторскую работу, см. выше) и год, тире, инициалы и фамилия редактора с указанием "ред." (для других языков - ed., hrsg. и т.п.);

б) сокращенное название и год.

Greenberg 1978 - *J. Greenberg* ed. Universals of human language. V. I. Method and theory. Stanford (California), 1978.

Universals 1978 - Universals of human language. V. I. Method and theory. Stanford (California), 1978.

3.2. **В тексте ссылки на литературу** даются в квадратных скобках; фамилия (и инициалы автора, если это необходимо во избежание недоразумений), год публикации работы с указанием цитируемых страниц (если это существенно). Например [В.В. Иванов 1992 : 34], [W. Jones 1890]. Если в библиографии упоминаются несколько работ одного и того же автора и года, используются уточнения типа: [W. James 1890a].

4. **Подстрочные примечания** имеют сквозную нумерацию.

5. Непринятые рукописи не возвращаются.

6. Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются.

7. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга будет ему возвращена).

Статьи, оформленные не в соответствии с указанными выше правилами, к рассмотрению в журнале "Вопросы языкознания" не принимаются.

**СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ
И ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ ИЗДАНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ЖУРНАЛЕ
"ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ"**

- БЕ - Български език
ВДИ - Вестник древней истории
ВИ - Вопросы истории
ВСЯ - Вопросы славянского языкознания
ВФ - Вопросы философии
ВЯ - Вопросы языкознания
ЕИКЯ - Ежегодник иберийско-кавказского языкознания
ЖМНП - Журнал Министерства народного просвещения
ЗВО РАО - Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИАН СЛЯ - Известия АН СССР. Серия литературы и языка
ИКЯ - Иберийско-кавказское языкознание
ИОРЯС - Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук (Росс. АН),
АН СССР
ИЯШ - Иностранные языки в школе
РЯНШ - Русский язык в нац. школе
РЯШ - Русский язык в школе
СБНУ - Сборник за народни умотворения
СТ - Советская тюркология
ФН - Доклады высшей школы. Филологические науки
ADAW - Abhandl. der Deutschen (Berliner) Akad. der Wissenschaften. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
AfsIph - Archiv für slavische Philologie
AGL - Archivio glottologico Italiano
AKGW - Abhandl. der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen
AL - Acta linguistica
AmA - American anthropologist
ANF - Arkiv för nordick filologi
AO - Archiv orientalni
APAW - Abhandl. der Preussischen Akad. der Wissenschaften. Philosoph.-hist. Klasse
BCLC - Bulletin du Cercle Linguistique de Copenhague
BPTJ - Biuletyn Polskiego towarzystwa jezykoznawczego
BSLP - Bulletin de la Société de linguistique de Paris
BSOS - Bulletin of the School of Oriental studies
BzNf - Beiträge zur Namenforschung
CAJ - Central Asiatic Journal
CFS - Cahiers F. de Saussure
CJ - The classical journal
FPhon - Folia phoniatica
FuF - Finnisch-ugrische Forschungen
GL - General linguistics
HR - Hispanic review
IF - Indogermanische Forschungen
IJ - Indo-Iranian journal
IJAL - International journal of American linguistics
JA - Journal asiatique
JASA - Journal of the Acoustical society of America
JEGPh - Journal of English and Germanic philology
JL - Journal of linguistics
JP - Język polski
JRS - Journal of the Royal Asiatic society
JSFOu - Journal de la Société finno-ougrienne
JФ - Южнословенски филолог
KZ - Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen
LaPh - Linguistics and Philosophy

Lg - Language
 Lin - Linguistic Inquiry
 LM - Les langues modernes
 MM - Maal og minne
 MSFOu - Memoires de la Société finno-ougrienne
 MSLP - Memoires de la Société de linguistique de Paris
 MSOS - Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin
 NSS - Nysvenska studier
 NTS - Norsk tidsskrift for sprogvidenskap
 PBB - Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur
 PMLA - Publications of the Modern Language Association of America
 RES - The Review of English studies
 RÉG - Revue des études grecques
 RÉSI - Revue des études slaves
 RF - Romanische Forschungen
 RKJL - Rozprawy Komisji j[^]zykowej Łódźk. t-wa naukowego
 RKJW - Rozprawy Komisji j[^]zykowej Wrocławsk. t-wa naukowego
 RLing - Russian linguistics
 RLR - Revue de linguistique romane
 RO - Rocznik orientalistyczny
 RS - Rocznik slawistyczny
 SaS - Slovo a slovesnost
 SDAW - Sitzungsberichte der Deutschen Akad. der Wissenschaften, Phil-hist., Klasse für Sprachen,
 Literatur und Kunst
 SL - Studia linguistica
 SMS - Sbornik matice slovenskej pre jazykozpyt, národopies a literárnu históriu
 SPAW - Sitzungsberichte der Preussischen Akad. der Wissenschaften
 StO - Studia orientalia
 SWAW - Sitzungsberichte der Wiener Akad. der Wissenschaften
 TA - Traduction automatique
 TCLC - Travaux du Cercle linguistique de Copenhague
 TCLP - Travaux du Cercle linguistique de Prague
 TIL — Travaux de l'Institut de linguistique
 TPhS - Transactions of the Philological society
 UAJb - Ungarische Jahrbücher
 VR - Vox Romanica
 WW-WirkendesWort
 ZAS - Zentralasiatische Studien
 ZCPh - Zeitschrift für celtische Philologie
 ZDA - Zeitschrift für deutsches Altertum
 ZDMG - Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft
 ZDPh - Zeitschrift für deutsche Philologie
 ZMaF - Zeitschrift für Mundartforschung
 ZNS - Zeitschrift für neuere Sprachen
 ZPhon - Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft
 ZRPH - Zeitschrift für romanische Philologie
 ZSL - Zeitschrift für Slavistik
 ZSLPh - Zeitschrift für slavische Philologie

CONTENTS

T.I. Vendina (Moscow). A lexical atlas of Russian folk dialects. A test issue; **Anna A. Zaliznjak** (Moscow). The phenomenon of polysemy and ways of their description; **M.A. Tariverdijeva** (Moscow). Conditional clauses in Latin. A semantic-syntactic essay; **V.A. Gurejev** (Moscow). Linguistic egocentrism in new paradigms of knowledge; **O.Yu. Boguslavskaja, I.B. Levontina** (Moscow). The meanings "cause" and "goal" in a natural language; **V.V. Kazakovskaja** (St.-Petersburg). Question-answer unities in a dialogue "adult - child". **Surveys:** **L.E. Kalnyn', G.P. Klepikova** (Moscow). Problems of dialectology at the XIII International Congress of linguists. **Reviews:** **LA. Gruntov** (Moscow). Comparative grammar of Turkic languages; **O.N. Liševskaja** (Moscow). **G.G. Corbett**. Number; **T.I. Reznikova** (Moscow). Reported discourse; **L.D. Sagdarov, U.-J.S. Dondukov** (Ulan-Ude). The Great Academic Mongolian-Russian dictionary; **P.M. Arkadjev** (Moscow). **G.T. Stump**. Inflectional morphology; **Scientific life: Chronicle features**.

Сдано в набор 23.12.2003	Подписано к печати 12.02.2004	Формат 70 x 1007 ₁₆		
Офсетная печать	Усл. печ.л. 13,0	Усл. кр.-отг. 19,8 тыс.	Уч.-издл. 15,4	Бум. л. 5,0
	Тираж 1496 экз.	Зак. 8133		

Свидетельство о регистрации № 0110167 от 4 февраля 1993 г.
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредитель: Российская академия наук

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон 201-25-16

Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6